
КОММЕНТАРИИ

I

«...ЧЬЯ ПРОЗА ЛУЧШАЯ В НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

А. С. Шишков

Рассуждение о старом и новом слоге российского языка

Впервые: 1803. Печатается по изданию: Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена. СПб., 1824. Ч. II. С. 119—139.

Шишков Александр Семенович (1754—1841) — писатель, государственный деятель, адмирал. Глава литературного общества «Беседа любителей русского слова». С 1813 г. президент Российской академии. В литературе поборник высокого гражданского стиля, архаист.

Начало XIX века было ознаменовано спором о путях развития России, о русском литературном языке и «слоге». Начало ему положили статьи Карамзина «О любви к отечеству и народной гордости», «Отчего в России мало авторских талантов?» и др. В них Карамзин призывал заняться «обработыванием собственного языка». «Карамзин хотел, чтобы русский человек свободно выражал самые тонкие чувства и сложнейшие философские понятия не на французском, а на русском языке. Он загорелся национально-патриотической идеей создать общенациональную речевую форму общения, которая отличалась бы как от “книжного” языка, так и от бытового просторечия и была бы равно употребительна в разговорном и литературном языках. ... Карамзин предложил обработать русский язык по образцу французского, то есть положить в основу русской речевой формы национального общения стилистические принципы, использованные французами.

Карамзин не помышлял о механическом перенесении законов французского языка на законы русского. Он имел в виду опору на самые общие стилистические установки, но никак не изменение коренных основ языка. Шишков понял его иначе» (*Коровин В. И.* Поэт и мудрец: Книга об Иване Крылове. М., 1996. С. 294—295).

В 1803 году А. С. Шишков издал свое знаменитое «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», в котором подверг критике карамзинский «новый слог», прежде всего лексические, фразеологические и стилистические заимствования из французского языка, а в 1804 году в ходе дискуссии между «шишковистами» и «карамзинистами» выпустил также «Прибавление к сочинению, называемому “Рассуждение о старом и новом слоге российского языка”, или Собрание критик, изданных на сию книгу, с примечаниями на оные» и ряд статей, где подчеркнул издержки «нового слога»: манерную перифрастичность, связанную нередко с неумеренным и непродуманным употреблением заимствованных слов и несвойственных русскому языку синтаксических оборотов, и «одинаковость» не только во всех разновидностях литературы, но и в «разговоре».

Имея в виду известное высказывание Карамзина, что только в новое время «образуется приятность слога», Шишков писал: «Я долго размышлял, вподлинну ли сочинитель сих строк говорит сие от чистого сердца, или издевается и шутит: как? Нелепицу нынешнего слога называет он приятностью! Совершенное безобразие и порчу оного образованием!» Справедливо выступая против галломании, против увлечения заимствованием французских слов и калькированием, Шишков впадал в крайность, полностью отрицая целесообразность всяких заимствований (все заимствованные слова и кальки он предлагал заменять словами «славянорусскими», которые в большинстве своем представляли собой архаизмы или неудачные новообразования по старым моделям). Церковнославянский и русский язык Шишков рассматривал как две стилевые разновидности одного и того же языка. Позиция «карамзинистов» выглядела прогрессивнее, они провозгласили принцип сближения литературного и разговорного языка. П. И. Макаров в журнале «Московский Меркурий» (1803. № 12) писал, что язык должен быть единым «равно для книг и для общества, чтобы писать как говорят и говорить как пишут». Однако Карамзин и его последователи ориентировались на разговорный язык светских женщин, хотя и не находили в нем того, что полностью соответствовало бы их вкусу. Не нравилось им и все то, что было сделано в области русского литературного языка и предшествовавшими писателями. В статье «Отчего в России мало авторских талантов?» (1802) Карамзин писал: «Истинных писателей было у нас еще так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенные, мысли. Русский кандидат авторства, недовольный книгами, должен закрыть их и слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершеннее узнать язык. Тут новая беда: в лучших домах говорят у нас более по-французски! Милые женщины, которых бы надлежало только подслушивать, чтобы украсить роман или комедию любезными, счастливыми выражениями, пленяют нас нерусскими фразами. Что ж остается делать автору? Выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения!.. — Одним словом, французский язык весь в книгах (со всеми красками и тенями, как в живописных картинах), а русский только отчасти; французы пишут как говорят, а русские обо многих предметах должны еще говорить так, как напишет человек с талантом».

Именно эти положения подвергает критике А. С. Шишков, иронически цитируя их в своей работе.

М. П. Погодин сообщал: «Шишков, знаменитый председатель российской академии, горячий ревнитель церковного языка, вооружился против так называемых нововведений Карамзина, целою книгою, под заглавием о старом и новом слоге, которая произвела большой шум в русском литературном мире, в начале нынешнего столетия. Раздраженный Дмитриев требовал тогда непременно, чтобы Карамзин сам отвечал Шишкову. Карамзин долго отговаривался, но наконец принужден был дать слово. Когда же привезешь ты мне статью? — спросил Дмитриев. Через две недели, отвечал Карамзин, — и принялся за работу. Наступил срок, Карамзин привозит толстую тетрадь. Дмитриев в полном удовольствии. Начинается чтение. Дмитриев в восторге, выражает беспрестанно свое одобрение. Вот так! Вот хорошо! Прекрасно... Кончилось чтение. “Ну, ты видишь, сказал Карамзин, я написал и сдержал свое слово, исполнил твою волю. Теперь ты мне позволь исполнить свою”. И с этими словами бросает свою тетрадь в камин» (*Погодин М. П.* О Карамзине, как человеке и гражданине // *Всемирный труд*. 1867. № 1. С. 200).

В то же время ни «карамзинисты», ни «шишковисты» не обратились к богатству общенародной речи, лишив жизнеспособности свои языковые идеи. Будущее в этом смысле принадлежало И. А. Крылову и А. С. Пушкину. Однако полемика о «новом слоге» принесла большую пользу и самому Карамзину: трудясь над своей «Историей», он стал глубже всматриваться в язык летописей, достигая выразительности, точности и краткости — первых достоинств прозы.

¹ Статья Н. М. Карамзина «Отчего в России мало авторских талантов?» была напечатана в «Вестнике Европы» (1802. № 14).

² У Карамзина в «Вестнике Европы»: развиваться учением.

³ Вольтер (наст. имя — Мари Франсуа Аруэ; 1694—1778) — французский писатель и философ-просветитель.

⁴ Монтень (Монтань Мишель де; 1533—1592) — французский писатель, философ-гуманист.

⁵ Паскаль Блез (1623—1662) — французский писатель, математик, физик, религиозный философ.

⁶ Руссо Жан-Жак (1712—1778) — французский писатель, философ.

⁷ Томас (Тома Антуан Леонар; 1732—1785) — французский писатель-просветитель, директор Французской академии.

⁸ Мармонтель Жан-Франсуа (1723—1799) — французский писатель-просветитель, член Парижской академии, участник «Энциклопедии» Д'Аламбера и Д. Дидро. В России пользовались широкой известностью в 1760-е — начале XIX в. его «Нравоучительные повести» («Contes moraux», 1755—1761, 1789—1792) и философский роман «Велизарий» («Vélisaire», 1767), осужденный Сорбонной за содержащуюся в нем проповедь веротерпимости.

⁹ Тредьяковский (Тредиаковский Василий Кириллович; 1703—1768) — русский поэт, филолог, академик петербургской Академии наук.

¹⁰ Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — великий русский ученый-естествоиспытатель, поэт, художник, историк.

¹¹ Мальгерб (Малерб Франсуа; 1555—1628) — французский поэт, один из основателей классицистического литературного стиля.

¹² Руссо Жан Батист (1670—1741) — французский поэт, автор од, посланий, комедий.

¹³ Сумароков Александр Петрович (1717—1777) — русский писатель, один из видных представителей классицизма.

¹⁴ Буало-Депрео Никола (1636—1711) — французский поэт, теоретик классицизма.

¹⁵ Расин Жан (1639—1699) — французский драматург, представитель классицизма.

¹⁶ Лафонтен Жан де (1621—1695) — французский писатель, автор знаменитых «Басен».

¹⁷ Нынешние писатели, говорит Шишков выше, «безобразят слог свой введением в него иностранных слов, таковых, например, как: *моральный, эстетический, эпоха, сцена, гармония, акция, энтузиазм, катастрофа* и тому подобных» (Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге русского языка // Шишков А. С. Собр. соч. и переводов. СПб., 1824. Ч. II. С. 23).

¹⁸ У Карамзина в «Вестнике Европы»: у нас более.

¹⁹ Молиер (Мольер Жан Батист; 1622—1673) — великий французский драматург.

²⁰ У Карамзина: красками.

²¹ Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707—1788) — французский натуралист и писатель, автор многотомной «Естественной истории».

²² У Карамзина: преодолеть.

²³ Корнелий (Корнель Пьер; 1606—1684) — французский драматург, один из создателей драматургии классицизма.

²⁴ Лагарп Жан-Франсуа (1739—1803) — французский писатель, теоретик классицизма, член Французской академии.

²⁵ Боннет (Бонне Шарль; 1720—1793) — швейцарский ученый-натуралист и натурфилософ.

²⁶ Томсон Джемс (1700—1748) — английский поэт.

²⁷ Журнал «Московский Меркурий» (1803. № 12. С. 155—198), где была помещена статья П. И. Макарова «Критика на книгу под названием: Рассуждение о старом и новом слоге русского языка».

²⁸ Имеется в виду Н. М. Карамзин.

²⁹ Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — римский политический деятель, оратор и писатель.

³⁰ Архий (Археас; II в. до н. э.) — антиохийский греческий поэт.

П. И. Макаров

Критика на книгу под названием: Рассуждение
о старом и новом слоге русского языка

Впервые: Московский Меркурий. 1803. № 12. С. 163—164, 190—191. Печатается по первой публикации.

Макаров Петр Иванович (1764—1804) — критик, журналист, переводчик, прозаик. Стоял у истоков русской критической мысли XIX века. Ф. Ф. Вигель писал о нем: «Этот Петр Иванович Макаров был отличный критик, ученый, добросовестный, беспристрастный, пристойный» (Русские мемуары. М., 1989. С. 471).

С января 1803 по апрель 1804 года издавал журнал «Московский Меркурий», во многом перекликавшийся с «Вестником Европы» Карамзина и разделявший его эстетические идеи. В своей оценке роли Карамзина опирается на критерии, выработанные в русле сентиментализма.

В рецензии на книгу А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» Макаров говорит об эволюции языка, о том, что язык изменяется вместе с появлением новых понятий, о стирании граней между книжным и разговорным языком. Полемизируя с Шишковым, Макаров упрекает его в неспособности оценить смысл и значение литературной деятельности Карамзина, в использовании примеров из Карамзина для критики нового слога. Статья Макарова характеризовала его как горячего защитника карамзинской реформы.

А. С. Шишков ответил на публикацию в «Московском Меркурии» в своем «Прибавлении к сочинению, называемому “Рассуждение...”».

¹ Заключительная фраза из статьи Карамзина «Нечто о науках, искусствах и просвещении»: «Меня не будет — но память моя не совсем охладает в мире; любезный, нежно образованный юноша, читая некоторые мысли, некоторые чувства мои, скажет: *он имел душу, имел сердце!*» (Аглая. 1794. Ч. 1).

² Имеется в виду А. С. Шишков, автор «Рассуждения о старом и новом слоге русского языка».

В. А. Жуковский

Запись на полях книги А. С. Шишкова «Рассуждение
о старом и новом слоге русского языка»
(1803—1804)

Впервые: Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978.
Ч. 1. С. 111, 122. Печатается по этому изданию.

Обзор русской литературы за 1823 год
(1824)

Впервые: Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978.
Ч. 1. С. 44—48 (публикация А. С. Янушкевича). Печатается по изданию: *Жуковский В. А. Эстетика и критика*. М., 1985. С. 311.

<Конспект по истории русской литературы>
(1826—1827)

Впервые: ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 295—312 (подгот. текста Л. Б. Модзалевского); оригинал по-французски. Печатается по из-

данию: Жуковский В.А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 318—323.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — русский поэт. Начав как сентименталист («Сельское кладбище», 1802), стал одним из создателей русского романтизма.

Карамзин и Жуковский олицетворяют две эпохи в развитии русской литературы — сентиментализма и романтизма. Влияние личности и творчества Карамзина на первого русского романтика не может быть оспорено. Оно охватывает и сферу нравственно-философского идеала, и область жанрово-стилевых взаимодействий.

А. С. Янушкевич пишет: «Многочисленные материалы и факты (споры о Карамзине в Дружеском литературном обществе, участие Жуковского в карамзинском “Вестнике Европы” и в полемике с Шишковым, его дружеские отношения с вождем русского сентиментализма, высокая оценка самим Жуковским исторической миссии Карамзина и его творчества в “Конспекте по истории русской литературы”) красноречиво свидетельствуют о безусловном признании Жуковским сентиментализма как необходимого и существенного явления в развитии русской литературы» (Янушкевич А. С. Влияние сентиментализма на Жуковского-поэта // Жуковский и литература конца XVIII—XIX века. М., 1988. С. 152—153).

Но прежде необходимо подчеркнуть особый характер восприятия Жуковским самой личности Н. М. Карамзина. Отзывы о нем носят у Жуковского неизменный оттенок восторга и восхищения, может быть, даже благоговения.

Карамзин как бы благословил Жуковского на литературном поприще, опубликовав в 1802 году в «Вестнике Европы» элегию «Сельское кладбище». В раннем творчестве русского романтика обнаруживаются общие с Карамзиным жанрово-стилевые черты, близость проблематики.

Для обоих писателей особой актуальностью обладала проблема соотносительности просвещения и добродетели. Оба пишут о добродетели как о единственном пути к счастью, оба во многом сходятся в отношении к просвещению.

И для Карамзина и для Жуковского неизменным предметом творческих раздумий была поэзия, ее сущность, ее задачи, «качества стихотворца», личность поэта.

Исследователи отмечают значение для Жуковского стихотворения Карамзина «Поэзия» (1787), особенно темы нравственной сущности искусства, получившей дальнейшее развитие в «Дарованиях» (1796).

Принципиально важной для обоих поэтов была тема независимости творца, проблема определения места человека и писателя в обществе.

В творчестве двух авторов (Жуковский был продолжателем) провозглашалась «автономность чувствительного сердца» (Н. Котляревский), внутренняя свобода, свобода чувствований, склонностей, мнений.

И Карамзина, и Жуковского привлекала тема поэтического вымысла, фантазии, мечты.

В то же время Жуковский во многом находился под властью просветительских представлений XVIII века, и, в частности, Карамзина, о воспитательной функции поэзии, о «пользе» как критерии ее ценности. С точки зрения соотношения эстетики и этики карамзинская статья «Что

нужно автору?» была близка Жуковскому, он разделял мнение ее автора о том, что между личностью автора и его произведением существует глубокая внутренняя связь. С личностью Карамзина всегда связывалось для Жуковского представление о нравственном долге писателя, хотя многие карамзинские темы и образы преодолевались Жуковским в течение его творческой эволюции.

Во многом сходны были отношения Карамзина и Жуковского с царской семьей, когда искренность любви и уважения соединялась с независимостью мнений и суждений и абсолютным бескорыстием. Как наследники просветительских традиций, они считали, что государям нужны «мудрые советники».

Преемственность традиций проявилась также в том, что, став в 1808—1809 годах издателем «Вестника Европы», основанного Карамзиным, Жуковский продолжил его программу, просвещая разум и сердце читателей, но не разделял снисходительного отношения Карамзина к жанру романа, считая его пустым чтением, а также гораздо меньше уделял внимания вопросам политики.

Художественная проза Карамзина также не прошла бесследно для творчества Жуковского. В 1803 году при Карамзине-редакторе в «Вестнике Европы» был напечатан «Вадим Новгородский» Жуковского, обнаруживающий параллели с карамзинскими историческими повестями. Традиции преромантических повестей Карамзина («Остров Борнгольм», «Сиерра-Морена») прослеживаются в повести «Марьяна роща», где можно заметить и ориентацию на сентиментальную повесть.

Большое значение имеет участие Жуковского в споре о путях развития русского литературного языка. Ниспровергая идеи Шишкова и его сторонников, он всецело поддерживал карамзинскую языковую реформу и выделял его заслуги в развитии русской прозы. Читая книгу Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», он делает на полях многочисленные заметки. «Чувствуя, что в борьбе Шишкова с так называемыми новомодными писателями стрелы устремлены на Карамзина, Жуковский спрашивает автора на полях его книги: “Кто эти новомодные писатели?” И уверенно, полемично отвечает: “Карамзин не есть новомодный, а лучший русский прозаист. Он один писал у нас свое в прозе и так, как надобно”» (Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. 1. С. 122). Это заявление носит программный характер. Открытую Карамзиным «тайну слова» Жуковский видел в ясности, изяществе и точности.

Н. Д. Кочеткова отмечает, что Жуковского восхищала позиция Карамзина по отношению к его многочисленным литературным противникам во главе с А. С. Шишковым. На их ожесточенные нападки Карамзин упорно отвечал молчанием, не вступал в полемику и продолжал работать над «Историей государства Российского». М. П. Погодин передает рассказ о том, как И. И. Дмитриев настаивал, чтобы Карамзин сам отвечал Шишкову, и как Карамзин написал этот ответ, но, прочтя его Дмитриеву, бросил рукопись в камин со словами: «Ну вот видишь, я сдержал свое слово: я написал, исполнил твою волю. Теперь ты позволь мне исполнить свою» (Кочеткова Н. Д. Жуковский и Карамзин // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 208).

Особое отношение к Карамзину Жуковский сохранял всю жизнь. Это был для него символ «доброго и лучшего», воплощение нравственного идеала самого Жуковского, который писал, называя его своим евангелистом: «Я желаю быть ему подобным в стремлении к хорошему» (Там же. С. 209). «...Жуковский пытается определить роль Карамзина в своей жизни... “Друг-отец” — вот формула, удачно найденная Жуковским для выражения своего отношения к Карамзину, для означения своего духовного родства с ним. Характерно, что эта формула появилась именно в письме к А. И. Тургеневу, который, как и другие братья Тургеневы, имел высокое представление о сыновнем долге и относился с глубочайшим уважением к своему “другу-отцу” И. П. Тургеневу. О своем “чувстве любви сыновней” к Карамзину Жуковский писал еще при его жизни (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 213). Мысль “надобно быть достойным его” оказалась для Жуковского стимулом для дальнейшей деятельности» (Кочеткова Н. Д. Жуковский и Карамзин. С. 213).

Внутренний самоотчет Жуковского всегда был ориентирован на своего «друга-отца». Стремясь, согласно Карамзину, совершенствовать свою добрую волю, он говорит в письме к А. И. Тургеневу от 31 октября 1816 года: «Любовь его есть счастье. И для меня она также нужна, как счастье. Скажи ему при первом случае (когда будешь с ним обо мне говорить, обняв его за меня как друга и верного товарища во всем прекрасном), что я, сколько мог, сдержал свое обещание, что мне будет можно спокойно показаться на его глаза и пожать от всей души ему руку» (Там же. С. 210). Узнав о смерти Николая Михайловича, Жуковский сделал в дневнике запись «Карамзин», сама лаконичность которой свидетельствует о глубине пережитого им потрясения. Через несколько дней он писал Александре Федоровне: «На земле еще одним ангелом меньше! да! ангелом! Это настоящее его название. Никогда еще существо более чистое не украшало мир». И далее: «Какая потеря для России!»; чуть позднее в письме к А. И. Тургеневу: «Воспоминание об нем есть религия» (Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 498).

¹ В «Опровержении на критики» Пушкин называл «Историю государства Российского» среди тех произведений, которые «наша словесность с гордостью может выставить перед Европою» [11, 143]. «В прозе имеем мы только “Историю” Карамзина», — утверждал он в «Рославлеве» [8, 150]. «Историю государства Российского» Пушкин, как известно, считал «созданием великого писателя» [11, 57].

² Критики и исследователи говорят о громадном скачке, сделанном русской исторической литературой в течение 20-х годов. «Скачок этот особенно виден на таких второстепенных талантах, каковы были Нарезный и Лажечников, — пишет А. Скабичевский. — между их молодыми произведениями и писанными в зрелом возрасте лежит непроходимая пропасть и замечательно при этом, что подобным переворотом эти второстепенные писатели отнюдь не обязаны какому-либо влиянию первостепенных талантов: мы видим, по крайней мере, что в течение 20-х годов первостепенные таланты (Жуковский, Пушкин) занимались исключительно стихами. Повествовательная литература была, по-видимому, в полном пренебрежении; и вдруг к концу 20-х годов она делает небывалые

успехи, причем самые маленькие беллетристы сразу делаются неузнаваемыми» (*Скабичевский А.* Наш исторический роман // *Северный вестник.* 1886. № 5. С. 127). Есть основания утверждать, что своими успехами историческая проза 30-х годов обязана во многом «Истории государства Российского» Карамзина.

³ Имеется в виду «Московский журнал», который Карамзин издавал в 1791—1792 годах.

⁴ В любом случае, «История» Карамзина «уже породила в то время страсть к родной старине» (*Дружинин А. В.* Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 73) и дала образцы небывало «чистой, плавной и сильной прозы» (*Батюшков К. Н.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 150).

П. И. Шаликов

О слогe господина Карамзина

Впервые: *Аглая*, издаваемая кн. П. Шаликовым. М., 1808. Часть II, апрель—июнь. Кн. 1—3. С. 54—59. Печатается по первой публикации.

Новость

Впервые: *Сын Отечества.* 1818. № 10. С. 157—159. Печатается по первой публикации.

Шаликов Петр Иванович (1767 или 1768—1852) — князь, писатель, издатель, поэт-сентименталист. Участвовал в турецкой и польской войнах, в частности, во взятии Очакова. Как литератор был горячим поклонником Карамзина. В 1806 году издавал журнал «Московский зритель», в 1808—1812 — журнал «Аглая», а в 1823 году начал издание «Дамского журнала». Он является также автором книг: «Плод свободных чувствований», «Цветы граций», «Послания в стихах князя Шаликова», «Повести князя Шаликова», «Сочинения князя Шаликова», «Последняя жертва музам» и др.

П. И. Шаликова отличали преданность литературе, уважение к мысли и чувству, искренняя гуманность. «Шаликов — истинный рыцарь сентиментализма, — пишет В. И. Коровин. — Карамзин — его кумир. О себе Шаликов писал: “Так я служу грациям, ибо надобно и им служить; посвящаю труды мои одной п р и я т н о с т и, ибо в этом состоит вся моя способность”. Он много сделал, чтобы облагородить нравы. Он всегда был сторонником сердечных отношений в обществе и в семье. Нередки у Шаликова и правдивые описания нравов света, губящего живые души и коверкающего добрую природу человека. Но чрезвычайно узок диапазон чувств самого автора и его героев. Нежность, кротость — вот, пожалуй, основные свойства в его изображении “чувствительного” человека. При чем свойства эти проявляются по мелким, незначимым поводам. Неадекватность реакций (слезы без нужды, немотивированная мечтательность) отражается и в языке, однообразном по интонации и слащавом до пригорности. Вследствие этого Шаликов стал любимой мишенью для язв

тельных стрел своих современников» (*Коровин В. И.* «Наслаждающееся размышление самого себя» // *Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма.* М., 1990. С. 16).

Помещенная в его журнале «Аглая» статья «О слоге господина Карамзина» между тем обнаруживает в авторе тонкий вкус и пророческий дар. В краткой статье выражена принципиальная мысль о том, что Карамзин никогда не повторял своих эстетических опытов: каждая его повесть — новая грань в его эстетике; обоснованы разумные подходы к нововведениям в языке, отмечено направление развития языка самого Карамзина, отброшены предъявляемые ему обвинения в порче русского языка, упомянуто его влияние на читателей и писателей, даны верные характеристики его слога, а также высказано убеждение (оказавшееся в абсолютной мере справедливым), что «беспристрастное потомство будет справедливее многих современников, которые не дойдут до суда его, в то время как г. Карамзин получит от него венок неувядаемый!»

«С Карамзиным Шаликова связывала долголетняя дружба. Карамзин старался помочь своему малообеспеченному, обремененному большой семьей другу, выполняя его многочисленные просьбы» (*Пухов В. В.* П. И. Шаликов и русские писатели его времени (по архивным материалам) // *Русская литература.* 1973. № 2. С. 159). Шаликов свято хранил письма Карамзина.

¹ Имеется в виду книга А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», где автор обвиняет Карамзина и его школу в забвении и порче русского языка.

² В римской мифологии три богини — красоты, изящества и радости.

³ Пан — в греческой мифологии первоначально бог стад, покровитель пастухов, затем всей природы. Изображался с козлиными рогами, копытами и бородой. Вероятно, Шаликов иронически намекает на дикость, устарелость взглядов шишковистов в противовес современности и изяществу карамзинистов.

⁴ Стерн Лоренс (1713—1768) — английский писатель, пастор, зачинатель литературы сентиментализма.

⁵ Мориц Карл Филипп (1757—1793) — немецкий писатель, профессор Берлинской академии художеств.

⁶ См. прим. 24 на с. 870.

⁷ Ливий Тит (59 до н. э.—17 н. э.) — римский историк, автор «Римской истории от основания города».

⁸ См. прим. 21 на с. 870.

⁹ См. прим. 7 на с. 869.

¹⁰ Стентор — в греческой мифологии участник Троянской войны, обладавший голосом, равным по силе голосам 50 человек. Погиб, состязаясь в своем умении с богом Гермесом.

¹¹ Имеется виду архангел Михаил, герой поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» (1667), победитель сатаны.

¹² Ареопagitы — здесь (*ирон.*): авторитетные лица для решения каких-либо вопросов.

Н. Д. Иванчин-Писарев

Письмо к кн. П. И. Шаликову

Впервые: Сын отечества. 1819. № 42. С. 81—86. Печатается по первой публикации.

Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич (1790—1849) — поэт, эссеист, историк. Входил в группу литераторов, которых принято называть «эпигонами» Карамзина. Между тем суждения Иванчина-Писарева о Карамзине предстают весьма обоснованными. Активный участник полемики вокруг «Истории государства Российского», Иванчин-Писарев в своем «Письме к кн. П. И. Шаликову» выделил толпу «“крикунов” — фанатичных поклонников всего творчества историографа и “беспристрастных” — признающих истинный талант Карамзина, отдающих ему дань глубокого уважения, но не считающих совершенным во всех отношениях труд историографа, признающих необходимость его “истинной критики” в интересах дальнейшего развития науки и литературы» (*Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 52).

Свой *восторг* по отношению к Карамзину Иванчин-Писарев считает *следствием наблюдения*. Критик отмечает краткость в повествовании и беспристрастность в суждениях; умение «удерживать восторги сердца, пленяющегося высокими добродетелями предков, быть русским, но писать как гражданин вселенной, писать для всех веков и народов. Вот что, — резюмирует автор статьи, — озаряет лучом бессмертия творения Карамзина и вот что ускользает от умозрения обыкновенных читателей!»

После смерти Карамзина Н. Д. Иванчин-Писарев выступил в Литературном Музее с Похвальным Словом Карамзину, опубликовал в «Московском телеграфе» «Эпитафию Российскому Историографу...» (Московский телеграф. 1826. Ч. 9. С. 161), а затем издал сборник афоризмов и фрагментов из его сочинений «Дух Карамзина, или Избранные мысли и чувствования сего писателя» (Ч. 1—2. М., 1827). Рецензент *П* (Н. А. Полевой) подверг эти материалы резкой критике: «...человека достойного похвал всего лучше похвалим, когда, без декламаций и восклицаний, *философически рассмотрим, что он сделал*, и что напротив панегирик человеку, недостойному похвал, всегда будет пуст и ничтожен, как бы кто ни надувался хвалить. ...Риторические блески, набор слов, гиперболы служат ныне признаком или недостатка дарований оратора, или недостойнства предмета им хвалимого.

Так судя о панегириках, спрашиваем: выполнил ли г-н И. П. предмет своего Слова? Изложил ли он жизнь и творения Карамзина достойным образом? Исчислил ли заслуги его во всех отношениях, как философ, как историк? Нимало!..» (Московский телеграф. 1827. Ч. 16. С. 77—79).

Что касается другого издания, то рецензент *П* полагает, что подобные *духи* разных писателей есть «самые ничтожные книги» и из них нельзя получить понятия ни о дарованиях, ни о *духе* писателя; в них «смешивается все, что написано в юности и в старости» (Там же. С. 76—81), писателю приписываются софизмы и парадоксы выводимых им лиц. Однако Е. А. Карамзина в письме к П. А. Вяземскому говорила об Н. Д. Иванчине-Писареве как о единственном, кто из стольких дружеских и красноре-

чивых перьев взялся разорвать молчание» (См.: Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Т. 1. С. 54. Подлинник по-французски: «Nous n'avons pas pu nous empêcher de sentir une épingle dans le cœur en pensant que de tant de plumes amies et éloquentes celle de M-r Pissareff est la seule qui entreprenne de rompre le silence»). Да и М. Т. Погодин невольно признает, что «в продолжение 15 лет не произнесено ни одного общего положительного суждения об Истории Карамзина, ни справедливого, ни несправедливого!» (Московский вестник. 1827. № 10. С. 174). В «Северных цветах на 1828 год» (СПб., 1827. С. 55—56) сообщалось: «Книга сия имеет для русских также достоинство воспоминаний; в других отношениях она не может заменить собою полных сочинений славного нашего писателя, тем более, что выбор сделан был без строгой разборчивости и не всегда удачно».

Рецензии Н. А. Полевого см. также: Московский телеграф. 1827. № 13; Московский вестник. 1827. № 18.

Кроме публикуемой здесь, Иванчину-Писареву принадлежит статья «О некоторых критиках» (Сын отечества. 1829. № 1). Он пишет также «Речь в память историографу Российской империи» (отрицательную рецензию М. П. Погодина см.: Московский вестник. 1827. № 10. С. 167—177).

Н. Д. Иванчин-Писарев, кроме всех прочих заслуг, видел в Карамзине эталон издателя и журналиста. При появлении первых книжек журнала «Отечественные записки» он советовал в письме к А. А. Краевскому от 9 января 1840 года переломить сложившуюся в журналистике ситуацию и вернуть словесность, обратившуюся в торговую, к «первобытному благородству»: «Для перелома начните хвалить Карамзина и, не упуская из вида его “Вестник Европы” 1802 и 1803 годов, следуйте ему в выборе статей, то есть полных рассуждений пригодных к нашему времени и потомству, чисто литературных, не удостоивая ни строкой нашу полемику. Это покажется новостью и, как новость, понравится, как новость, восторжествует над уродливым, площадным и бранчливым направлением наших журналов, как рококо во Франции и во всей обезьянствующей Европе заменилось уже вкусом de la Renaissance, а Карамзин останется вечным, как дела Фидиев и Проксителей» (ОР РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 395. Письмо Н. Д. Иванчина-Писарева к А. А. Краевскому).

¹ Фенелон Франсуа Салиньяк де ла Мот (1651—1715) — французский писатель и педагог.

² Демосфен (ок. 384—322 до н. э.) — политический деятель в Афинах, оратор, писатель.

³ См. прим. 24 на с. 870.

⁴ См. прим. 29 на с. 870.

⁵ Плиний Гай Секунд Старший (61 или 62—114) — римский писатель и ученый, автор «Естественной истории».

⁶ Тацит Публий Корнелий (ок. 58—ок. 117) — римский историк.

⁷ Веррес — римский всадник, обязанный своей печальной известностью знаменитым речам Цицерона. Жизнь его, как она изображена в этих речах, была непрерывной цепью преступлений.

⁸ Катилина (108—62 до н. э.) — римский претор.

- ⁹ Имеется в виду Цицерон (см. прим. 29 на с. 870).
- ¹⁰ Филипп (382—336 до н. э.) — царь Македонии, отец Александра Македонского.
- ¹¹ Нерон Клавдий Цезарь (37—68) — римский император (с 54).
- ¹² Траян Марк Ульпий (53—117) — римский император и полководец.
- ¹³ Боссюэт (Боссюэ) Жак Бенинь (1627—1704) — французский богослов, проповедник, писатель.
- ¹⁴ Аннибал (Ганнибал; 246 или 247—183 до н. э.) — карфагенский полководец и государственный деятель.
- ¹⁵ Суворов Александр Васильевич (1729 или 1730—1800) — граф Рым-никский (1789), князь Италийский, русский полководец, генералиссимус.
- ¹⁶ Донской (Дмитрий Иванович; 1350—1389) — великий князь Московский и Владимирский. В Куликовской битве (1380, верховья Дона) проявил выдающийся полководческий талант, за что был прозван Донским.
- ¹⁷ Имеется в виду Иван III Васильевич (1440—1505), великий князь Московский.
- ¹⁸ См. прим. 7 на с. 869.
- ¹⁹ Квинтилиан (ок. 35—ок. 96) — римский оратор, теоретик ораторского искусства; автор трактата «Об образовании оратора».

А. С. Пушкин

О прозе

(Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу...)

(1822)

Впервые: Русская старина. 1884. Май. С. 329—330. Печатается по изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1935—1959. Т. 11. С. 19.

Письмо к П. А. Вяземскому 6 февраля 1823 г.

Впервые (с небольшими купюрами): Русский вестник. 1899. Июнь. Т. 261. С. 391—393. Печатается по изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1935—1959. Т. 13. С. 57.

Письмо к издателю «Московского вестника»

(1828)

Впервые опубли. П. В. Анненковым в Собр. соч. 1855 г. (Т. 1. С. 145—147, отрывки) и в переписке Пушкина под ред. В. И. Сaitова (Т. II. 1908. С. 15—20; как письмо к Раевскому). Печатается по изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1935—1959. Т. 11. С. 68.

Путешествие из Москвы в Петербург
(1833—1835)

Впервые: Собр. соч. 1841 г. Т. XI. С. 5—54 (не полностью); дополнение: Библиографические записки. 1859. № 6. С. 165—176. Полностью: Собр. соч. 1880. Т. V. С. 202—235. Печатается по изданию: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1935—1959. Т. 11. С. 249.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — поэт. В 1802 году в статье «О любви к отечеству и народной гордости» Н. М. Карамзин написал: «Завистники русских говорят, что мы имеем только в высшей степени преимчивость, но разве она не есть знак превосходного образования души?» (Вестник Европы. 1802. № 4). Эти слова можно понимать как пророчество о Пушкине, протейзм которого является выражением его всеобъемлющего гения, осуществившего искомый Карамзиным и его предшественниками синтез национальных традиций русской культуры и западноевропейского культурного опыта.

В «Письмах русского путешественника» Карамзин утверждал: «Путь образования или просвещения один для народов; все они идут им вслед друг за другом. <...> Все народное ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не *Славянами*» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 253—254). Национальная специфика воспринималась им как помеха на пути к «братству просвещенных народов». В «Вестнике Европы» ставится проблема своеобразия исторического пути каждого народа, сущности просветительства в Европе и в России, возможности дойти до вершин просвещения, минуя трагический опыт Франции. Провозглашенная ранее идея ученичества у Европы и усвоения ее опыта вводится в определенные рамки и противопоставляется идее неповторимости нравственной «физиогномии» нации. Кроме того, формирование полноценной личности связывается с ее включением в мир национальной истории и культуры, в мир семьи и родной природы. С 1803 года главным предметом внимания писателя становится история российского государства.

Подобный путь был проделан и Пушкиным. По достоинству оценивая уровень развития европейской культуры, он уже не видит в ней образец для подражания. Он обращается к самой русской жизни, к российской истории, находя образцы в ней: в деяниях Петра Великого, в историческом подвиге 1812 года.

В «Письмах русского путешественника» для обозначения неизъяснимого нравственного феномена (бесчувствие и скука в душе молодого человека) Карамзин впервые употребил слово *сплин*, отозвавшееся в «Евгении Онегине». «Изображение молодого человека, потерявшего чувствительность сердца в несчастиях, неизвестных читателю» (13, 371), было дано Пушкиным в поэме «Кавказский пленник». «Охлажденность» чувств Пленника, его «преждевременная старость души» имеют парадоксальную соотношенность также с Леонидом, героем карамзинского очерка «Чувствительный и холодный. Два характера» (1803 г.)

По существу, «холодный», рассудочный Леонид — дитя века Просвещения, а отнюдь не романтической эпохи. Однако в самом определении «холодный» Карамзиным был заложен близкий, хотя и не тождественный, но открывающий новые перспективы смысл — «остывший». Таким образом оппозиция «чувствительный» — «холодный» приобретает еще

иную разновидность: «юность» — «старость», «неопытность» — «умудренность». Эта вторая оппозиция (еще связанная с идеологией просветительства) таила в себе возможность переосмысления (в процессе литературного развития) «холодного» героя как «остывшего», разочарованного, постигнутого «преждевременною старостью души», т. е. возможность превращения «чувствительного» в «холодного», что уже было связано с новыми художественными системами.

Это обозначено в самом очерке: Эраст, «чувствительный» герой, первым проходит через все испытания жизни, первым же и умирает, не примиренный с судьбою, Леонид — сюжетно второй, он остается в пространстве текста после ухода первого и тем самым как бы занимает в литературе главное место, прежде принадлежавшее «чувствительному» герою. Не случайно многие карамзинские строчки, характеризующие «холодного» Леонида, отозвались в пушкинском «Онегине».

Аналогии обнаруживаются также в сопоставлении взаимоотношений Леонида и Эраста, с одной стороны, и Онегина и Ленского, с другой, а также в самом существовании этих контрастных пар. Дружба Эраста и Леонида, «нужда» друг в друге, потребность излить душу или изложить мнения, споры об истории, о службе, о любви, столкновения и примирения, снисходительность и великодушие, испытания дружбы и т. д. — все это находит продолжение у Пушкина: наличие такой пары становится сюжетообразующим фактором, а в характеристике героев — прежде всего Онегина — наблюдаются явные реминисценции из Карамзина.

Если своим желанием оставить — «по крайней мере на время» — большой свет, а также словами, обращенными к Татьяне («Я вас люблю любовью брата...» — 6; 79), Онегин напоминает Эраста из «Бедной Лизы» («Я буду жить с Лизою, как брат с сестрою...» — *Карамзин Н. М.* Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 513), то его отношение к возможным брачным узам роднит его с другим карамзинским героем — князем из светской повести «Юлия».

Возможно также сопоставление Онегина с героем «Моей исповеди». Ю. М. Лотманом отмечено, что у того и у другого — воспитатель иностранец, в первоначальном варианте — швейцарец (*Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С. 123), оба воспитываются по правилам просветительской педагогики в духе Руссо и предоставлены своей «природе». «Отделенный от всего “внеличностного”, — пишет исследователь, — морали, религии, народных обычаев, семейных привязанностей — герой обречен не только на себялюбие, но и на неизбывную скуку — жизнь его делается пустой...» (*Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 565). Это сказано о «Моей исповеди», но приложимо также и к «Онегину», где показана самоизоляция просвещенной верхушки дворянского общества «от живоносных духовно-нравственных основ и традиций национального бытия, в том числе и “простонародных”» (История русской литературы: В 4 т. Л., 1981. Т. 2. С. 270).

Обращение к истории в «Бедной Лизе», и прежде всего в «Наталье, боярской дочери», предпринято автором в поисках национальных традиций русской культуры, в целях осмысления ее перспективных возможностей. Карамзин, предвосхищая Пушкина, вводит историю через семейное предание, а свою любимую героиню помещает в мир старинных обычаев, преданий, обрядов.

Образ пушкинской Татьяны ассоциируется с карамзинской Натальей (разговоры с няней, первая встреча с возлюбленным). Видны также и сюжетные параллели (в сне Татьяны): уход из дома, метель, пристанище разбойников... Причины этих совпадений, по-видимому, в том, что обе героини сопричастны не только «простонародной старине», но и одной литературной традиции — сентиментально-романтической. Карамзин, верно воспроизводя некоторые детали быта, в душевном облике Натальи воспроизвел психологию своей современницы, для которой любовь становится главным содержанием жизни. Пушкин предполагал сначала называть Татьяну Натальей.

Характерология и сюжет литературного произведения тесно связаны. «Евгения Онегина» роднит с карамзинской прозой (прежде всего с «Бедной Лизой», а также с «Натальей, боярской дочерью» и др.) структурообразующая роль образа автора. Повествование ведется от первого лица, превращается часто в лирический дневник, изобилует прямыми авторскими оценками и эмоциональными признаниями. Но кроме этого, предвосхищая пушкинский роман, Карамзин придает повествованию достоверность, устанавливая точные пространственные и временные координаты и сообщая Эрасту (а, следовательно, всем героям) статус реального человека через знакомство с реальным автором-повествователем, а также воссоздает историю души автора, которая отображает умонастроения целой эпохи.

Отличие образа автора от других героев в пушкинском романе также заключается в том, что он способен возвыситься над страданием, открыть возможности духовного воссоединения личности с миром, возможность духовной гармонии. Автор в обоих произведениях устремлен к многообразным явлениям мира. Круг ценностей безгранично расширяется, расширяется и личность автора, включаясь в движение времени.

В повести Карамзина автор одновременно и сентиментальный путешественник, которого воспоминание о плачевной судьбе Лизы «привлекает все чаще к стенам Си...нова монастыря», и «глубокий эконо́м», наблюдающий «грузные струги», плывущие от плодоноснейших стран Российской империи», романтик, чье воображение населяет своими созданиями стены опустевшего монастыря, и историк, возобновляющий в памяти «историю нашего отечества», житель Москвы и знаток окрестностей, ценитель архитектуры и любитель сельских красот и т. д. Для него Москва — это не только город, откуда приходит беда, но и российская столица, река Москва — не просто воды, куда были брошены предназначавшиеся Эрасту ландыши, но и торговый путь, снабжающий «алчную Москву» хлебом, Симонов монастырь — не только место, неподалеку от которого жила бедная Лиза, но и памятник истории отечества. Как и впоследствии в «Онегине», через образ автора осуществляется выход за пространственные и хронологические рамки сюжетного действия.

Особую проблему образует соотношение пушкинского стиля с предшествующими ему художественно-стилистическими системами, в частности, с карамзинской.

Значительный интерес с этой точки зрения представляет стихотворение Пушкина «Цветок» (1828). Для сентиментализма характерна такая внутренняя структура образа, которая позволяет через «предмет» установить связь души с душой и которая создает свой мир, отгораживая его от многоплановой действительности. Момент чисто духовного общения писатель-сентименталист стремится закрепить, остановить и материализовать

его идеальное содержание посредством осязаемого носителя. Эмоционально воспринятое явление действительного мира становится «драгоценным памятником прошедших лет ... жизни» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника*. Л., 1984. С. 5). Общение людей является для писателя наивысшей ценностью бытия, посредником же часто выступает природа. Так, посещая кладбище в Кале и вспоминая о своих любимых литературных героях, русский путешественник чувствует потребность в дружеском общении, ищет средства соединиться душою с друзьями, оставленными вдалеке, и таким средством становится для него цветок: «У ног моих синелись цветочки; я сорвал два и спрятал в записную книжку свою. Вы их увидите, если волны морские не поглотят меня вместе с ними» (Там же. С. 325). «Книжка» как бы была открыта Пушкиным и был найден «задохший, безуханный» цветок.

Пушкинская «всемирность» неразрывно связана с его народностью, как ее понимал сам поэт: «Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками — для других оно или не существует или даже может показаться пороком... Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, присущих исключительно какому-нибудь народу» (11, 40).

В материалах карамзинского «Вестника Европы» национальные обычаи, традиции, «предрассудки» были осмыслены как «залог общественной гармонии», а знание национальной истории, нравов и обычаев — как важная часть образования и воспитания. «Мы знаем, — писал Карамзин, пересматривая идею ученичества у Европы, — что всякий должен расти в своем отечестве и заранее привыкать к его климату, обычаям, характеру жителей, образу жизни и правления» (Вестник Европы. 1802. № 2).

В этих словах, по мнению некоторых исследователей, отразились реакция Карамзина на события 1790-х годов во Франции и его решение отстаивать незыблемость и историческую закономерность монархического строя в России (*Канунова Ф. З. Из истории русской повести. Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина*. М., 1976. С. 175—190). Но в то же время здесь выразилась идея собственного исторического пути русского народа и государства, что предшествовало пушкинским раздумьям о естественном саморазвитии национальной культуры.

Подобно Карамзину, история для Пушкина была не просто «литературной темой», а «источником решения вопросов его личной и социальной биографии, методологией его общественного и поэтического поведения. Здесь приобретала свои очертания феодальная утопия Пушкина, которую он противопоставлял ненавистой бюрократической монархии, и здесь же находил свежие краски его поэтический язык» (*Винокур Г. О. О языке художественной литературы*. М., 1991. С. 214).

В отзывах Пушкина о Карамзине запечатлелись принципиальная общность эстетических миров двух корифеев русской культуры.

¹ Статья самим Пушкиным не озаглавлена и не окончена. Впервые опубликована В. Е. Якушкиным в «Русской старине» (1884. Май. С. 329—330).

² Юношеский поэтический слог Пушкина привлек современников карамзинистской легкостью, точностью и плавностью. Уже у Карамзина

повествовательные моменты нередко начинали преобладать над эмоциональными. Очень часто в его прозе исчезают всякие «блестящие выражения», украшения и т. д., что впоследствии будет так характерно для пушкинских произведений. И хотя Пушкин, задавая вопрос, «чья проза лучшая в нашей литературе» и отвечая «Карамзина», добавлял: «Это еще похвала не большая...», все же именно в карамзинской повествовательной прозе появилась непосредственная соотнесенность слова с его предметным значением, а не с той или иной эстетической системой, что стало стилевым выражением объективной связи между личностью и реальным миром, языковым эквивалентом постигаемых автором действительных закономерностей человеческой (и, в частности, русской) истории. То, что обычно считается преодолением карамзинских традиций, было на самом деле их продолжением. Ведь еще в «Рыцаре нашего времени» Карамзин иронизировал по поводу мнимой «новизны» и «выразительности» надоевших метафор и уподоблений. В этом же произведении даны образцы новой, поистине предпушкинской прозы с ее «первыми достоинствами» — «точностью и краткостью».

³ Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — поэт, критик, мемуарист.

⁴ Письмо к П. А. Вяземскому 6 февраля 1823 г. из Кишинева в Москву впервые было опубликовано с небольшими купюрами Г. П. Георгиевским в «Русском вестнике» (1899. Июнь. Т. 261. С. 391—393).

⁵ В переписке с Вяземским (см. письмо от 1 сентября 1822 г.) Пушкин с пониманием относится к его намерению обратиться к прозе, которая была бы способна к выражению мыслей и чувств современного человека. При этом неизменно высокой остается оценка прозы Карамзина.

⁶ Письмо к издателю «Московского вестника» (1828?) не было напечатано в журнале. По-видимому, оно не было Пушкиным доведено до конца. Непосредственным поводом к этой статье явилось «Обозрение русской словесности за 1827 г.» С. П. Шевырева (Московский вестник. 1828. № 1), в котором давалась высокая оценка появившейся в печати сцены из «Бориса Годунова»: «Ночь. Келья в Чудовом монастыре».

⁷ Статья в автографе не озаглавлена. Впервые опубликована в посмертном издании собрания сочинений 1841 г. (Т. XI. С. 5—54) не полностью, с цензурными пропусками, дополнение опубликовано Е. И. Якушкиным в «Библиографических записках» (1859. № 6. С. 165—176). Полностью — в Собр. соч. 1880 г. под ред. П. А. Ефремова (Т. V. С. 202—235).

⁸ Говоря в статье об А. Н. Радищеве и его книге «Путешествие из Петербурга в Москву», Пушкин размышляет о наиболее острых и ответственных вопросах, вставших перед ним в эту пору, о проблемах истории русской литературы. Анализируя радищевское «Слово о Ломоносове», Пушкин излагает свой взгляд на «великого человека», что дает ему повод определить также и роль Карамзина в развитии русского языка.

А. А. Бестужев (Марлинский)

Взгляд на старую и новую словесность в России

Впервые: Полярная звезда. СПб., 1823. С. 14—15. Печатается фрагмент по первой публикации.

Взгляд на русскую словесность в течение 1823 г.

Впервые: Полярная звезда на 1824 г. СПб., 1823. С. 1—14. Печатается фрагмент по первой публикации.

Взгляд на русскую словесность в течение 1824
и начале 1825 годов

Впервые: Полярная звезда на 1825 год. СПб., 1825. С. 11. Печатается фрагмент по первой публикации.

Бестужев-Марлинский Александр Александрович (1797—1837) — прозаик, влиятельнейший критик 20-х годов, поэт, декабрист. Вместе с К. Ф. Рылеевым издавал альманах «Полярная звезда».

Бестужев выступал в «Полярной звезде» не только как издатель и автор основной прозы альманаха; все три выпущенные книжки открывались его литературными обзорами, занявшими видное место в истории русской романтической критики. «Взгляд на старую и новую словесность в России» — первый обзор Бестужева-Марлинского — представляет собой словарь писателей (включает 106 имен XVIII—XIX вв.) и в то же время открывает дорогу критике высокого теоретического уровня. Бестужев-Марлинский настаивает «на создании национальной русской литературы, на обращении к “народности”, понимаемой им как обращение к национальной истории и народному творчеству и языку» (Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 225).

«Успех словесности Бестужев видит прежде всего в создании самобытной, национальной литературы, тесно связанной с народным лицом». Поэтому основной заслугой Карамзина он считает преобразование русского языка, «звучного, богатого, сильного», «уже отягчало в руках бесталаных писателей и невежд переводчиков» (Там же).

Высокая оценка вклада Карамзина в развитие русского языка не совпадала с мнением А. Бестужева о нем как об историке. Так, 19 января 1831 г. он писал к матери из Дербента: «...Никогда не любил я бабушку-Карамзина, человека без всякой философии, который писал свою историю страница за страницей, не думая о будущей и не справляясь с предыдущей. Он был пустозвон красноречивый, трудолюбивый, мелочный, скрывающий под шумихой сентенций чужих свою собственную ничтожность...» (Цит. по: *Богучарский В.* Из прошлого русского общества. СПб., 1904. С. 24).

П. Я. Чаадаев

Письмо к А. И. Тургеневу
(1838)

Впервые: П. Я. Чаадаев. Жизнь и творчество. СПб., 1908 (фактически — 1907). С. 300—303. Печатается по изданию: *Чаадаев П. Я.* Соч. М., 1989. С. 411—412.

Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — русский религиозный философ, участник войны 1812 г., член Северного общества декабристов. В

«Философических письмах» высказал критическое отношение к русской истории, в том числе к православию, самодержавию, крепостничеству; за публикацию 1-го из писем (1836) журнал «Телескоп» был закрыт, а Чаадаев объявлен сумасшедшим. В «Апологии сумасшедшего» (1837) выразил веру в историческую будущность России.

Чаадаеву было близко представление французских философов о том, что всякая нация имеет свой характер и свое предназначение и что невозможно существование народа, лишенного призвания. В связи с этим вставал вопрос о России. «В первом “Философическом письме” <...> историческая отсталость России, определившая ее современное состояние, трактуется как сугубо негативный фактор; о наличии второго аспекта этой темы можно было лишь догадываться по беглым намекам на “важный урок”, который когда-нибудь преподаст народ, не входящий “в состав человечества”. В письмах же, относящихся к середине 1830-х гг., как и в “Апологии сумасшедшего”, хронологический ряд “прошлое—настоящее” дополняется следующим звеном, и центр тяжести перемещается на новую цепочку “настоящее—будущее”. Отечественная история по-прежнему понимается как “небытие”; но “мы пришли после других” именно “для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия”. “Россия, — писал Чаадаев А. И. Тургеневу 1 мая 1835 г., — призвана к необъятному умственному делу: ее задача дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе”» (Мильчина А., Основат А. А. О Чаадаеве и его философии истории // Чаадаев П. Я. Соч. М., 1989. С. 11).

В «Философических письмах» Чаадаев рисует картину российской истории, резко полемичную по отношению к «Истории...» Н. М. Карамзина. По Чаадаеву, истории России как единого, пронизанного развитием мировой идеи процесса не было, в этом отношении ее прошлое — хаос, анти-история. С этим связана данная в письме к А. И. Тургеневу 1838 г. лукаво-ироническая характеристика Карамзина: «Живописность его пера необычайна: в истории же России это главное дело; мысль разрушила бы нашу историю, кистью одною можно ее создать». В то же время в приведенном письме очевидна возрастающая симпатия к Карамзину и признание за ним умения видеть «весь смысл России».

С. П. Шевырев

Критика

Взгляд на современную русскую литературу. Статья вторая.

Сторона светлая. Состояние русского языка и слога

Впервые: Москвитянин. 1842. № 3. С. 153—191. Печатается по первой публикации (с. 155—157, 166).

Шевырев Степан Петрович (1806—1864) — критик, историк литературы, поэт. Академик Петербургской Академии наук. Вместе с М. П. Погодиным возглавлял журнал «Москвитянин».

Принципиальные мысли для оценки карамзинского наследия содержатся в статье С. П. Шевырева, опубликованной в 1842 году в журнале «Москвитянин».

Автор сосредоточивается на значении реформы русского языка, проведенной Карамзиным, и выражает убеждение, что «вся литература наша в отношении к языку продолжает разрабатывать речь русскую по началам Карамзина в разных отраслях развития, в разных родах произведений». Называя Карамзина (прежде всего автора «Истории государства Российского») учителем всех ныне пишущих, всех действующих в современной литературе, Шевырев называет имена Жуковского, Батюшкова, Пушкина. Критик считает, что нельзя «объявить права на звание писателя и принадлежать к образованному кругу современных литераторов российских», не прочитав ни разу «Историю» Карамзина.

Важно, что далее автор статьи пытается проанализировать причины охлаждения к прозе Карамзина, пренебрежительного к ней отношения: многочисленные последователи нивелировали карамзинский слог, не сумев внести своей яркой, оригинальной черты. Творчество Карамзина стало восприниматься через призму его слабых подражателей.

С. П. Шевырев угадал многое из того, что произошло с карамзинским наследием во второй половине XIX столетия. Карамзиным в определенных литературных кругах уже было принято пренебрегать, не принимать его всерьез, воспринимать как что-то безнадежно устаревшее и в общем-то не стоящее внимания. Между тем литература второй половины века уже настолько овладела доставшимся ей от Карамзина наследством, что забыла, от кого, собственно, это ей досталось.

В своих «Лекциях о русской литературе», выражая приверженность общим для России и Запада «гуманическим» идеям истины, добра и красоты, Шевырев видит в Карамзине воплощение идеи истины и блага, а «Историю государства Российского» считает началом «народного» периода русской литературы, следующего за «французским» и «англо-немецким».

¹ Когда М. Н. Загоскин, работая над своими историческими романами, обратился за некоторыми справками к М. Н. Макарову, то получил от него следующий ответ: «Насчет требуемой Вами от меня старины, Милостивый государь Михаил Николаевич, присужу и присоветую Вам читать примечания к Истории государства Российского, да и самое Историю томы 8, 9, 10 и 11-ый. Там много любопытного, много говорится, по желанию Вашему, и об одежде, и об обычаях наших предков...» (Письмо М. Н. Макарова к М. Н. Загоскину. ОР РНБ. Ф. 291. Ед. хр. 105).

В. Н. Майков

Краткое начертание истории русской литературы,
составленное В. Аскоченским. Издание П. Должникова. Киев, 1846

Впервые: Отечественные записки. 1846. Т. XLVIII. № 9. Отд. V. С. 1—24. Печатается по изданию: *Майков В. Н.* Литературная критика. Л., 1985. С. 61—66.

Майков Валериан Николаевич (1823—1847) — литературный критик, публицист, получил прекрасное домашнее образование: среди его учителей был И. А. Гончаров, на литературное творчество которого большое

влияние оказал, как известно, Карамзин. Можно заметить в личности В. Н. Майкова черты, свойственные характеру Карамзина: высокая образованность и при том сердечность, доброта, открытость. И. А. Гончаров писал о нем: «Никогда и никто не слышал от него едкого и желчного отыва, какого-нибудь резкого решительного приговора не в пользу другого... Он старался или извинить, или смягчить замеченную им нравственную уродливость, или, если то было уже решительно невозможно, выражал свое невыгодное мнение улыбкой сожаления, иногда иронии, редко словом» (Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 458).

Философско-эстетические взгляды Майкова также родственны карамзинским (периода «Писем русского путешественника») — и в представлении об «идеальной цивилизации», и в истолковании категории «национального».

В первой крупной рецензии в «Отечественных записках» — «Краткое начертание истории русской литературы, составленное В. Аскоченским... Киев, 1846» (1846. № 9) — Майков отрицает научность славянофильской концепции, поскольку вообще не находит в «национальной специфике» существенных человеческих достоинств: «Особенности русского, француза, немца... — все это такие силы, которые удаляют каждого из них от идеала человека, следовательно, и от идеальной цивилизации» (Русские писатели. Т. 3. С. 459). Не считая Карамзина гениальным человеком, он подчеркивает его достоинство как европейца и ценит прежде всего его «переимчивость», в то время как главные упреки Аскоченскому (1813—1879), прозаику, журналисту, критику, — эклектизм, отсутствие целостной историко-литературной концепции и приверженность славянофильской доктрине. Позиция В. И. Аскоченского, в принципе не постигающего значения Карамзина в истории русской литературы, для В. Н. Майкова неприемлема.

¹ Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807) — русский писатель.

² Жанлис Мадлен Фелисите Дюкре де Сент Обен (1746—1830) — французская писательница, автор сентиментальных повестей и романов.

³ Главный герой романа И.-В. Гете «Страдания юного Вертера».

⁴ Фонвизин Денис Иванович (1744 или 1745—1792) — русский писатель-просветитель, создатель русской социальной комедии.

⁵ В 1802 г. в статье «О любви к отечеству и народной гордости» Н. М. Карамзин написал: «Завистники русских говорят, что мы имеем только в высшей степени переимчивость, но разве она не есть знак превосходного образования души?» (Вестник Европы. 1802. № 4).

⁶ «Хорев» (1747), «Гамлет» (1748), «Синав и Трувор» (1750), «Аристона» (1750), «Ярополк и Димиза» (1758), «Вышеслав» (1768), «Димитрий Самозванец» (1771), «Мстислав» (1774).

⁷ «Россияда» (1779).

⁸ См. прим. 8 на с. 869.

⁹ Греч Николай Иванович (1787—1867) — журналист, издатель, публицист, беллетрист, филолог, переводчик.

¹⁰ Плаксин Василий Тимофеевич (1796—1869) — критик, преподаватель, автор учебников по истории и теории литературы.

Н. А. Добролюбов

О степени участия народности в развитии русской литературы.

«Очерк истории русской поэзии» А. Милюкова. Второе, дополненное издание. СПб., 1858

Впервые: Современник. 1858. № 2. Отд. II. С. 113—167, за подписью «—бов». Печатается по изданию: *Добролюбов Н. А.* Литературная критика: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 193—195.

Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) — литературный критик, поэт, публицист.

Добролюбов подходит к русской литературе с принципиальными для него критериями народности и реализма. Именно с этих позиций он подвергает критике древнюю русскую литературу, литературу XVIII века, а также творчество Карамзина и Жуковского. В результате оценка деятельности того или иного писателя оказывается односторонней. «В свое время нужными людьми для нашего общества были — не только Пушкин и Лермонтов, но даже Карамзин и Державин», — пишет критик, ограничивая значение наследия Карамзина рамками его эпохи (*Добролюбов Н. А.* Литературная критика: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 252).

Добролюбов упрекает Пушкина в восприятии ряда положений исторической концепции Карамзина. «Борис Годунов», по мнению критика, «величайшее драматическое произведение русской литературы, хотя и погрешающее в неловкой идее, в которой Пушкин суеверно следовал Карамзину» (Там же. Т. 1. С. 31).

Говоря об искусстве, оторванном от жизни, Н. А. Добролюбов цитирует строки из произведения Карамзина «Илья Муромец. Богатырская сказка»:

Ах, не все нам слезы горькие
Лить о бедствиях существенных...
На минуту позабудемся
В чародействе красных вымыслов

(*Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1966. С. 150).

Отмечая, что Пушкин овладел только «формой народности» и что Гоголь пошел далее, критик в то же время считает, что Гоголь «не смог идти до конца по своей дороге». «Изображение пошлости жизни ужаснуло его; он не сознал, что эта пошлость не есть удел народной жизни, не сознал, что ее нужно до конца преследовать, нисколько не опасаясь, что она может бросить дурную тень на самый народ. Он захотел представить идеалы, которых нигде не мог найти; он, не в состоянии будучи шагнуть через Пушкина до Державина, шагнул назад до Карамзина: его Муразов есть повторение Фрола Силина, благодетельного крестьянина, его Уленька — бледная копия с бедной Лизы. Нет, и Гоголь не постиг вполне, в чем тайна русской народности...» (Там же. Т. 1. С. 201—202).

Приверженность карамзинскому творчеству для Добролюбова — показатель ретроградности, отсталости, неподвижности эстетических воззрений. Порой критик прямо несправедлив к Н. М. Карамзину. Например, в статье «Забитые люди» он, говоря о распространении идей и сочинений

Руссо и проникновении вследствие этого гуманистических идеалов в русскую литературу, отрицает их присутствие в творчестве Карамзина: «Про Карамзина, конечно, нечего и говорить: чтобы видеть, до какой степени сознание общих человеческих прав и интересов было ему чуждо, довольно перелистовать его “Письма русского путешественника”, особенно из Франции» (Там же. Т. 2. С. 440—441). Ясно, что Добролюбов имеет в виду отрицательное отношение Карамзина к революции, но сама тенденциозность критика не позволяет ему шире взглянуть на творческое наследие Карамзина и осмыслить жизнеспособность многих карамзинских идей и литературных традиций.

¹ Армида — главная героиня поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим».

² Флориан Жан Пьер Кларис (1755—1794) — французский писатель.

³ Аркадия — средняя часть древнего Пелопоннеса, богатая водой, лесами и лугами и населенная пастухами и охотниками. У поэтов — страна идиллического патриархального быта.

⁴ Коцебу Август Фридрих Фердинанд (1761—1819) — немецкий драматург и романист.

А. М. Скабичевский

Наш исторический роман

Впервые: Северный вестник. 1886. № 1. С. 57—90. Печатается по первой публикации (с. 59—63).

<Сочинения А. Скабичевского:>

В 2 т. Т. 1. — 940 с. СПб., 1903. Стб. 210—213

Впервые: Сочинения А. Скабичевского: В 2 т. Т. 1. СПб., 1903. С. 210—213. Печатается по этому изданию.

Скабичевский Александр Михайлович (1838—1910) — литературный критик. Принадлежал к народническому направлению, сотрудничал в «Отечественных записках», затем в «Русском богатстве». «Скабичевский во всю ширь применил критическую народническую методологию ко всей тогдашней русской литературе, откликнувшись на самые разнообразные ее явления» (*Кулешов В. И.* История русской критики. М., 1984. С. 360).

Во второй половине XIX столетия Карамзин продолжал оставаться актуальным явлением литературной и общественно-культурной жизни. Карамзинская традиция (т. е. затронутые им темы, проблемы, выявленные им конфликты, созданные им сюжеты и характеры, разработанные им жанры, выработанный им стиль) продолжала привлекать внимание писателей и критиков. Ее присутствие в творчестве того или иного писателя расценивалось в большинстве случаев как факт безусловно отрицательный, свидетельствующий об отсталости и бездарности автора.

От внимания критики не ушло то, что влияние Карамзина на многих его современников было не только очевидным, но порою даже тотальным.

В своем исследовании «Наш исторический роман» Скабичевский говорит о подобном случае с Лажечниковым, в первых литературных опытах которого видно сильное подчинение влиянию Карамзина, «доходившее до такой степени, что издавши свою книжку, автор и сам устыдился незрелости и несамостоятельности своих трудов, как он говорит об этом в своей автобиографии: “к сожалению, увлеченный сентиментальным направлением тогдашней литературы, которой заманчивые образцы видны в «Бедной Лизе» и «Наталье, боярской дочери», он стал писать в этом роде повести, стихи и рассуждения. Впоследствии времени он издал эти незрелые произведения в одной книжке, под названием «Первые опыты в прозе и в стихах», но увидев их в печати и устыдясь их, вскоре поспешил истребить все экземпляры этого издания”» (Северный вестник. 1886. № 5. С. 124). Критик пересказывает повесть Лажечникова «Малиновка», чтобы показать, «до какого рабского подражания Карамзину доходил в это время Лажечников». В этом же контексте упоминается Загоскин, находившийся под воздействием «Натальи, боярской дочери».

В то же время для русской литературной общественности второй половины XIX столетия Карамзин — прежде всего историк, а не беллетрист. Восприятие Карамзина главным образом как историка привело к тому, что его повести стали рассматриваться с точки зрения историзма и, не подтверждая этого качества, получали весьма низкую оценку: «...к сожалению, исторические повести ... Карамзина ... показывают только нам, до какой степени люди того времени были чужды какого бы то ни было чутья исторической действительности», — писал Скабичевский.

Вместе с тем и критики, и исследователи говорят о громадном скачке, сделанном русской исторической литературой в течение 20-х годов. «Скачок этот особенно виден на таких второстепенных талантах, каковы были Нарезный и Лажечников, — пишет Скабичевский. — между их молодыми произведениями и писанными в зрелом возрасте лежит непроходимая пропасть и замечательно при этом, что подобным переворотом эти второстепенные писатели отнюдь не обязаны какому-либо влиянию первостепенных талантов: мы видим, по крайней мере, что в течение 20-х годов первостепенные таланты (Жуковский, Пушкин) занимались исключительно стихами. Повествовательная литература была, по-видимому, в полном пренебрежении; и вдруг к концу 20-х годов она делает небывалые успехи, причем самые маленькие беллетристы сразу делаются неузнаваемыми» (Скабичевский А. Наш исторический роман. С. 127). Есть все основания предположить, что своими успехами историческая проза 30-х годов обязана во многом «Истории государства Российского» Карамзина.

С другой стороны, обращаясь к историческому жанру в творчестве Пушкина, Скабичевский подчеркивает освобождение Пушкина от карамзинских сюжетов и образов: «Пушкин <...> обратился к истории уже в первой половине 20-х годов, живши в селе Михайловском. В то время был еще под сильным влиянием Карамзина, сказавшимся в его драме “Борис Годунов”. Но во второй половине 20-х годов он совершенно [освободился] от этого влияния до такой степени, что в 1830 году, в своей “Летописи села Горюхина”*, он пародирует высокопарный язык и некоторые

* Правильно: «История села Горюхина».

даже взгляды Карамзина, представляя их в самом комическом виде» (Северный вестник. 1886. № 1. С. 73).

В своих более поздних работах, в лекционных курсах Скабичевский несколько изменил оценку роли Карамзина в истории русской литературы. Критик отмечает прогрессивное значение повестей Карамзина: «Он первый, вопреки средневековой догматике, начал проповедовать и свободу страстей и право человека на земное счастье».

¹ Нарезный Василий Трофимович (1780—1825) — русский писатель.

² Озеров Владислав Александрович (1769—1816) — русский драматург.

³ Княжнин Яков Борисович (1740—1791) — русский писатель и переводчик.

⁴ Персонаж трагедии А. П. Сумарокова «Синав и Трувор» (1751).

⁵ Персонажи трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» (1793).

⁶ Персонаж трагедий А. П. Сумарокова «Ярополк и Демиза» (1758) и Я. Б. Княжнина «Владимир и Ярополк» (1787).

⁷ Персонаж трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской» (1807)

⁸ Персонаж трагедии А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» (1771).

⁹ См. прим. 23 на с. 870.

¹⁰ См. прим. 15 на с. 870.

¹¹ Повесть Карамзина «Наталья, боярская дочь» была опубликована в «Московском журнале» в 1792 г.

¹² Подкап или подка́пок — монашеская шапка или камилавка; подкапок — шапка с околышем, схожая с монашескою (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. С. 176).

¹³ Зефирова любовница (*устар.*) — возлюбленная ветерка. Обычный для XVIII века условный образ розы.

¹⁴ Ричардсон Сэмюэл (1689—1761) — английский писатель, создатель семейно-бытового романа. Роман «Памела, или Вознагражденная добродетель» повествует о возвышении человека из «низов». Теме денег посвящен психологический роман «Кларисса» (1747—1748). Образ положительного героя Ричардсон попытался создать в «Истории сэра Чарльза Грандисона» (1754). В отличие от сентименталистов для Ричардсона характерны рассудочность и недоверие к чувствам.

¹⁵ Лоренс Стерн (см. прим. 4 на с. 876) был также автором романов «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена (1760—1767)» и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768).

¹⁶ Баюляр Арно Ф. Т.-М. де (1718—1805) — французский писатель.

¹⁷ Шпильгаген Фридрих (1829—1911) — немецкий писатель, автор социально-политических романов (прежде всего «Один в поле не воин»), популярных в России среди народников.

¹⁸ Персонаж романа Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1761).

¹⁹ Героиня романа С. Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель».

²⁰ Персонаж романа К. М. Виланда «История Агатона» (1766).

²¹ Эльвира — героиня повести Н. М. Карамзина «Сиерра-Морена».

²² Новиков Николай Иванович (1744—1813) — русский просветитель, писатель, издатель сатирических журналов.

²³ Имеется в виду письмо попечителя Московского университета П. И. Голенищева-Кутузова министру народного просвещения гр. Разумовскому 1810 г. (см. наст. изд., с. 491—492).

II

«...ПРЕКРАСНАЯ ДУША»

В. А. Жуковский

Из письма к И. И. Дмитриеву
18 февраля 1816 г.

Впервые: Русский архив. 1866. № 11—12. Печатается по изданию: Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 366.

О поэте и современном его значении
(1847)

Впервые: Москвитянин. 1848. Ч. II. № 4. Отд. «Науки». Печатается по изданию: Жуковский В. А. Эстетика и критика. С. 335—336.

¹ В 1816 году Карамзин переехал из Москвы в Петербург.

² Отрывок, который читал Карамзин, находится в гл. IV т. 8 «Истории государства Российского».

Н. В. Гоголь

Карамзин

Впервые: Сочинения и письма Н. В. Гоголя: В 7 т. СПб.: Изд. П. А. Кулиша, 1896. Т. 6. С. 248—249. Печатается по изданию: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1940—1952. С. 266—267.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — русский писатель. Гоголевское восприятие Карамзина многогранно, ибо его человеческая личность, его историческая концепция (см.: Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. М., 2000. С. 89—105) и его литературно-художественное творчество по-разному воздействовали на Гоголя и получили разную оценку.

Как отмечено в немногочисленных работах, Николай Васильевич испытал влияние Карамзина еще в детстве: «Отец Гоголя в Васильевке пытался воплотить сентиментальный идеал жизни, воспетый Карамзиным» (Моторин А. В. Карамзин и Гоголь // Н. М. Карамзин: Проблемы изучения

и преподавания на современном этапе. Тезисы докладов на I Карамзинских чтениях. Ульяновск, 1991. С. 33). В письме 1832 г. из Васильевки И. И. Дмитриеву Н. В. Гоголь пишет: «Теперь я живу в деревне, совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным» (вероятно, имеется в виду этюд Карамзина «Деревня»). Современный исследователь подчеркивает, что «идеал гармонического единства нравственного человека и прекрасной природы навсегда сохранил для Гоголя обаяние и всегда освещал его художественный мир» (Там же).

Гоголь впервые познакомился с творениями Карамзина еще в Нежинской гимназии высших наук, а затем в Петербурге «он оказался в тесных дружеских отношениях не только с ближайшим окружением писателя, но с его семьей» (*Жаркевич Н. М.* Н. В. Гоголь о Н. М. Карамзине // Н. М. Карамзин: Проблемы изучения и преподавания на современном этапе. С. 31).

На протяжении ряда лет Гоголь неоднократно обращался к «Истории государства Российского» и делал многочисленные выписки, сосредоточиваясь на процессе объединения русских земель.

Образ Карамзина Николай Васильевич хранил в душе до конца своих дней. Именно личность писателя оставила в нем глубочайшее впечатление.

В гоголевских «Выбранных местах...», там, где речь идет о должном устройстве российской жизни, о государе и помещиках, об «умении обходиться с людьми» (*Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Николай Карамзин: Сб. М., 1998. С. 325) прозвучали основные идеи Карамзина, высказанные им в «Письме сельского жителя» и в «Записке о древней и новой России». По словам Ю. М. Лотмана, Карамзин противопоставил бюрократии «наивную мысль о семейной, патриархальной природе управления в России. Утопизм этого представления очевиден. Однако оно сыграло в истории русской общественной мысли слишком серьезную роль, чтобы можно было ограничиться такой оценкой. Идея “непосредственной” отеческой власти противостояла европеизированному бюрократическому деспотизму — прямому потомку петровского “регулярного государства”. Наиболее близкими продолжателями Карамзина были Гоголь и Л. Толстой» (*Лотман Ю. М.* «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Лотман Ю. М. Карамзин. Сотворение Карамзина: Статьи и исследования 1957—1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997. С. 594).

Поразительны аналогии между «Письмом сельского жителя» Карамзина и письмом «Русский помещик» из «Выбранных мест...», хотя у Гоголя, напротив, — письмо к сельскому жителю. «Завязка» во всех случаях одна и та же. «Главное то, что ты уже приехал в деревню и положил себе непременно быть помещиком; прочее все придет само собою» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1940—1952. Т. 8. С. 321. Все дальнейшие ссылки на Гоголя, за исключением особо оговоренных случаев, даются по этому изданию в тексте в скобках с указанием римской цифрой тома и арабской — страницы), — пишет Гоголь, как бы прямо ориентируясь на Карамзина. Начало и конец «Русского помещика» соединены опять же восходящей к «Письму сельского жителя» и предваряющей толстовское

«Утро помещика» мыслью: быть помещиком над своими крестьянами повелел тебе Бог, и он взыщет с тебя, если б ты променял свое званье на другое. «...Не служи доселе ревностно ни на каком поприще, сослужишь такую службу государю в званье помещика, какой не сослужит иной великочинный человек. Что ни говори, но поставить 800 подданных, которые все, как один, и могут быть примером всем окружающим своей истинно примерною жизнью, — это дело не бездельное и служба истинно законная и великая» (VIII, 328). Однако в гоголевском тексте помещик более уподобляется проповеднику, который открывает пред паствою текст Святого Писания и объявляет им (мужикам) «всю правду», чтобы они, исправившись, могли, в свою очередь, и других учить «хорошему житию». Как бы взяв за образец обычаи, заведенные карамзинским «сельским жителем», Гоголь настаивает на непосредственном участии помещика во всех хозяйственных работах, проведении общих праздников трижды в год и т. д. (VIII, 324). Предваряя Л. Н. Толстого, Гоголь советует: «Возьми сам в руки топор или косу» (VIII, 325).

Заходит речь и о сельской школе. Подобно Карамзину, Гоголь отмечает «вздорные» представления «европейских человеколюбцев» (у Карамзина — «иностранных филантропов») и большие надежды возлагает на правду морали. Аналогичным образом появляется фигура деревенского священника как ближайшего помощника и собеседника. Но у Карамзина он обладает всевозможными познаниями в теологии, морали, физике, ботанике и медицине, у Гоголя же священник должен быть образован и воспитан самим помещиком, да и читают они лишь духовные книги. Автор «Выбранных мест...» важную роль отводит роли проповеди и подготовке к ней, которую нельзя просто так доверить священнику. Должно вместе с ним читать Златоуста и отмечать нужные места для произнесения их перед народом. Большое значение придается исповеди.

Гоголевский дискурс, как и карамзинский, завершается процветанием и помещика, и крестьян, духовным родством между ними, чувством честно исполняемого долга.

«В духе Карамзина Гоголь оценивал самодержавие как “палладиум” России» (*Марголис Ю. Д.* Книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Основные вехи истории восприятия. СПб., 1998. С. 54). Оба считали, что сердца государей в руках Провидения. Оба задумывались о чувстве страха как о силе, более всего способной управлять людьми. Размышляя о природе гоголевской религиозности, М. О. Гершензон писал, что с Богом Гоголя связывал только страх, а все сокровища его души принадлежали «не Богу, а народному благу» (*Гершензон М. О.* Избранное. М., 2000. Т. 3. С. 479), отечеству, России.

В наиболее существенных моментах художественная антропология Гоголя, по словам С. А. Гончарова, соотносится с религиозно-учительной темой «долга», «служения», «поприща» (*Гончаров С. А.* Творчество Н. В. Гоголя и традиции религиозно-учительной культуры: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998. С. 21). В гоголевской системе оппозиций («мертвые души» — «живые души») признак живой души — верность святому долгу, посвящение себя высокому служению.

Карамзин использовал усадебное уединение (в том же Остафьеве) для своих писательских трудов, имевших влияние на всю Россию. В жизни и

деятельности обоих писателей произошло «переосмысление масштабов, основ, природы и роли самого искусства, поиск нового творчества, нового универсума сознания» (Захарова Т. В., Лисичный А. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя в историко-литературной перспективе // Традиции и новаторство в русской классической литературе. СПб., 1992. С. 71).

Духовное завещание Гоголя освещено нравственным идеалом сентиментализма. Он завещает матери и сестрам «жить в любви совокупно в деревне» самой простой жизнью, «довольствоваться тем, что производит деревня и ничего не покупать» (IX, 493) (как известно, деньги в мире писателя-сентименталиста есть зло), отдавать себя крестьянам.

Он, подобно Карамзину, верил в возможность улучшения человечества путем духовного совершенствования каждого отдельного человека: «Общество только тогда поправится, когда всякий частный человек займется собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих» (IX, 494). В этих строках из обращения к друзьям просматривается мысль о недостаточности одного сельского уединения и простой жизни. Идея исполнения долга, общественного и христианского, довлекла Гоголю и выводила его за пределы сентименталистского «уголка», «домика». Тем же сестрам (если они не выйдут замуж) он советует превратить свой дом в обитель, открыть приют бедным, живущим без места девицам, которые отдали бы себя на воспитание сироток (IX, 494).

Свой христианский и гражданский долг, по мнению Гоголя, в полной мере свершил Карамзин, осуществлявший свое «доброе влияние» на всю Россию.

В «Авторской исповеди» Гоголь, говоря о своем несходстве с Карамзиным, в то же время берет его в союзники, когда объясняет причины «выставления своей внутренней клетки»: «Я поступил в этом случае так, как все те писатели, которые говорили, что было на душе. Если бы и с Карамзиным случилась эта внутренняя история во время его писательства, он бы ее также выразил. Но Карамзин воспитался в юношестве. Он образовался уже как человек и гражданин, прежде чем выступил на поприще писателя. Со мной случилось иначе» (VIII, 444).

В духовном завещании Гоголь призывает своих друзей: «Будьте не мертвые, а живые души» (См.: Гоголь Н. В. Духовное завещание // Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1990. С. 380). Карамзин всегда был для него живым явлением русской литературы и жизни. Слово о Карамзине бросает новый свет на главное гоголевское творение, позволяет глубже осмыслить авторскую оценку персонажей «Мертвых душ».

С этой точки зрения может получить объяснение появление прямой пародии на сентименталистскую эстетику в «Мертвых душах» (усадьба Манилова). Этот гоголевский герой далек от понимания своего долга. Кажется бы, несмотря на его доходящую до приторности любезность, он никому не делает зла, но именно его бездействие опустошающим образом влияет на все окружающее, омертвляет душу, разоряет деревню, развращает крестьян.

Характерные приметы сентименталистского пейзажа (парк, уединенная беседка, пруд) в маниловской усадьбе лишены всякой поэзии, нет в

них ни малейшего очарования, да и крестьяне отнюдь не напоминают ни бедную Лизу, ни Фрола Силина. И дело здесь не только в исчерпанности пародируемой литературной традиции, но и в гоголевском понимании предназначения человека: деревня для писателя — не «храм уединенного размышления», но поприще деятельности для практического и нравственного благоустройства жизни.

Герой сентиментализма дан, как правило, вне общественной сферы. Природа и близкие, любимые люди — вот его окружение. Отмечено, что сам Карамзин не был сентименталистом в жизни. Усадебное уединение (в том же Остафьеве) он использовал для своих писательских трудов, имевших влияние на всю Россию. Замкнутость идеального сентименталистского мира была неприемлема и для него самого.

В дальнейшем литературном процессе идеалы сентиментализма, как известно, вызвали многочисленные пародии. У Гоголя довольно ядовитая ирония по отношению к карамзинскому герою промелькнула в «Ревизоре». Пытаясь одновременно ухаживать и за Анной Андреевной и за Марьей Антоновной, Хлестаков оправдывает свое поведение не чем иным, как прямой ссылкой на Карамзина и цитатой из «Острова Борнгольма». Инцест, положенный в основу таинственного сюжета этой повести, не вызывает осуждения автора. Ведь, по словам Н. Котляревского, писателю-сентименталисту был свойствен принцип «автономности» «чувствительного сердца», т. е. тот принцип, исходя из которого ... человек не желал признавать в мире никакой над собой власти, кроме власти именно этого сердца, исполненного любви и от природы вооруженного истинным познанием добра и правды» (*Котляревский Н.* Мировая скорбь в конце XVIII и начале XIX в. СПб., 1910. С. 7). В песенке гревзендского незнакомца звучат слова о том, что «законы осуждают» предмет его любви, но Природа хотела, чтоб Лилу он любил. Именно эти строчки повторяет Хлестаков, апеллируя к авторитету Карамзина, отстаивавшего в начале 1790-х годов «автономность» «чувствительного сердца». Однако уже в «Юлии» слова о том, что «сердце имеет свои законы», Карамзин вкладывает в уста князя, отрицающего понятие морального долга.

В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» Гоголь точно назвал причину известного неприятия Карамзина как литератора рядом последующих русских писателей: наследие отделилось от личности и было растащено подражателями, которые «послужили жалкой карикатурой на него самого и довели как слог, так и мысли до сахарной приторности» (VIII, 385). В то же время сам Гоголь, преобразуя традиции сентиментализма, воспринял многие грани карамзинского нравственно-эстетического идеала.

Мир сентиментализма удостоен был и «прощального слова», проникнутого неизбежной грустью и сожалением об утраченном. Это и пушкинский «Цветок», и гоголевские «Старосветские помещики». Эта повесть не раз становилась предметом исследования именно в русле указанной проблемы.

Описывая жизнь своих героев, Гоголь говорит о тишине, покое, уединении. Писатель включает в повесть мотив доброты как высшей нравственной ценности — один из основных мотивов этики и эстетики сентиментализма, идиллического семейного счастья, радушия, чистосердечия.

Появляется характерная и для Карамзина временная дистанция между автором и событиями, составляющими основу повествования. Прошлое вызывает грустные воспоминания, но автор не хочет их отбросить, они наполняют его душу, без них она была бы пуста.

В то же время сентиментальный мир именно в силу своей замкнутости способен воскресать только в памяти тех, кто имел с ним непосредственное соприкосновение. После него остаются засушенные цветы, развалины, заглохший пруд. Гоголя же не покидает мысль о гражданском долге человека. Выключенность из общественной жизни обрекает его на забвение, и только избирательная «память сердца» (Батюшков) способна вызвать его из небытия.

Стилевые взаимодействия в творчестве Карамзина и Гоголя многоаспектны. Язык и стиль сентиментализма, творчески переработанные, вошли в гоголевское наследие. Как отмечает В. Т. Адамс, Гоголю также свойствен параллелизм природы и настроения героев, причем округа у него похожа на хозяина, а, кроме того, «восторженная декламация и ритмически-песенные средства», «сливание ощущений» в пейзажных зарисовках и их значимое отсутствие, «наброски исторического пейзажа» (Адамс В. Т. Природоописание у Н. В. Гоголя // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 119. Труды по русской и славянской филологии. V. 1962. С. 77—78, 130—131) и т. д.

Имя Карамзина постоянно встречается в гоголевской переписке. Он внимательно следил за историей создания и открытия памятника Карамзину в Симбирске. Об этом писал ему за границу Н. М. Языков (14 декабря 1844 г.), не принимая, впрочем, саму идею воздвижения на пьедестал музы истории Клио: «Не нахожу слов выразить тебе мою досаду, что в честь такого человека воздвигают эту вековую бессмыслицу!» (Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 401). В то же время погодинское «Похвальное слово Карамзину...», произнесенное на открытии памятника «при громе рукоплесканий всего симбирского дворянства» (Там же. С. 422), вызвало одобрение Гоголя. В письме к Н. М. Языкову от 26 апреля 1846 г. Гоголь соглашался: «Карамзин представляет, точно, явление необыкновенное» (Там же. С. 428). Именно здесь дана характеристика Карамзина, позднее использованная Гоголем в статье «Карамзин» («Выбранные места из переписки с друзьями»). Высказанные мысли не в меньшей степени, чем Карамзина, раскрывают самого Гоголя и выявляют то, что их объединяло: представление о высокой миссии писателя, об его достоинстве и независимости, но в первую очередь о любви ко благу как о наивысшем свойстве человеческой души. Ср. со словами Карамзина из его письма 1815 г. к А. И. Тургеневу: «Жить есть не писать историю, не писать трагедии или комедии; а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать, любить добро, возвышаться душою к его источнику; все другое, любезный мой приятель, есть шелуха, — не исключаю и моих осьми и девяти томов... Делайте что и как можете: только любите добро, а что есть добро, спрашивайте у совести» (Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 260). В соответствии со своей системой ценностей Гоголь видит в Карамзине учителя, дающего урок всем российским писателям, и карамзинская мысль о том, что «творец всегда изображается в творении и часто — против воли своей», у Гоголя преобразуется в идею о том, что автору с душой неопытной, невоспитавшейся не дано

сказать правды, ибо, опять же по словам Карамзина, «дурной человек не может быть хорошим автором» (*Карамзин Н. М.* Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 62).

Приоритет нравственности перед литературой определяет гоголевское восприятие Карамзина, прежде всего как человека, живой души. Даже в погодинском «Похвальном слове...» он ценит прежде всего то, что в нем Карамзин «становится как живой перед глазами читателя» (VIII, 266).

В Карамзине Гоголь видел такого человека и писателя, который помог ему, Гоголю, «вырасти выше духом» (VIII, 219). Именно на него призывал Гоголь быть похожими своих духовных наследников. Такой памяти хотел Гоголь и для себя после смерти.

¹ В основе очерка письмо к Н. М. Языкову от 5 мая (н. ст.) 1846 года.

² Гоголь напоминает здесь притчу Спасителя о талантах (Мф 25, 14—30).

³ Вероятно, отзвук разговоров Гоголя с Жуковским.

⁴ Это место письма вызвало возражение С. П. Шевырева, который писал Гоголю 30 января 1847 года: «Странно еще говоришь ты, что в наше время можно сказать вслух всякую правду, а в доказательство приводишь Карамзина, которого “Записка о древней Руси” до сих пор не напечатана...» (Переписка Н. В. Гоголя. М., 1988. Т. 2. С. 345). Следует, однако, иметь в виду, что сочинение «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзин для печати не предназначал.

С. П. Шевырев

Лекции о русской литературе

Впервые: Сборник отделения русской словесности Императорской Академии наук. СПб., 1884. Т. 33. С. 1—280. Печатается по указанной публикации (С. 16, 140—144).

¹ Строка из стихотворения В. А. Жуковского «Лалла Рук» (1821).

П. А. Вяземский

Из старой записной книжки

Печатается по изданию: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878—1896. Т. 9. С. 84.

О письмах Карамзина (1866)

Впервые: Северная почта. 1866. № 20; Памяти Карамзина. СПб., 1866. С. 20—29. Печатается по изданию: *Вяземский П. А.* Эстетика и критика. М., 1984. С. 250—253.

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — поэт, критик, мемуарист.

Долгая жизнь П. А. Вяземского в литературе (он был с детства окружен русскими литераторами, входившими в его домашний круг, — Нелединский-Мелецкий, Карамзин, Дмитриев, Жуковский, В. Л. Пушкин) привела к тому, что появление новых имен (Пушкина, Гоголя) стало восприниматься им не как крутой перелом, не как смена и вытеснение старого новым, а как расширение и обогащение кружка, заменившего ему семью, в которой было так много утрат. Он воспринимал литературу как живой организм, «в котором замены невозможны..., по отношению к которому критерий новизны не имеет смысла» (*Дерюгина Л. В. Эстетические взгляды П. А. Вяземского // Вяземский П. А. Эстетика и критика. М., 1984. С. 7*).

Что же касается Карамзина, то, по словам В. Д. Спасовича, Вяземский боготворил его как первоучителя, как законодателя литературы в «Письмах русского путешественника» и в «Письмах». «Не беда, что Карамзин заимствовал от Руссо и внес к нам сентиментализм или слезливость, Вяземский полагает, что и чувствительность не приторна, когда она не лжива. Карамзин дорог Вяземскому потому, что, в противность Шишкову и его староверам, и мыслившим, и писавшим двуперстно, он был в языке новатор, а в историческом и государственном отношении консерватор. <...> Карамзина побаивался Вяземский, будучи еще ребенком, когда у отца засиживался далеко за полночь *monsieur minuit et demi* *. Несколько томов *Истории* написаны у самого Петра Андреевича в гостях, в его подмосковном Остафьеве. Князь был постоянным посетителем Карамзина в его крошечном царскосельском домике, где писалась *Заметка о Польше*, был почти свидетелем его прогулок с Александром I, посвященным интимным беседам о государственном строе в “зеленом кабинете”, то есть по тенистым аллеям царскосельского парка». «Вяземский был до жестокости строг ко всем писателям по истории, которые осмеливались иметь свои идеи, не совпадающие с идеями Карамзина...» (*Спасович В. Д. Князь Петр Андреевич Вяземский и его польские отношения и знакомства // Русская мысль. 1890. Кн. 1. С. 57—58*).

В сознании Вяземского были связаны события 1812—1814 гг. и выход первых восьми томов «Истории государства Российского». «Для Вяземского победа над Наполеоном означает вступление России в круг европейских государств и выдвижение ее на важнейшее место среди них: это как бы начало сознательной, общечеловеческой жизни страны. “История” Карамзина воспринимается им как акт самосознания этого словно заново родившегося государства» (*Дерюгина Л. В. Эстетические взгляды П. А. Вяземского. С. 8*). В то же время Вяземский считает, что русское общество до сих пор не выразилось литературой и в этом смысле особое значение приобретает личность автора, которая порождает связь между обществом и литературой. Здесь в первую очередь следует назвать имя Карамзина и его «Историю государства Российского», бывшую для Вяземского образцовым литературным произведением, выразителем общества и залогом литературного будущего России. «Творение Карамзина есть единственная у нас книга, истинно государственная, народная монархическая. Не говорю о литературном или художественном достоинстве ее, ибо в этом отно-

* господин «полпервого ночи» (фр.).

нении может быть различие в мнениях, но в другом оно быть не может, ибо повторяю вместе с вами, вместе со всеми, вместе с очевидностью: она одна», — пишет Вяземский в 1836 году в «Проекте письма к министру народного просвещения графу С. С. Уварову» (*Вяземский П. А. Полн. собр. соч.*: В 12 т. СПб., 1878—1896. Т. 2. С. 215). Это полноценное выражение «России, каковою сделало ее провидение, столетия, люди, события и система правления» (Там же. С. 217). По мнению Вяземского, книга Карамзина не слово, а дело — и требует ответа делом. «...самое 14 декабря не было ли впоследствии времени, так сказать, критика вооруженною рукою на мнение, исповедуемое Карамзиным, то есть “Историю государства Российского”, хотя, конечно, участвующие в нем тогда не думали ни о Карамзине, ни о труде его» (Там же. С. 218). «Для Вяземского заведомо неприемлема не только любая односторонняя — научная или стилистическая — критика “Истории”, но и вообще критика, не сопровождаемая созиданием; для него важна не столько научная ценность этой книги, сколько ее основополагающая роль... На книгу Карамзина, по мнению Вяземского, можно было бы возразить не критикой, а только созданием другой книги, способной заменить первую» (*Дерюгина Л. В. Эстетические взгляды П. А. Вяземского*. С. 16). В статье «Отметки при чтении исторического похвального слова Екатерине II, написанного Карамзиным» Вяземский выражает мысль о том, что такую книгу не может создать любой человек и в любое время; историка создают исторические обстоятельства — в тот момент, когда определяется и требует своего выражения историческое самосознание общества: «Карамзин — наш Кутузов Двенадцатого года: он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в двенадцатом годе» (Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 2. С. 354). Отметая упреки Карамзину в том, что в его труде отсутствует философия истории, Вяземский писал: «...в истории России, и особенно же в труде Карамзина, который должен был начать с того, чтобы из-под праха отыскать и восстановить события, всякая натяжка, всякое заданное наперед направление лишили бы его возможности представить полную картину того, что было и как было» (поздняя редакция статьи «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина»; см. наст. изд.).

В письме к А. И. Тургеневу, оценивая труд Карамзина как идеал общенационального дела в противоположность разъединяющему духу партий и направлений, Вяземский утверждал, что Карамзин «может быть у нас средоточием, около коего должно обвести круг нашего просвещения и всех шагов наших на поприще образованности. Все лучи можно откидывать от него и прикидывать к нему, ибо нет сомнения, что он был истинный и единственно полный представитель нашего просвещения» (Переписка А. И. Тургенева с князем П. А. Вяземским. Пг., 1921. Т. 1. С. 54). В 1833 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Воспоминания о Карамзине для коротко знавшего его сливаются с современными воспоминаниями о всех важных событиях, русских всемирных, потому что и не было ничего чуждого Карамзину: все имело отголосок в сердце его и отблеск в уме. Карамзин был Россия: около его сосредоточивалась, по крайней мере, отражением своим» (Остафьевский архив. Т. 2. С. 245).

«Можно установить несходство литературных вкусов и творческих принципов Вяземского и Карамзина, есть основания даже усомниться в

полной безоблачности их личных отношений; однако ни единым словом, ни в статьях, ни в дневниках, ни в частных письмах, Вяземский не противоречит этому своему первоначальному мнению о месте Карамзина в русской литературе. Малейшая попытка поставить под сомнение значение Карамзина провоцирует Вяземского на самую резкую и невыгодную лично для него полемику... защищая Карамзина, он защищает самые основы своих литературных убеждений» (*Дерюгина Л. В.* Эстетические взгляды П. А. Вяземского. С. 17).

На протяжении всей жизни Вяземский продолжал обращаться к наследию Карамзина, всегда сохраняя неизменно высокую оценку его и способствуя тому, что Карамзин продолжал оставаться «живым явлением» русской культуры в течение всего столетия.

¹ Вильгельм Телль — герой швейцарской народной легенды, отразившей борьбу швейцарского народа против Габсбургов в XIV веке.

² Корде (Корде д'Армон) Шарлотта (1768—1793) — французская дворянка. Проникла в дом Ж.-П. Марата и заколола его кинжалом. Казнена.

³ См. прим. 6 на с. 878.

⁴ Ю. М. Лотман пишет: «Не случайно П. А. Вяземский в дни суда над декабристами вспомнил это стихотворение Карамзина и увидел в нем оправдание “бедственной необходимости цареубийства”: “Какой же смысл этого стиха? На нем основываясь, заключаешь, что есть же мера долготерпению *народному*”» (*Лотман Ю. М.* Поэзия Карамзина // Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 11).

⁵ *Апофегма* (греч. *apophthegma*) — изречение.

⁶ О Карамзине и Дмитриеве как «основателях нынешней прозы и языка стихотворного» Вяземский говорит в «Известии о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева» (1823), сопровождая свое суждение кратким историческим обзором.

⁷ Уже после смерти Карамзина, в 1828 году, Вяземский пишет А. И. Тургеневу о Дмитриеве: «В этом холодном человеке и, по многим приметам, эгоисте страстная дружба к Карамзину умилительна и совершенно с ним примирительна. Другьям Карамзина нельзя не прилепиться к Дмитриеву: в нем горит нетленное чувство» (Остафьевский архив. Т. 3. С. 183).

⁸ И. И. Дмитриев умер в Москве 3 октября 1837 года.

⁹ Вяземский имеет в виду следующие произведения Карамзина: «Письма русского путешественника» (1791—1801), «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода» (1803), «Историческое похвальное слово Екатерине II» (1802), «История государства Российского» (1804—1826).

¹⁰ В письме Вяземского к А. И. Тургеневу от 20 августа 1833 года сказано: «...если персонализировать понятия и жизнь, то Карамзин есть для нас чистая нравственность, ибо чище этой не найдешь на земле» (Остафьевский архив. Т. 3. С. 252).

III

**«ПОЯВЛЕНИЕ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО ...
НАДЕЛАЛО МНОГО ШУМУ»****А. И. Тургенев**

Письмо А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу в Геттинген
(Москва. 1808. Июля 23-го)

Впервые: Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 362.
Печатается по этой публикации.

Заслуги Карамзина, исторического исследователя
и исторического писателя

Впервые: Московский телеграф. 1827. Ч. XVIII. № 23. Отд. II.
С. 214—220. Печатается по изданию: *Тургенев А.* Политическая
проза / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и прим. А. Л. Осповата. М.,
1989. С. 251—254.

Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — русский общественный
деятель, историк, писатель. Почетный член Петербургской Академии
наук.

С юных лет его связывала дружба с лучшими российскими авторами — Жуковским, Батюшковым, Пушкиным. Тургенев был видным членом литературного общества «Арзамас», близким другом и литературным единомышленником Карамзина. После отставки от службы (1824) летом 1825 г. уезжает за границу. Брат осужденного декабриста Н. И. Тургенева, он скитается по Европе, встречается с крупнейшими деятелями культуры, проводит обширные изыскания по русской истории.

В 1837 г. А. И. Тургенев сопровождал в Святогорский монастырь тело убитого А. С. Пушкина.

А. И. Тургеневу Н. М. Языков посвятил свои «Стихи на объявление памятника историографу Н. М. Карамзину» (1845).

Вскоре после смерти Пушкина, но еще до того как был напечатан его «Памятник», А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому (4 мая 1837 г.), что в Москве холодно отнеслись к замыслам об увековечении памяти Карамзина, и цитировал по этому поводу Горация и Державина: «Мне обещали доставить и копии с письма Оболянинова, в коем он по-своему доказывает, что Карамзин не заслужил памятника. Не лучше бы памятник “aere perennius”? * ... Обними за меня милое потомство Карамзина и скажи ему и себе, чтобы не мешали, а помогли мне воздвигать другой памятник, ко его ни губернатор, ни Времени полет не могут сокрушить» (Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 4. С. 15).

В 1838 г. А. И. Тургенев намеревался издать «Собрание писем и записок покойного Историографа», но получил цензурный запрет. Главное Управление Цензуры посчитало, что «еще не время обнародовать мысли,

* прочнее меди (лат.).

которые покойный Историограф с откровенностью дружеской переписки изъяснял о разных предметах, не подлежащих общему сведению...» (РНБ. Ф. 831. Цензурные материалы № 4. Л. 49—50 об. Уваров С. С. Доклад на имя Николая I по поводу желания А. И. Тургенева издать письма Н. М. Карамзина). А. И. Тургенев выступил против этого решения и передал князю Голицыну свои доводы и объяснения. В частности, он сообщил, что все это было предварительно доложено Императору через графа Бенкендорфа и не найдено Государем «ни преждевременным, ни неуместным» (Там же). Министр народного просвещения С. С. Уваров в своем докладе Николаю I (написанном по его повелению) отмечает, что «об этой Высочайшей резолюции Цензурному ведомству не было объявлено» и соглашается с цензурным заключением: «...я думаю, что нельзя позволить издать в свет писем Карамзина по частным обстоятельствам или о лицах, которые занимают ныне важные государственные должности...» (Там же). Министр ссылается также на мнение семейства Карамзиных, не желающего обнародования его писем и записок. По поводу этого доклада Уварова царь написал: «Справедливо; не знаю, на чем основывает г. Тургенев то, что до меня касается, ибо я сего не читал ни даже видел, стало и судить о том не мог» (Там же). Между тем благодаря состоявшимся позднее предъюбилейным публикациям русскому обществу открылся неизвестный ранее Карамзин.

Уволенный со службы императором Александром I, А. И. Тургенев вместе с братом Николаем отправляется за границу и в 1826—1827 гг. становится, благодаря П. А. Вяземскому, европейским корреспондентом «Московского телеграфа».

В 1827 г. в «Лейпцигской литературной газете» (№ 22) появилась рецензия на немецкий перевод восьми томов «Истории государства Российского». Тургенев откликнулся на нее заметкой, опубликованной в газете «Литературные листки» (1827. № 156). В русском переводе оба текста были напечатаны в «Московском телеграфе» (1827. Ч. XVIII. № 23. Отд. II. С. 207—220) под заглавием «Спор в немецких журналах об “Истории государства Российского”».

¹ Геерен (Герен) Арнольд Герман (1760—1842) — немецкий историк.

² См. прим. 7 на с. 876.

³ Геродот (между 480 и 490 — ок. 425 до н. э.) — древнегреческий историк, прозванный «отцом истории».

⁴ Аммиан Марцеллин (ок. 330 — ок. 400) — римский историк.

⁵ Нестор (XI — начало XII в.) — русский летописец, автор первой редакции «Повести временных лет».

⁶ Шлецер Август Людвиг (1735—1809) — немецкий историк, филолог; на русской службе в 1761—1767 гг.

⁷ Тунманн Иоганн Эрик (1746—1778) — шведский историк.

⁸ Маннерт Конрад (1756—1834) — немецкий историк и географ.

⁹ Байер Готлиб Зигфрид (1694—1738) — немецкий историк, филолог, член Петербургской Академии наук.

¹⁰ Лерберг Аарон Христиан (1770—1813) — немецкий историк, член Петербургской Академии наук.

¹¹ Круг Филипп Иванович (1764—1844) — немецкий историк. С 1795 г. работал в России, издатель памятников древней русской истории.

¹² См. прим. 6 на с. 878.

¹³ Имеется в виду труд Шлецера «Всеобщая северная история» (1771).

¹⁴ Приведа эту цитату, искажающую смысл высказывания Карамзина (см. ниже и след. прим.), автор рецензии сопроводил ее двумя вопросительными знаками и далее заключил: «Подобных промахов легко можно было бы указать много, но ими очень мало уменьшается высокое достоинство книги» (Московский телеграф. 1827. Ч. XVIII. № 23. Отд. II. С. 212).

¹⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1. С. 145.

¹⁶ Саксон-Грамматик (1140 — ок. 1208) — датский хронист-летописец.

¹⁷ Далин Улаф (1708—1763) — шведский поэт и историк.

¹⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Прим. к т. 1. С. 138.

¹⁹ Область в Средней Швеции.

²⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Прим. к т. 1. С. 42.

²¹ Маскоу Иоанн Яков (1689—1761) — немецкий историк.

²² Робертсон Уильям (1721—1793) — английский историк.

²³ Гианнони Джаннони Пьетро (1676—1748) — итальянский историк.

²⁴ См. прим. 3 на с. 869.

²⁵ Парафраза 4-го стиха из «Памятника» Г. Р. Державина: «И времени полет его не сокрушит».

Н. И. Греч

Современная русская библиография

Новые книги. 1817. История государства Российского

Впервые: Сын Отечества. 1818. № 6. С. 251—256. Печатается по первой публикации.

Греч Николай Иванович (1787—1867) — журналист, издатель, публицист, беллетрист, филолог, переводчик, основатель журнала «Сын Отечества». Ввел в русскую критику обзор новых произведений за год. Автор «Учебной книги российской литературы» (1822), где разграничивает ломоносовское и карамзинское направления в русской литературе, подчеркивает важность ориентации на нормы народного языка.

«Сын Отечества» Греча с самого начала занял благожелательную позицию по отношению к Карамзину. Еще до выхода в свет труда Карамзина Н. И. Греч в «Сыне Отечества» заявил, что в России с появлением сочинения историографа будет наконец «настоящая русская история» (О русской истории Н. М. Карамзина // Сын Отечества. 1817. № 40. С. 78). Лишь только невежды, по его мнению, толкуют, что она написана в том же сентиментальном духе и тем же языком, что и ранние работы Карамзина (см.: Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 74). В публикуемой статье

Греч делает акцент на положении Карамзина как государственного историографа, подчеркивая единение монарха и мыслителя-патриота.

Один из первых некрологов Карамзину, опубликованный в полуофициальной газете военного ведомства, начинался так: «В минувшую субботу, 22 мая, в два часа пополудни, к глубокому прискорбию всех Россиян, скончался знаменитый наш историограф *Николай Михайлович Карамзин*. Для похвалы сего великого мужа довольно сказать, что *император Александр* удостоивал его своей дружбы. “История государства Российского” есть бессмертный памятник, воздвигнутый им своему царю-благодетелю и России: памятник, которого не сокрушит река времени. Обширный умом, высокий сердцем, *Карамзин*, как человек, был еще выше, нежели Писатель. Пользуясь Европейскою славою, осыпанный щедротами своих монархов, стоя на верхней степени между отечественными писателями, он в домашней жизни был образцом семейственных добродетелей» (Русский инвалид. 1826. 26 мая. С. 506—507).

В той же «Северной пчеле» (1826. 29 мая) поместил свою статью Н. И. Греч, где, излагая биографию Карамзина, главным образом перечислил полученные им от императора чины и ордена. Далее следовала фраза: «Кончина государя благодетеля поразила благодарного Карамзина жестоким ударом: он впал в изнурительную чахотку». «Чахотка была плодом поэтического воображения издателя “Северной пчелы”, — отмечают В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсон, — и как нельзя лучше согласовывалась с политикой» (Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Из истории книги и прессы пушкинской поры. М., 1972. С. 83—84).

В «Северных цветах на 1828 год» текст несколько иной (см.), причинной «изнурительной чахотки» названы «беспрерывные труды» историографа, но опять-таки на первый план выведены «царские награды», пожалованные за эти труды.

Рассказы о «злой чахотке», о царских милостях (орден св. Анны 1-й степени при чине статского советника) повторил в своем пышном панегирике П. П. Свиньин. В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсон пишут: «...благодарность его иногда перехлестывала через край, и сам Греч, вероятно, должен был бы морщиться, читая свою собственную мысль в таком виде: “Карамзин <...> может быть поставлен на вид просвещенному миру и примером, до какой степени в России люди с истинными дарованиями вознаграждаются, достигают почестей и обеспечивают свое благосостояние”.

Но как бы оно ни было выражено, лучше ли, хуже ли, из некрологов явствовало одно: 22 мая 1826 года Россия лишилась одного из великих мужей государственных, идеального верноподданного, друга царствующего дома, чьи заслуги были по достоинству оценены и вознаграждены. К тому же незабвенный историограф был еще и нравственным эталоном, и имя его отныне долго будет произноситься с дрожью официального умиления в голосе» (Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». С. 84—85).

У Вяземского, Жуковского, Александра Тургенева, Пушкина вызревала мысль о жизнеописании или хотя бы о некрологе, достойном памяти Карамзина (см. письмо Пушкина Вяземскому от 10 июля 1826 г.).

Когда Греч через два года вновь напечатал статью о Карамзине (в «Северных цветах»), А. И. Тургенев написал брату, Николаю Ивановичу, политическому изгнаннику: «Вчера еще раз писал к Жук<овскому>, по-

слал ему замечания на статью Греча о Карамзине в Северных цветах на 1828 год: что-то такое рабское и писателя недостойное. На счет истины делают фразы, напр., что милость государя на минуту возбудила его к жизни, — тогда как он принял ее с негодованием на чрезмерность пенсии, — и беспрестанно твердят о 3-м Влад<имире> и о том, что он один имел в чине ст<атского> советника анненскую ленту!» (*Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины». С. 86—87).

¹ Татищев Василий Никитич (1686—1750) — русский историк, государственный деятель.

² См. прим. 9 на с. 904.

³ Миллер Иоганн (1752—1809) — немецкий историк.

⁴ См. прим. 6 на с. 904.

⁵ Левек Пьер Шарль (1736—1812) — французский историк, автор «Истории России».

⁶ Леклерк Никола Габриель (1726—1798) — французский историк.

⁷ Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790) — историк и публицист.

⁸ Болтин Иван Никитич (1735—1792) — русский историк.

М. Т. Каченовский

От Киевского жителя к его другу
(Письмо I)

Впервые: Вестник Европы. 1818. № 18. С. 122—127. Печатается по первой публикации.

История государства Российского. Том XII

Впервые: Вестник Европы. 1829. № 17. С. 3—15; 94—121. Печатается по первой публикации (с. 3—9).

Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) — историк, переводчик, критик, издатель, общественный деятель. В своих лекциях и статьях по истории Каченовский развивал идеи так называемой скептической школы, основателем которой в России он считается наряду с Н. С. Арцыбашевым. Полагая, что каждый народ имеет в своей истории «баснословный» период, Каченовский требовал критического отношения к древнейшим письменным источникам; исходя из мысли о культурной отсталости Древней Руси, он отвергал достоверность многих известий «Повести временных лет» и «Русской правды». «Историю государства Российского» Карамзина Каченовский считал примером ненаучного подхода к историческим источникам и с 1818 года вел систематическую критику этого труда. В «Письме от Киевского жителя к его другу» (Вестник Европы. 1819. № 2—6) выступил с критикой «Предисловия» Карамзина к его «Истории».

Каченовский восстал против «преувеличений» Карамзина, изобразившего прошедшее «колоссальным», «величественным», «старался приве-

сти русскую историю к ее естественным размерам, снять с глаз повязку, которая показывала многое в превратном виде, и возратить или, правильнее, привести нас к воззрению, равному времени, в которое совершались события» (*Кавелин К. Д.* Собр. соч. СПб., 1897. Т. 1. С. 100).

Но проводя «здравый взгляд на историю», отлично понимая ложность преувеличений Карамзина, Каченовский сам «впал в крайность, которая существенно повредила его делу». «Вместо того, чтобы из самой летописи и источников показать младенческое состояние нашего общества в IX, X, XI и последующих веках, он старался опровергнуть самые источники» (Там же).

Карамзин избрал его в члены Российской Академии и признал его критику «весьма поучительной и добросовестной» (Письма Карамзина к Дмитриеву. СПб., 1866. С. 261).

Кроме того, Каченовский охотно помещал в «Вестнике Европы» полемические заметки против Карамзина, например, «Розыскания касательно Русской истории» за подписью З. Доленга-Ходаковский (Вестник Европы. 1819. № 20). Карамзин не отвечал Каченовскому. Выступления против Карамзина и дальнейшая журналистская деятельность Каченовского окончательно утвердили его общественную репутацию согласно пушкинской эпиграмме 1821 года «Клеветник без дарованья...».

После выступления Каченовского с критикой «Истории государства Российского» карамзинисты перестали сотрудничать в «Вестнике Европы». В полемику с Каченовским вступил П. А. Вяземский: эпиграммы 1818 (см. Русская эпиграмма. № 846—849); «Послание к М. Т. Каченовскому», 1819 (Сын Отечества. 1821. № 2); Каченовский перепечатал его под названием «Послание ко мне от Вяземского» со своими язвительными примечаниями (Вестник Европы. 1821. № 2), а затем напечатал послание С. Т. Аксакова к Вяземскому, сам озаглавив его «Послание к Птелинскому-Ульминскому» (Вестник Европы. 1821. № 9).

Критические отзывы о Каченовском как критике Карамзина появились в «Благонамеренном» (1818. № 8. С. 219), «Сыне Отечества» (Н. Д. Иванчин-Писарев — 1819. Ч. 57. № 342), в «Отечественных записках» (1822. № 27. С. 3—27, 99—109).

¹ Батюшков Константин Николаевич (1787—1855) — русский поэт.

² Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — русский поэт.

³ См. прим. 13 на с. 870.

⁴ См. прим. 1 на с. 888.

⁵ См. прим. 2 на с. 892.

⁶ См. прим. 7 на с. 876.

⁷ Саллюстий (86 — ок. 35 до н. э.) — римский историк.

⁸ Олеарий Адам (1603—1671) — немецкий путешественник, автор «Описания путешествия в Московию».

⁹ См. прим. 6 на с. 878.

¹⁰ Рошфуко (Ларошфуко) Франсуа де (1613—1680) — французский писатель-моралист.

¹¹ Мюллер (Миллер) Иоганн (1752—1809) — немецкий историк.

¹² См. прим. 7 на с. 1013.

¹³ См. прим. 6 на с. 1013.

¹⁴ См. прим. 7 на с. 907.

М. Ф. Орлов

П. А. Вяземскому

(Киев, 4 мая 1818 г.; Киев, 4 июля 1818 г.)

Впервые: Лит. наследство. М., 1954. Т. 59. Кн. I. С. 565—567 (публ. и коммент. Л. Я. Вильде). Печатается по этому изданию.

Орлов Михаил Федорович (1788—1842) — политический и военный писатель, мемуарист, экономист; видный деятель тайных обществ 1810—1820-х гг.

В переписке с друзьями Орлов излагал свои исторические взгляды. В письмах к П. А. Вяземскому содержится жесткая (несмотря на прочную дружескую укорененность М. Орлова в карамзинском литературном кругу) критика «Истории государства Российского» (не соглашаясь с норманнской концепцией, М. Ф. Орлов утверждал высокую историческую роль славянства).

4 мая 1818 г. Орлов отправил Вяземскому в Варшаву первое из своих писем, часть которого посвящена разбору «Истории государства Российского» Карамзина. Ответ Вяземского, по-видимому, не сохранился. Но известно, что Вяземский записал в своей «Старой записной книжке»: «Умный и образованный Михаил Орлов был тоже недоволен трудом Карамзина; патриотизм его страдал ввиду прозаического и мещанского происхождения русского народа, которое выводил историк» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. VIII. С. 384). Другое письмо было написано 4 июля 1818 г. В нем Орлов говорит о несомненном ранней дорюриковской русской государственности, о наличии каких-то важных событий, которыми только и можно объяснить последующее — после Рюрика — величие и значение Киевской Руси. См.: *Нечкина М. В.* Декабрист Михаил Орлов — критик «Истории» Н. М. Карамзина // Лит. наследство. М., 1954. Т. 59. Кн. I. С. 557—564). См также: *Пушкин А. С.* Отрывки из писем, мысли и замечания (наст. изд.).

¹ До Орлова могли дойти сведения о том, что Вяземский не скрывает его мнения об «Истории» Карамзина, давая ему не совсем точное освещение. Поэтому Орлов просит не разглашать содержания второго письма.

² Иорнандес (Иорданус; ок. 500—?) — историк готов.

³ Пинкертон Джон (1758—1826) — шотландский историк.

⁴ *Асмодей* — арзамасское прозвище Вяземского.

Н. М. Муравьев

Мысли об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина
(1818)

Впервые: Лит. наследство. М., 1954. Т. 59. Кн. I. С. 586—595 (публ., вступ. ст. и коммент. И. Н. Медведевой). Печатается по этому изданию.

Муравьев Никита Михайлович (1795—1843) — декабрист, публицист, автор декабристской конституции. Отец, М. Н. Муравьев, содействовал

Карамзину в подготовке «Истории государства Российского». С глубокой привязанностью относясь к Карамзину (в Петербурге Карамзин подолгу жил в доме Муравьевых), Н. М. Муравьев постоянно спорил с ним. Широкое распространение в культурной среде получили его «Мысли об “Истории государства Российского” Н. М. Карамзина» (1818). «Мысли...» представляют собой критический разбор предисловия Карамзина к «Истории государства Российского». Черновики и многочисленные выписки свидетельствуют об углубленной работе Муравьева над начальными главами «Истории государства Российского». Задумав критический разбор труда Карамзина, Муравьев сначала остановился на предисловии к первому тому, посвященном общей исторической идее и принципам исторического описания. Из критики взглядов Карамзина, высказанных им в предисловии, и составила та вполне законченная статья Муравьева, которая имела распространение в списках и пропагандировалась самим автором. Затем Муравьев начал подробный разбор труда Карамзина в аспекте проблемы происхождения славян. Это продолжение было впервые опубликовано только в 1954 г. (Лит. наследство. М., 1954. Т. 59. Кн. I. С. 586—595). См.: *Медведева И. Н.* Записка Никиты Муравьева «Мысли об “Истории государства Российского” Н. М. Карамзина» (С. 567—580).

Задача исторического описания, считает Муравьев, не в том, чтобы учить мудрому примирению с несовершенной действительностью, а в пробуждении гражданских добродетелей; история — это вечная борьба между «злом и благом», в которой «добродетельные граждане» должны быть объединены против зла. Залог грядущего величия России — в свободах дорюриковской Руси. Муравьев разошелся с Карамзиным в оценке целых периодов исторического развития России. После своего выступления в качестве критика Карамзина Муравьев как бы становится признанным выразителем исторической мысли декабристов.

¹ Муравьев говорит об «Истории Российской с древнейших времен» М. М. Щербатова, вышедшей в 1770—1791 гг. и доведенной им до событий 1610 г., и «Истории Российской с самых древнейших времен» В. Н. Татищева, вышедшей в 1768—1784 гг. (после смерти историка) в трех томах и доведенной до Иоанна III (т. IV до 1577 г. еще не был известен Муравьеву). Оба историка имели в своем распоряжении далеко не все летописные источники, которыми пользовался Карамзин, и прибегали иногда к сомнительным спискам.

² Квиетизм — религиозно-этическое учение, возникшее в XVII в., проповедовавшее смирение, покорность, созерцательное, пассивное отношение к действительности, полное подчинение Божественной воле.

³ Фабриции — героический род из города Алетриум, переселившийся в Рим, вероятно, в 306 г. до н. э.

⁴ Антонины — династия римских императоров (в 96—192).

⁵ См. прим. 11 на с. 879.

⁶ Элиогобал (Элагабал, Гелиогобал) — императорское имя Цезарь Марк Аврелий Антоний Август (204—222), римский император (в 218—222).

⁷ Тиверий (Тибериус, 42 до н. э. — 37 н. э.) — римский император (с 14).

- ⁸ Калигула (12—41) — римский император (с 37).
- ⁹ Каракалла (186—217) — римский император (с 211).
- ¹⁰ Святослав (?—972) — великий князь Киевский.
- ¹¹ Владимир (?—1015) — великий князь Киевский (с 980), сын Святослава.
- ¹² Иоанн Калита (?—1340) — князь Московский (с 1325), великий князь Владимирский (с 1328).
- ¹³ Иоанн III Васильевич (1440—1505) — великий князь Московский (с 1462).
- ¹⁴ Василий III (1479—1533) — великий князь Московский (с 1505). Завершил объединение Руси вокруг Москвы присоединением Пскова, Смоленска, Рязани.
- ¹⁵ Иоанн IV Васильевич Грозный (1530—1584) — великий князь «всех Руси» (с 1538), первый русский царь (с 1547).
- ¹⁶ См. прим. 7 на с. 1017.
- ¹⁷ См. прим. 7 на с. 876.
- ¹⁸ Гораций Квинт Гораций Флакк (65 до н. э. — 8 до н. э.) — римский поэт.
- ¹⁹ Мономах Владимир (1053—1125) — князь Смоленский (с 1067), Черниговский (с 1078), Переяславский (с 1093), великий князь Киевский (с 1113).
- ²⁰ Олег (?—912) — первый исторически достоверный князь Киевской Руси.
- ²¹ Гомер — легендарный древнегреческий эпический поэт.
- ²² Софокл (ок. 496—406 до н. э.) — древнегреческий поэт-драматург.
- ²³ Фидиас (Фидий; нач. V в. до н. э. — ок. 432—431 до н. э.) — древнегреческий скульптор периода высокой классики.
- ²⁴ Юм Дэвид (1711—1776) — английский философ, историк, экономист.
- ²⁵ Король Англии Альфред Великий (849—901) прославился не только освобождением Англии от захватчиков, но и значительными реформами.
- ²⁶ Муравьев разумеет отношение Тацита к тирании римского императора Домициана (51—96) и вообще тираническому правлению, пагубно повлиявшему на судьбы и нравы римлян. Исторические сочинения Тацита полны негодования против губителей Рима и восхищения перед славными героическими и гражданскими подвигами римлян.

К. Ф. Рылеев

Письмо к Ф. Булгарину
(1821)

Печатается по изданию: *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. соч. М., 1934. С. 458.

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — русский поэт-декабрист. Член Северного общества и руководитель восстания 14 декабря 1825 г. Создатель альманаха «Полярная звезда».

В своем творчестве Рылеев опирался на созданные Карамзиным образы русской истории (отрывок из думы «Марфа Посадница», дума «Курбский» и др.)

Когда вышел IX том «Истории» Карамзина, Рылеев передал свои впечатления в письме к Ф. Булгарину из Острогжска (1821 г.).

В библиотеке Рылеева имелись все тома «Истории государства Российского» Карамзина. Поскольку имевшийся у Рылеева комплект был испорчен во время наводнения 1824 г., он вскоре купил себе другой комплект этого издания. «1 января 1826 г. он писал жене из крепости: “Белья больше мне не нужно, а пришли мне, пожалуйста, все 11 томов Карамзина Истории, но не те, которые испорчены наводнением, а лучшие: они, кажется, стоят в большом шкафу”. Находившемуся в одиночном заключении Рылееву хотелось поскорее получить “Историю” Карамзина; 5 февраля он писал жене: “Я просил тебя прислать Карамзина историю, ты, верно, позабыла. Пожалуйста, пришли”. Н. М. Рылеева ответила 9 февраля 1826 г.: “Историю Карамзина я не посылаю, боясь препятствий в оной пересылке”. «Возможно ... в приеме этих книг для политического заключения ей было отказано» (*Цейтлин А. Г.* О библиотеке Рылеева // Лит. наследство. М., 1954. Т. 59. Кн. I. С. 319).

¹ Рылеев прибавляет: «Вот безделка моя — плод чтения девятого тома». Ниже следует дума «Курбский».

И. Лелевель

Рассмотрение «Истории государства Российского» г. Карамзина
(Введение. Замечание на предисловие к Истории. Цель критики
на все сочинение)

Впервые: Северный архив. 1822. № 23. С. 408—434. Печатается по первой публикации.

Лелевель Иоахим (1786—1861) — польский историк и общественный деятель.

Статьи Лелевеля о Карамзине (Рассмотрение истории государства Российского» г. Карамзина // Северный архив. 1822. Ч. 4. С. 402—434, 458—471; 1823. Ч. 8. С. 54—80, 147—160, 287—297; 1824. Ч. 9. С. 41—57, 91—103, 163—172; Ч. 11. С. 132—143, 187—197; Ч. 12. С. 47—53) носят специальный характер. Польский историк здесь не только предпринимает попытку оценить труд Карамзина и отдельные аспекты его исторической концепции, но излагает и свои собственные представления на некоторые исторические проблемы.

Рецензия Лелевеля, написанная на польском языке, была опубликована Булгариным в вольном переводе. Редактор-издатель исключил ряд мыслей автора и добавил в рецензию свои соображения (см.: *Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 41).

Первая статья Лелевеля содержит разбор предисловия к «Истории». Лелевель не соглашается с оценками, данными Карамзиным историкам древности, и выражает иные, чем у Карамзина, мнения о том, как надо пи-

сать исторический труд. Лелевель считает, что «занимательность» исторического труда зависит не от «описываемых происшествий, но от искусства в их изображении». Польский историк упрекает Карамзина, что тот несправедливо «унизил» историю Греции и Рима, которая имеет большое значение для современности. В то же время автор статьи берет под защиту предложенную Карамзиным периодизацию русской истории.

В лагере критиков Карамзина рецензия вызвала одобрение и злорадство по отношению к Карамзину и его сторонникам (См.: *Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. С. 105). В 1882 г. журнал «Русская старина» опубликовал отрывки из писем Булгарина к Лелевелю, где содержалась полная дискредитация Карамзина.

¹ См. прим. 6 на с. 878.

² Фукидид (ок. 460—400 до н. э.) — древнегреческий историк.

³ См. прим. 24 на с. 911.

⁴ См. прим. 22 на с. 905.

⁵ См. прим. 11 на с. 908.

⁶ См. прим. 6 на с. 904.

⁷ См. прим. 3 на с. 869.

⁸ Макиавелли Никколо (1469—1527) — итальянский политический мыслитель и историк.

⁹ Между 430 и 426 годами до Р. Х. некая инфекционная болезнь, своего рода чума или моровая язва унесла около трети населения и вооруженные силы древних Афин.

¹⁰ В 415—413 годах до н. э. Сиракузы выдержали тяжелую войну с Афинами, но уже в 409 году до н. э. в Сицилии высадилось карфагенское войско, которое с помощью осадных машин начало подчинять сицилийские города. Тогда в Сиракузах были построены корабли с четырьмя и пятью ярусами весел, были сконструированы мощные метательные машины. С помощью этого оружия удалось остановить карфагенян.

¹¹ Германик (15 до н. э. — 19 н. э.) — римский полководец.

¹² Вар (ок. 53 до н. э. — 9 н. э.) — римский полководец; потерпев сокрушительное поражение от германских племен, покончил жизнь самоубийством.

¹³ См. прим. 7 на с. 908.

¹⁴ См. прим. 29 на с. 870.

¹⁵ Гиббон Эдуард (1737—1794) — английский историк.

¹⁶ Фергюссон (Фергюсон Адам; 1723—1816) — шотландский историк и философ-моралист.

¹⁷ Стюарты (Стюарты) — королевская династия в Шотландии (1371—1714).

¹⁸ Тудоры (Тюдоры) — королевская династия в Англии (1485—1603).

¹⁹ Плантагенеты — королевская династия в Англии (1154—1399).

²⁰ См. прим. 3 на с. 904.

²¹ См. прим. 7 на с. 876.

²² Катилина (108—62 до н. э.) — римский претор.

П. А. Катенин

Из писем к Н. И. Бахтину

Впервые: Русская старина. 1910. № 5. С. 442—446; 1911. № 6. С. 591—596; 612—615. Печатается по первой публикации.

Катенин Павел Александрович (1792—1853) — поэт, драматург, литературный критик, переводчик. Участник Отечественной войны и заграничного похода. Был литературным авторитетом для многих русских писателей — Пушкина, Грибоедова, Кюхельбекера.

Катенина отличали подчеркнутая личная независимость и нескрывтая резкость оппозиционных суждений. Репутация вольнодумца привела его к опале. Многие годы он провел в усадьбе Шаёво Кологривского уезда Костромской губернии.

Литературная позиция Катенина обнаруживала резкое расхождение с писателями карамзинской ориентации. «...будучи противником перифрастического стиля “карамзинистов”, интимного самовыражения в поэзии, он противопоставил им стремление к простоте и точности в выборе предметных деталей и языковых средств, конкретность изображения (подчеркнуто русский колорит, “простонародный” язык), правдоподобие психологической и речевой характеристики героев, “образительную” стилистику, включая и стихотворную технику...» (Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 504).

В условиях литературной изоляции ведет активную переписку с критиком Н. И. Бахтиным. Бахтин выступал в печати как единомышленник Катенина, также отвергал литературные принципы Карамзина, Жуковского, Батюшкова. В письмах к Катенину он сообщал ему литературные и театральные новости, взяв на себя роль его литературного комиссионера.

В истории русской литературы Н. И. Бахтин выделяет два периода: «блистательный» (1762—1790) и «несчастный» (до 1810-х гг.), к которому относит период господства сентиментализма. Его концепция вызвала полемику в русских журналах, на которую отозвался в своих письмах П. А. Катенин, выразив также свое отношение к Карамзину и его «Истории». Хотя X и XI тома произвели на него сильное впечатление, как и на других современников, все же он дал сурово-ироническую оценку монархических идей историографа, равно как и всего его творчества. Стихотворение Катенина «Старая быль», явившееся политическим памфлетом на пушкинские «Стансы», «написанное в своеобразном “елейном” стиле, с подчеркнуто многочисленными славословиями в адрес самодержавной власти, ... несомненно, пародировало и “Историю” Карамзина...» (*Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 134). «Старой были» было предпослано стихотворное посвящение Пушкину, где упоминался и Карамзин:

Вот старая, мой милый, быль,
А может быть, и небылица:
Сквозь мрак веков и хартий пыль
Как распознать? Дела и лица —
Все так темно, пестро, что сам
Сам наш историограф почтенный,

Прославленный, преутомленный*
Едва ль не сбился там и сям.

Явно сатирический портрет Карамзина включался в общий антимо-нархический контекст «Старой были».

¹ В журнале «Сын отечества» (1822. Ч. 80. № 37. С. 160—177) Н. И. Греч поместил свои замечания на письмо Н. И. Бахтина (за подписью М. И.) к редактору «Вестника Европы». В «Вестнике Европы» (1822. № 19. С. 183—203) Н. И. Бахтин возразил на замечания Н. И. Греча. Полемика велась по поводу книги Н. И. Греча «Опыт краткой истории русской литературы» (Вестник Европы. 1822. № 13, 14, 19, 24).

² Имеется в виду рецензия Полевого (Московский телеграф 1827. № 17—18) на статью Бахтина в «Атлас» Бальби (Coup d'oeil sur l'histoire de la Langue Slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie // Balbi A. Atlas ethnographique du Globe... Т. 1. Paris, 1826. Р. 321—357; рус. пер. Д. Я. Кафтырева; Сын Отечества. 1828. № 9—12). На отрицательный отзыв Полевого Бахтин ответил целой серией выступлений.

Н. А. Полевой

О новейших критических замечаниях на «Историю
государства Российского», сочиненную Н. М. Карамзиным
Статья 1

Впервые: Московский телеграф. 1825. Ч. IV. С. 234—243. Печатается по первой публикации.

В этой статье Н. Полевой пытается подвести некоторые итоги полемики вокруг «Истории государства Российского». Он считает, что еще не появилось серьезных критических работ, достойных труда Карамзина. В имеющихся работах можно видеть либо неумеренный восторг, либо мелочные придирки. В «Письме Киевского жителя» он не приемлет «грубый слог», незавершенность, «сбивчивость суждений». У Арцыбашева он замечает тенденциозность, а его критику на IX том вообще предпочитает не рассматривать. Лелевель, по мнению Н. Полевого, не столько разбирает «Историю» Карамзина, сколько излагает свои мнения «о разных исторических предметах». Что касается Д. З. (Дмитрия Зубарева), то у него Полевой отмечает предвзятость и неверность толкований отдельно взятых, вырванных из контекста суждений историографа (в частности, о последствиях татаро-монгольского ига).

Н. Полевой считает, что историю России надо рассматривать в контексте всемирной истории, «с высшей точки зрения». Свои взгляды он развил в дальнейших работах о Карамзине.

Литературные опасения за кое-что (Все на свете суeta)

Впервые: Московский телеграф. 1828. Ч. 24. С. 372. Печатается по первой публикации.

* В другом чтении: пренагражденный.

История государства Российского. Сочинение Карамзина
СПб. Томы I—VIII, 1816 года, IX, X, XI, 1821 г., XII, 1829 года (первые
восемь томов напечатаны вторым изданием в 1816 и 1819 годах)

Впервые: Московский телеграф. 1829. Ч. 27. № 12. Июнь. С. 467—
500. Печатается по первой публикации.

О критике г-на Арцыбашева на Историю государства Российского,
сочиненную Н. М. Карамзиным
Из сочинений С. Руссова. СПб., 1829

Впервые: Московский телеграф. 1829. Ч. 25. С. 404—407. Печата-
ется по первой публикации.

В данной статье редактор-издатель «Московского телеграфа» Н. А. По-
левой берет под защиту критику Арцыбашева, одновременно отметив, что
далеко не всегда замечания на нее Руссова являются обоснованными.

Полевой Николай Алексеевич (1796—1846) — критик, публицист,
журналист, редактор и издатель «Московского телеграфа». Статья об
«Истории государства Российского» — одно из принципиальных для По-
левого выступлений. Она связана с работой над «Историей русского наро-
да», первый том которой также вышел в 1829 г. Ранее в «Московском те-
леграфе» появлялись доброжелательные отзывы о Карамзине Вяземского,
Сомова, хотя отрицательное отношение Полевого к «Истории...» Карамзи-
на сложилось давно. Признавая заслуги Карамзина в собирании и приве-
дении в порядок исторических материалов, «образцовость» его языка и
слога, Полевой вместе с тем рассматривает его как писателя «прежнего
поколения» и противопоставляет карамзинской «повествовательной» ис-
тории концепцию истории «философской», вытекающей из «одного общего
начала». Полевой сделал вывод, что «История государства Российского»
«в отношении истории, какой требует наш век», то есть с точки зрения
«философско-исторической», является произведением «весьма неудовлет-
ворительным».

«Он осудил историческую концепцию Карамзина в целом, указал на
отсутствие в “Истории государства Российского” “одного общего начала,
из которого истекали бы все события русской истории”. Неприемлемым
было для него и стремление Карамзина приукрасить повествование за
счет искажения в ряде случаев самой исторической правды. Несправед-
ливым и ограниченным полагал он понимание автором “Истории государ-
ства Российского” цели изучения прошлого как получения “архивной
справки” для правителей, дабы решать дела так, как их “прежде решали”,
и назидание гражданам, что “зло всегда было, что люди всегда терпели,
почему и им надобно терпеть”. В вышедшем вслед за статьей первом томе
“Истории русского народа” Полевой противопоставил свое понимание со-
держания исторической науки и исторического процесса исторической
концепции Карамзина. Он принципиально расходился с автором “Исто-
рии государства Российского” в самом понимании предмета исследования
и критиковал Карамзина за отсутствие изображения “духа народного”,

пытаясь противопоставить истории государей историю своего народа» (Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981. С. 73—74).

«У Карамзина Полевой не находит идеи “философической истории”, жалуется, что Карамзин “нигде не представляет нам духа народного”, — писал Н. А. Энгельгардт. — Надобно было соединить труды Шеллингов, Шлегелей, Кузенов, Шлецеров, Гердеров, Нибуров, узнать классицизм и романтизм, узнать хорошо политические науки, оценить надлежащим образом древних и т. д., и т. д., дабы могли бы наконец понять, что есть история? Как должно ее писать и что удовлетворяет наш век? Все это приобрело особую пикантность, когда Полевой приложил при № 20 “Телеграфа” за 1829 г. следующее объявление, доказывающее, что сам Полевой, этот “остренький сиделец”, по выражению Пушкина, все “узнал”, “оценил”, “соединил”, “понял” и вполне созрел, чтобы написать историю России!

Доныне у нас не было истории великого отечества нашего, которая, представляя вполне события, совершившиеся в русской земле, являла бы взорам просвещенного наблюдателя картину судеб России, в течение девяти с половиной веков, от начала русского народа до нашего времени. Мы ожидали такой картины от незабвенного Карамзина, мы радовались его бессмертному творению, но преждевременная кончина не допустила историографа кончить труд великий. Мне казалось однакож, что при настоящем состоянии материалов и приготовленных трудов для русской истории, при совершенстве нынешних понятий об истории вообще, труд и желание сделать возможное по силам могут отчасти заменить великие таланты, и я осмелился писать историю отечества после Карамзина... Читатели увидят в с о ч и н е н н о й мною истории русского народа опыт полной истории отечества ...Я хотел изобразить жизнь русского народа, его политическое и гражданское состояние, его нравы, обычаи, так сказать, физиономию народа в каждом периоде, с того, в который дикий варяг приплыл на челноке своем к берегам Финского залива, до того, в который Александр явился победителем в Париже, и знамена Николая возвеялись у врат Константинополя. Вот предмет, изображенный мною. Вся история русского народа составляет двенадцать томов.

Первый том вышел в том же году. Ни по языку, ни по изложению, ни по историческим достоинствам он ничего собою не представлял. Пушкин назвал его пародией на Карамзина. Он к тому же полон темной, высокопарной, мнимофилософской болтовни. История Полевого никогда кончена не была, что доказывало ложь его объявления о “сочиненной”, “изображенной” уже “полной истории отечества”» (Энгельгардт Н. А. История русской литературы XIX столетия. Т. 1. 1800—1850. 2-е изд. СПб., 1913. С. 324).

В своих исторических работах Полевой в известной мере опирался на труды французских историков Тьерри, Гизо и Минье, поставивших проблему борьбы классов, но, в силу своих собственных социально-политических убеждений, он не мог целиком исходить из этой проблемы в объяснении русского исторического процесса, которое оставалось по существу романтическим. «...Эклектизм Полевого сказался в том, что в его концепции исторического процесса прогрессивные буржуазные социологические идеи и теории оказались совмещенными с историческими идеями современной ему идеалистической философии, — точнее сказать:

Полевой воспринимал исторические идеи Тьерри, Гизо и Минье в значительной степени сквозь идеалистическую и романтическую философию, и это обстоятельство обусловило противоречивость его концепции» (Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 281—282).

В 1830 г. Пушкин, рецензируя первый том «Истории русского народа», отметил связь ее Введения со статьей («Вступление... писано темным изысканным слогом и своими противоречиями и многословием напоминает философическую статью об русской истории, напечатанную в “Московском телеграфе”...») и полемически повернул против Полевого его похвалы карамзинскому «слогу»: «По крайней мере слог есть самая слабая сторона “Истории русского народа”... Искусство писать до такой степени чуждо ему (Полевому. — *Сост.*), что в его сочинении картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано и затемнено». Статья вызвала и другие полемические отклики. Впоследствии Белинский отметил: «Статья была превосходно написана, мера заслуг Карамзина оценена в ней была верно, беспристрастно, с полным уважением к имени знаменитого писателя» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9. С. 672).

¹ См. прим. 22 на с. 905.

² Автор письма «От Киевского жителя к его другу» — М. Т. Каченовский.

³ Имеется в виду Дмитрий Зубарев

⁴ Имеется в виду М. Т. Каченовский.

⁵ Каченовский М. Т. От Киевского жителя к его другу. Письмо 1: «Вышла История государства Российского, и тотчас господа редакторы журналов, каждый в свою очередь, отдали честь ей высокопарным приветствием, как военные караулы мимо едущему генералу отдают честь игранием на трубах или барабанным боем. Генерал проехал, и все затихло» (Вестник Европы. 1818. № 18. См. наст. изд.).

⁶ Имеется в виду резкая рецензия Н. С. Арцыбашева «Замечания на “Историю государства Российского” Карамзина» (Вестник Европы. 1828. № 19/20, 21/22, 23/24). Она вызвала бурную полемику. В «Московском телеграфе» Арцыбашеву отвечали П. А. Вяземский (стихотворная сатира «Быль» // Вестник Европы. 1828. № 19) и О. М. Сомов (Хладнокровные замечания на толки гг. критиков «Истории государства Российского» и их сопричетников // Вестник Европы. 1829. № 2. См. наст. изд.).

⁷ 1765-й годом своего рождения долгое время считал и сам Карамзин. Но в конце жизни он уточнил дату: 1 (12) декабря 1766 года.

⁸ См прим. 3 на с. 904.

⁹ См. прим. 6 на с. 878.

¹⁰ См. прим. 24 на с. 911.

¹¹ Гизо Франсуа (1787—1874) — французский историк.

¹² См. прим. 7 на с. 876.

¹³ Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803) — немецкий философ и писатель, автор сочинений по философии истории.

¹⁴ См. прим. 15 на с. 913.

¹⁵ Тьерри Огюстен (1795—1856) — французский историк.

¹⁶ См. прим. 22 на с. 905.

¹⁷ Минье Огюст (1796—1884) — французский историк.

¹⁸ Райналь (Рейналь) Гийом Томас Франсуа (1713—1796) — французский философ и историк.

¹⁹ Барант Амабль Гийом Поспер Брюжьер де (1782—1866) — французский историк и общественный деятель.

²⁰ См. прим. 2 на с. 913.

²¹ См. прим. 21 на с. 911.

²² См. прим. 8 на с. 913.

²³ См. прим. 13 на с. 879.

²⁴ Монтескье Шарль Луи де (1689—1755) — французский философ и писатель.

²⁵ См. прим. 11 на с. 908.

²⁶ Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775—1854) — немецкий философ, представитель немецкой классической философии.

²⁷ Шлегель Август Вильгельм (1767—1845) — немецкий историк литературы, критик, переводчик.

²⁸ Кузен Виктор (1792—1867) — французский философ и политический деятель.

²⁹ См. прим. 6 на с. 904.

³⁰ Нибур Бартольд Георг (1776—1831) — немецкий историк.

³¹ Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт, драматург и теоретик искусства Просвещения.

³² Цшокке Генрих (1771—1848) — швейцарский писатель.

³³ Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий писатель, основоположник немецкой литературы нового времени, мыслитель и естествоиспытатель.

³⁴ Скотт Вальтер (1771—1832) — английский писатель, создатель жанра исторического романа, сочетающего романтические и реалистические тенденции.

³⁵ Слова Карамзина из Предисловия к «Истории государства Российского».

³⁶ Имеется в виду известный эпизод древней истории: героическая гибель в 480 году до н. э. 300 спартанцев во главе с царем Леонидом, охранявших горный проход в Фермопилах во время греко-персидской войны.

³⁷ Минин Кузьма Минич (?—1616) — организатор национально-освободительной борьбы против польской интервенции в начале XVII в.

³⁸ Рюрик — согласно летописи, начальник варяжского военного отряда, якобы призванный ильменскими славянами вместе с братьями Синеусом и Трувором княжить в Новгород. Основатель династии Рюриковичей.

³⁹ Олег Святославич (?—1115) — древнерусский князь, дважды захватывал Чернигов при поддержке половцев.

⁴⁰ См. прим. 15 на с. 1020.

⁴¹ Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642) — полководец, вместе с К. Мининым руководил борьбой с польским нашествием в начале XVII в.

⁴² См. прим. 13 на с. 911.

⁴³ См. прим. 19 на с. 911.

⁴⁴ См. прим. 10 на с. 911.

⁴⁵ См. прим. 5 на с. 904.

⁴⁶ Никон (?—1088) — древнерусский писатель, по мнению некоторых историков, автор летописного свода до 1073 г. — одного из источников «Повести временных лет».

⁴⁷ Цитируются «Письма русского путешественника», запись датирована: Париж, Мая ... 1790.

⁴⁸ Цитата из Нового Завета (Лк 17, 16). Имеется в виду: чужак, человек со стороны; «иноплеменник», самарянин был единственным из десяти исцеленных прокаженных, пришедшим поблагодарить Христа.

⁴⁹ См. прим. 7 на с. 907.

⁵⁰ Эммин (Эмин) Федор Александрович (1685—1770) — писатель, автор первых русских романов и «Российской истории».

⁵¹ Нехачин Иван Васильевич (1771—1811) — русский историк.

⁵² Хилков Андрей Яковлевич (1670—1718) — дипломат. Ему приписывался труд «Ядро российской истории», на самом деле принадлежащий А. И. Манкиеву.

⁵³ См. прим. 1 на с. 907.

⁵⁴ Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) — историк, переводчик, критик, издатель, общественный деятель.

⁵⁵ Арцыбашев Николай Сергеевич (1771—1841) — историк, поэт, прозаик.

⁵⁶ Руссов Степан Васильевич (1770—1842) — историк и журналист.

⁵⁷ Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866) — критик, поэт, переводчик, мемуарист, племянник И. И. Дмитриева.

В «Вестнике Европы» против Карамзина выступали также издатель журнала М. П. Погодин (1828. № 4), М. Т. Каченовский (1828. № 13). Статья М. А. Дмитриева в защиту Карамзина появилась в «Атенее» (1829. № 3—5. См. наст. изд.). С. В. Руссов опубликовал специальную брошюру «О критике г-на Арцыбашева...» (СПб., 1829).

⁵⁸ См. прим. 9 на с. 904.

⁵⁹ См. прим. 7 на с. 904.

⁶⁰ См. прим. 11 на с. 908.

⁶¹ См. прим. 6 на с. 904.

⁶² Румянцев Николай Петрович (1754—1826) — граф, дипломат, министр иностранных дел, канцлер, библиофил и коллекционер рукописей.

⁶³ Калайдович Константин Федорович (1792—1832) — русский историк, археограф, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1825).

⁶⁴ Строев Павел Михайлович (1796—1876) — русский историк, археограф, сотрудник «Московского вестника», академик Петербургской академии наук (1849).

⁶⁵ Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — прозаик, драматург, публицист, издатель, историк.

⁶⁶ Востоков Александр Христофорович (Остенек Александр Вольдемар; 1781—1864) — поэт, переводчик, филолог-славист.

⁶⁷ См. прим. 11 на с. 905.

⁶⁸ Френ Христиан Данилович (1782—1857) — российский востоковед, академик Петербургской академии наук (1817).

⁶⁹ См. прим. 10 на с. 904.

⁷⁰ Баузе Федор Григорьевич (1752—1812) — профессор Московского университета, собиратель памятников древнерусской письменности.

⁷¹ Вихманн Бурхард-Генрих (1786—1822) — писатель и коллекционер, автор работ по русской истории.

⁷² Толстой Федор Андреевич (1758—1849) — граф, собиратель древних книг и рукописей.

⁷³ Сигизмунд III (1566—1632) — польский король, один из организаторов интервенции в Россию в начале XVII в.

⁷⁴ Чингис-Хан (ок. 1155—1227) — основатель Монгольской империи, организатор завоевательных походов против народов Азии и Восточной Европы.

⁷⁵ Шуйский Василий Иванович (Василий IV) (1552—1612) — русский царь в 1606—1610 годах.

⁷⁶ Владислав (1595—1648) — сын польского короля Сигизмунда III, претендент на Московский престол.

⁷⁷ Карл I (1600—1649) — английский король из династии Стюартов.

⁷⁸ Петр Пустынник (ок. 1050—1115) — христианский отшельник, инициатор первого крестового похода.

⁷⁹ Лютер Мартин (1483—1546) — деятель Реформации в Германии.

⁸⁰ Федор (Федор) Алексеевич (1661—1682) — русский царь (с 1676).

⁸¹ Воротынский Михаил Иванович (ок. 1510—1573) — боярин, воевода. Обвинен Иваном Грозным в измене и умер от пыток.

⁸² Филипп (до пострижения в монахи в 1537 г. Федор Степанович Колычев; 1507—1569) — митрополит, убит по указанию Ивана Грозного.

⁸³ Годунов Борис (1551—1605) — русский царь.

⁸⁴ Дмитрий (Лжедмитрий) I Самозванец (предположительно, Г. Б. Опрелев; ?—1606). Под именем сына Иоанна IV занял в 1605 году российский престол. Убит боярами-заговорщиками

⁸⁵ Ляпунов Захарий Петрович (ум. после 1612) — организатор свержения Василия Шуйского (в 1610).

⁸⁶ Микеланджело (Микельанджело) Буонаротти (1475—1564) — итальянский скульптор, живописец, архитектор эпохи Возрождения.

А. С. Пушкин

О народном воспитании
(1826)

Впервые опубли. П. И. Бартеневым в сб.: *Девятнадцатый век*. 1872. Кн. II. С. 209—218. Печатается по изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1994—1997. Т. 11. С. 47.

В жизнеописаниях Карамзина нередко приводятся воспоминания декабриста А. Е. Розена о поведении историографа после 14 декабря: «Журналы и газеты русские твердили о бесчеловечных умыслах, о безнрав-

ственной цели тайных обществ, о жестокосердии членов этих обществ, о зверской их наружности. Но тогда журналы и газеты выражали только мнение и волю правительства; издатели не смели иметь своего мнения, а мнения общественного не было никакого. Из русских один только Н. М. Карамзин, имевший доступ к государю, дерзнул замолвить слово, сказав: «Ваше величество! Заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века»» (*Розен А. Е.* Записки декабриста. СПб., 1907. С. 112.). Этот известный эпизод трактуется обычно как свидетельство высокого личного достоинства Карамзина, при том что он декабризма решительно не принимал, но как историк видел «широкие причины, глубокие основы» (*Эйдельман Н.* Последний легионер. М., 1983. С. 140).

Однако приведенные слова Карамзина еще не рассматривались с точки зрения проблемы героя и времени в его творческом наследии. Как раз в эти годы, работая над «Евгением Онегиным», ее художественно решал Пушкин. Что же касается Карамзина, то, не уловив связь героя и времени в «Рыцаре нашего времени» и обратившись к истории с целью постижения настоящего и будущего, он пришел к Цицероновой мудрости: *Non vitia, sed vitia saeculi* (пороки не человека, а века).

В свете важнейшего политического события он соединил то, что ускользало от него в «Рыцаре нашего времени», — взаимосвязь своего современника и переживаемой эпохи: «заблуждения и преступления молодых людей» и «заблуждения и преступления нашего века».

Отрывки из писем, мысли и замечания
(1828)

Впервые опубликованы в альманахе «Северные цветы на 1828 год», издаваемые бароном Дельвигом. Отд. «Проза». С. 208—226, без подписи. Печатается по изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1994—1997. Т. 11. С. 57.

История русского народа,
сочинение Николая Полевого. Т. I. — М. в типогр. Августа Семена,
1829 (LXXXII — 368 стр., в 8-ю д. л.). В конце книги приложена
таблица, содержащая в себе генеалогическую роспись русских князей
с 862 по 1055 год

Впервые: Литературная газета. 1830. № 4 и 12. Отд. «Библиография». Печатается по изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 11. С. 119—124.

«Песнь о полку Игореве»
(1836)

Написано в начале 1836 г. Печатается по изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 12. С. 147—148.

Ключ к Истории государства Российского Н. М. Карамзина
2 ч. М., 1836

Впервые: Современник. 1836. Т. 4 (без подписи). «Ключ», или Указатель к «Истории государства Российского», составленный археографом П. М. Строевым, был издан в 1835 году. Печатается по изданию: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 17 т. Т. 12. С. 136.

¹ Первая печатная декларация мыслей, созревших в спорах Пушкина с А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылевым. В конце мая 1825 года Пушкин писал: «У нас писатели взяты из высшего класса общества. Аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою, а тот является с требованием на уважение как шестисотлетний дворянин» (11, 57).

² Цитата из предисловия к «Истории государства Российского».

³ Стих из басни Ж. де Лафонтена «Старик и трое молодых».

⁴ В печатном тексте рассказа о появлении в 1818 году первых томов «Истории» Карамзина имена М. Т. Каченовского, Н. М. Муравьева, М. Ф. Орлова, П. А. Вяземского даны были сокращенно: К., Н., М., В. Слова «в государстве самодержавном» в печатном тексте отсутствовали.

⁵ См. прим. 30 на с. 919.

⁶ Стих из комедии Ж. Расина «Plaideurs» («Сутяги»).

⁷ Речь идет о рецензии Н. Полевого на «Историю государства Российского» Карамзина в «Московском телеграфе».

⁸ См. прим. 5 на с. 902.

⁹ См. прим. 34 на с. 919.

¹⁰ Шекспир Уильям (1564—1616) — английский драматург и поэт, крупнейший гуманист эпохи позднего Возрождения.

¹¹ См. прим. 33 на с. 919.

¹² См. прим. 19 на с. 919.

¹³ См. прим. 15 на с. 918.

¹⁴ См. прим. 1 на с. 907.

¹⁵ Розенкампф Густав Андреевич (1762—1832) — барон, русский юрист, член комиссии Сперанского.

¹⁶ См. наст. изд., с. 907.

¹⁷ Концовка эпиграммы Ж.-Б. Руссо, несколько измененная (Эпиграммы. Кн. II. Эп. XIV). В этой эпиграмме рассказывается о лисе, потерявшей хвост и предлагавшей другим лисам также отрезать хвосты.

¹⁸ Первыми переводчиками «Слова о полку Игореве» были А. Ф. Машиновский и Н. Н. Бантыш-Каменский (изд. А. И. Мусин-Пушкина, 1800).

¹⁹ Пушкин имеет в виду главным образом Н. А. Полевого (который противопоставил творению Карамзина свою «Историю русского народа», являющуюся опытом философского, а не летописного построения истории), а также Н. Г. Устрялова, чей диссертационный труд также крити-

ковал основные исторические идеи Карамзина. Указатели к «Истории государства российского», упоминаемые Пушкиным, были ему известны еще в марте 1830 г., когда он писал П. А. Вяземскому о необходимости их публикации.

Н. С. Арцыбашев

Первый и последний ответ на псевдокритику

Впервые: Вестник Европы. 1826. № 2. С. 106—118. Печатается по первой публикации (с. 106, 107, 117).

Замечания на Историю государства Российского, сочиненную г. Карамзиным, 2 издания (иждвением братьев Слëниных), Санкт-Петербург, 1818 года

Впервые: Московский вестник. 1828. Ч. 11. № XIX—XX. С. 289—294. Печатается по первой публикации.

Арцыбашев Николай Сергеевич (1771—1841) — историк, поэт, прозаик. С 1802 года работал над созданием трудов по русской истории, которую он понимал как свод фактов, извлеченных из летописных источников.

В 1822—1826 годах Арцыбашев опубликовал в «Вестнике Европы» ряд статей, где была представлена так называемая «ученая» критика «Истории» Карамзина.

В 1828 году в «Московском вестнике» были перепечатаны замечания Арцыбашева на первый том «Истории», а затем опубликовано и их продолжение на второй том. Статья сопровождалась предисловием редактора-издателя, М. П. Погодина, где он, не соглашаясь с рядом «выходок» Арцыбашева, отмечал, что помещает его критику во имя будущего исторической науки.

Резкие и придиричivé «Замечания на Историю государства Российского», в которых Арцыбашев неутомимо — с позиций, близких скептической школе М. Т. Каченовского, — путем тщательного сопоставления «текстов» уличал прославленного историографа в неточном (т. е. не буквальном, вплоть до орфографии) цитировании летописей, беллетризации исторических событий, преувеличенных представлениях о корнях славянской истории, вызвали литературный скандал, были встречены негодующей и язвительной критикой: С. В. Руссов («О критике г-на Арцыбашева...» СПб., 1829), П. А. Вяземский (стихотворная сатира «Быль», Московский телеграф. 1828. № 19), О. М. Сомов (Московский телеграф. 1829. № 2), М. А. Дмитриев (Атеней. 1829. № 3—5) и др. В защиту Арцыбашева выступили М. П. Погодин и П. М. Строев (Московский вестник. 1828. № 23, 24), отстаивавшие право «цеховых» историков на свободное обсуждение профессиональных вопросов.

¹ В июньском номере «Вестника Европы» за 1821 год была опубликована статья, где Арцыбашев пытается обосновать недостоверность одного из основных источников IX тома карамзинского труда — «Истории» кня-

зя А. Курбского, призывая не верить сущности описанных событий, не принимать за совершенную истину подробностей и нравоизображений. Это было начало серии критических работ Арцыбашева об «Истории» Карамзина. В сентябрьском номере «Вестника Европы» он ставит под сомнение и другие источники IX тома. «Арцыбашев пытался найти иные, чем Карамзин, объяснения тех шести “эпох казней”, которые выделял историограф. Если они и были, полагал критик, то причинами их являлись либо жестокие нравы, обычные для того времени не только в России, либо измены, заговоры, “своевольства” бояр и вельмож, испортившие характер выдающегося монарха или вынудившие его прибегнуть к законной “строгости”. Примечательно, что в целом эти объяснения не противоречили и концепции Карамзина, также называвшего в качестве причин “перемены в характере” Грозного, разврат бояр и отстранение от государственных дел “мудрых советников” А. Адашева и Сильвестра. Однако если для Арцыбашева последовавшие жестокости Грозного — неизбежный и оправданный акт самодержца, то для Карамзина — это нравственный и политический урок, который упорно не желал понять и принять его критик, видя в этом только “предубеждение или желание похвалиться силой слога”» (Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 100—101).

² Известный писатель М. Н. Макаров взял на себя защиту «Истории» от критики Арцыбашева. Макаров — восторженный поклонник всего творчества Карамзина — обвиняет Арцыбашева в отсутствии должного уважения к историографу и способностей к историческим исследованиям.

³ С мая 1822 по февраль 1823 года на страницах «Казанского вестника» (орган Казанского учебного округа, основательно реорганизованного его новым попечителем М. Л. Магницким) начал публиковаться предпринятый Арцыбашевым пространный постраничный разбор первого тома «Истории». Публикации касались как оформления труда Карамзина, так и проблем теории исторического познания. Замечания носили общий и частный характер. Неудачными автор считал название, построение «Истории» (заимствованное, как он полагал, из Юма), использование иностранных слов и «напыщенных выражений», «неумное красноречие», в жертву которому принесены достоверность, точность «изложения», излишние подробности и «мудрования» при оценке событий и исторических лиц и т. д. Арцыбашев отмечает противоречия «Истории» в описании и трактовке многих событий, выражает язвительные сомнения в достоверности приводимых Карамзиным легенд, говорит о дополнениях и искажениях источников. «Арцыбашев выступил в унисон с критикой, раздававшейся до этого со страниц “Вестника Европы”» (Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. С. 102—104).

⁴ Михаил Погодин.

⁵ См. прим. 24 на с. 911.

⁶ Митридат I (Аршак VI) (? — ок. 136 до н. э.) — парфянский царь. Митридат VI Евпатор (132—63 до н. э.) — царь Понта. Митридат VIII (?—68) — царь Боспорского царства.

⁷ Атила (?—453) — предводитель гуннов с 434.

⁸ См. прим. 7 на с. 907.

⁹ См. прим. 74 на с. 921.

¹⁰ Тамерлан (Тимур; 1336—1405) — среднеазиатский государственный деятель, полководец, руководитель завоевательных походов.

¹¹ Бельский Мартин (1494—1575) — польский летописец.

П. А. Вяземский

Несколько слов на замечания г. Арцыбашева, перепечатанные
в 19 и 20 номерах «Московского вестника» 1828 года

Впервые: Московский вестник. 1828. Ч. 12. № XXIII—XXIV.
С. 325—344. Печатается по первому изданию (с. 325—332 и 340—
341).

Из старой записной книжки

Впервые: Русский архив. Год двенадцатый. Кн. 1. М., 1873. Печата-
ется по: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. 1878—1896.
Т. 8. С. 113—115.

Поздняя редакция статьи «Взгляд на литературу нашу
в десятилетие после смерти Пушкина»

Печатается по: *Вяземский П. А.* Эстетика и критика. М., 1984.
С. 316—320.

Первая редакция была создана в 1847 г.; готова Полное собрание сочи-
нений, Вяземский фактически переписал статью заново. Время работы
над поздней редакцией — осень 1874 г. (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.
Т. 2. С. 348—379).

¹ См. наст. изд., с. 165—170.

² Слова Николая I в его рескрипте Карамзину. См.: *Греч Н. И.* О жизни
и сочинениях Карамзина. Прил. (наст. изд., с. 473).

³ См. прим. 9 на с. 869.

⁴ См. прим. 24 на с. 911.

⁵ Литературный альманах, издаваемый Карамзиным в 1796—
1799 годах.

⁶ Ср.: «Ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши...» (Лк 18,
25).

⁷ См. письмо Пушкина Вяземскому от 13 и 15 сентября 1825 года.
Вяземский, очевидно, имеет в виду не посвящение «Бориса Годунова», а
наброски предисловия к нему.

⁸ Тьер Адольф (1797—1877) — историк, президент Франции (1871—
1873), в 1871 году возглавивший версальцев, подавивших Парижскую Ком-
муну. Автор «Истории Французской революции».

⁹ Пушкин говорит о критиках не Карамзина, а Жуковского (см. пись-
мо к Рылееву от 25 января 1825 года).

¹⁰ В 1828 году на страницах «Московского телеграфа» Вяземский поместил свое стихотворение «Быль». В стихотворении Карамзин сравнивался с зодчим, который разрушил «древний храм готического зданья» и на развалинах «чертог воздвиг», поражающий своим величием, вкусом, силой и т. д. Однако, пишет Вяземский:

Враги нашлись, но где ж? В семействе сов.
Из теплых гнезд изгнанники в дубравы
Они с стыдом пустились, и в дуплах
В досаде злой, в остервененье диком,
Совиный их ночной ареопаг
Труд зодчего позорил дерзким криком

(Московский телеграф. 1828. Ч. 23. С. 271—272).

М. П. Погодин

Письмо к издателю «Московского вестника» и ответ издателя

Впервые: Московский вестник. 1828. Ч. 12. № XXI—XXII. С. 186—190. Печатается по первой публикации.

Несколько объяснительных слов от издателя

Впервые: Московский вестник. 1828. Ч. 12. № XXIII—XXIV. С. 378—389. Печатается по первой публикации.

Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — прозаик, драматург, публицист, издатель, историк.

Историческое чувство в юном Погодине было развито во многом благодаря историческим отрывкам, повестям Н. М. Карамзина и первым томам «Истории государства Российского».

Будучи студентом Московского университета, М. П. Погодин увлекся трудами А. Л. Шлецера, под влиянием которого затем упрекал Карамзина в некритическом отношении к источникам, вместе с тем тщательно штудировал новые тома карамзинской «Истории...» и составил к ним «Замечания».

В 1823—1825 годах Погодин выступает в литературном обществе с «Рассуждением о начале Российского государства», которое затем публикует в «Московском вестнике» («Нечто против мнения Н. М. Карамзина...». 1828. № 4).

В марте 1825 года Погодин защищает магистерскую диссертацию «О происхождении Руси», тема которой выросла из замечаний на «Историю...» Карамзина. Вслед за Шлецером Погодин доказывает норманнское происхождение варяжских князей, основателей Русского государства и становится на несколько десятилетий главным поборником «норманнской теории» в русской исторической науке.

С этих позиций он включился в полемику вокруг «Истории...» Карамзина, оспаривая как некоторые ее положения, так и взгляды критика Карамзина И. Лелевеля (Вестник Европы. 1824. № 4—7, 9—11).

Через И. Дмитриева Погодин преподнес диссертацию Карамзину, а конце 1825 года в Петербурге лично ему представился (Мое представле-

ние историографу // Русский архив. 1866. Кн. 3. Стб. 1766—1770). В повестях Погодина, написанных в это время, ощущаются традиции карамзинской прозы.

Однако публикация исторических статей Н. С. Арцыбашева (Московский вестник. 1828. № 19—24), наполненных критическими выпадами в адрес «Истории...» Карамзина, вызвала возмущение «карамзинистов»: П. А. Вяземского (Московский телеграф. 1828. № 19), И. И. Дмитриева, В. В. Измайлова («Северные цветы» на 1828 год. СПб., 1829), министра внутренних дел Д. Н. Блудова, фактически заблокировавшего решенный (при его содействии) перевод Погодина в адъюнкты Российской академии.

В то же время, критикуя методические принципы Карамзина-историка, Погодин остается последователем его основной исторической схемы, разделяя с Пушкиным острый интерес к намеченным Карамзиным драматическим моментам становления русского самодержавия, определившим судьбу русского государства и просвещения, и к «нравственному смыслу» исторических коллизий.

В стихотворной трагедии «Марфа Посадница Новгородская» Погодин, следуя формуле Карамзина («Иоанн <III> был достоин сокрушить утлую вольность Новгородскую»), дал полемическую по отношению к декабристской героизации Новгорода картину драматического столкновения логики истории и «частных» стремлений.

С 1828 года Погодин — адъюнкт кафедры всеобщей истории Московского университета, с 1833-го — ординарный профессор, в 1836-м избран в действительные члены Российской академии, с 1841-го — академик Петербургской Академии наук.

Погодин составил представление об особом характере российской истории в сравнении с европейской. Принятие православия, развивающего «особую сторону веры», и добровольное «призвание варягов», положивших, в отличие от завоевания на Западе, начало российской государственности, предопределили специфический характер отношения верховной власти к нации и ее роль во всех сферах жизни, в частности, национальном просвещении. Причем в духе романтической философии истории осознание этих коренных черт Погодин считает залогом «самобытного» развития и общественного спокойствия. Эта историко-политическая концепция отразилась в университетском курсе русской истории. Погодин начал читать его в 1829 году, посвятив первую лекцию Карамзину.

Погодин укрепился в мысли посвятить себя исключительно написанию полной русской истории. Определенным стимулом к этому стала работа над «Историческим похвальным словом Карамзину...» для торжественного открытия памятника ему в Симбирске и публикация материалов к биографии Карамзина (Москвитянин. 1846. № 3, 4, 7). Написанное в исполнение обещания, данного И. И. Дмитриеву, «Историческое похвальное слово...» получило одобрение как бывших «карамзинистов», так и «славянофилов», Гоголя. В письме к Н. М. Языкову от 23 апреля (5 мая) 1846 года из Рима Гоголь отмечал, что все в «Историческом похвальном слове...», напротив обычного у Погодина «топорного неряшества слога», «стройно, обдуманно... Все места из Карамзина прибраны так умно, что Карамзин ... становится как живой перед глазами читателей».

В 1866 году Погодин издал книгу «Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии» — фундаментальный труд, канонизировавший образ Карамзина как первого русского национального историографа. Книга построена как монтаж исторических документов и представляет новый жанр исторической биографии, где отражена также позиция Погодина, живого представителя прошлой эпохи, активно отстаивавшего ее дух и мировоззренческую основу перед лицом новой.

¹ Поместив в «Московском вестнике» (1828. Ч. 11. № XIX—XX) статью Н. С. Арцыбашева «Замечания на “Историю государства Российского”, сочиненную Карамзиным», М. П. Погодин, редактор-издатель журнала, в письме вымышленного читателя журнала Z сформулировал, на его взгляд, наиболее распространенную точку зрения защитников «Истории», а в ответе на это письмо выразил свое мнение о труде Карамзина (см.: Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 128).

² Евгений, митрополит — в миру Болховитинов Евфимий Алексеевич (1767—1837) — митрополит Киевский и Галицкий, историк, археограф, библиограф, переводчик, библиофил.

³ См. наст. изд., с. 924.

⁴ См. прим. 66 на с. 920.

⁵ См. прим. 63 на с. 920.

⁶ См. прим. 64 на с. 920.

⁷ См. наст. изд., с. 907.

⁸ Языков Д. И. (1773—1848) — писатель и переводчик.

⁹ Кеппен Петр Иванович (1793—1864) — русский ученый, статистик, этнограф, библиограф, академик Петербургской Академии наук (1843).

¹⁰ Эверс Иоганн Филипп Густав (1781—1830) — русский историк. По национальности немец. В России с 1803 года. Почетный член Петербургской академии наук. Ректор Дерптского университета (с 1818).

¹¹ См. прим. 68 на с. 921.

¹² См. прим. 11 на с. 905.

¹³ См. прим. 23 на с. 911.

¹⁴ См. прим. 7 на с. 876.

¹⁵ Вандик (Ван Дейк) Антонис (1599—1641) — фламандский живописец.

¹⁶ См. прим. 15 на с. 870.

¹⁷ Несколько измененная строчка из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

П. М. Строев

Пятое письмо к издателю «Московского вестника»

Впервые: Московский вестник. 1828. Ч. 12. № XXIII—XXIV. С. 389—395. Печатается по первой публикации.

Строев Павел Михайлович (1796—1876) — русский историк, археограф, сотрудник «Московского вестника», академик Петербургской Академии наук (1849).

П. М. Строев обучался в Московском университете и, будучи еще студентом, представил в цензуру «Краткую Российскую историю в пользу юношества», посвященную Обществу истории и древностей российских.

В 1816 году поступает в Архив Иностранной коллегии. Определившись в Архив, П. М. Строев, по словам И. И. Срезневского, вступил «на тернистый, менее видный, но более полезный путь исследований и остался на нем навсегда» (Записки истории академии наук. Т. 6. № 1. С. 113).

В 1825 году становится главным смотрителем Комиссии печатания грамот и договоров, предпринимает по заданию Н. П. Румянцева обследование и описание библиотек подмосковных монастырей и издает часть найденных памятников.

В 1836 году издал «Ключ к “Истории государства Российского”» (в 2 ч.), высоко оцененный А. С. Пушкиным (см. наст. изд., с. 163). Поэт приветствовал издание книги Строева, писал о «пользе», оказанной автором русской истории. «Ключ...» был в библиотеке Пушкина.

Автор трудов: «Список иерархов русской церкви», «Библиологический словарь» и др.

¹ Ареопаг — высший орган судебной и политической власти в древних Афинах. Здесь (*ирон.*) — авторитетный орган для решения каких-либо вопросов.

² В данном письме П. М. Строев соглашается с мнением редактора-издателя «Московского вестника» М. П. Погодина, который, вопреки П. А. Вяземскому, считал, что наука только выиграет от критики карамзинской «Истории». В «совином ареопаге», изображенном Вяземским в стихотворенной сатире «Быль», Строев увидел незаслуженное унижение «ученых критиков» труда Карамзина (см.: *Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 131).

О. М. Сомов

Антикритика

Хладнокровные замечания на толки гг. критиков
Истории государства Российского и их сопричетников

Впервые: Московский телеграф. 1829. Ч. 25. № 2. С. 238—247. Печатается по первой публикации.

Сомов Орест Михайлович (1793—1833) — писатель, критик, журналист.

Русская периодика стала ареной многолетних, пространных и ожесточенных споров о труде Карамзина. «В течение 1818—1829 гг., т. е. периода выхода в свет всех двенадцати томов “Истории”, в отечественной периодике было помещено не менее 150 материалов, в той или иной степени, форме касавшихся обсуждения “Истории”, — пишет В. П. Козлов (*Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках

современников. М., 1989. С. 34). В печати появлялись не только материалы, посвященные собственно «Истории», но и оценкам публикаций о ней ее критиков и защитников. Так, О. М. Строев опубликовал «антикритику» на Н. С. Арцыбашева, М. П. Погодина и П. М. Строева.

В 1828 г. на страницах «Московского телеграфа» князь П. А. Вяземский поместил свое стихотворение «Быль», где именовал противников Карамзина потревоженными «совами», поднявшими дерзкий крик против великого зодчего, воздвигнувшего прекрасный храм (Московский телеграф. 1828. Ч. 23. С. 271—272).

В связи с этим П. М. Строев опубликовал свое письмо к издателю «Московского вестника», где согласился с мнением редактора-издателя этого журнала М. П. Погодина, который, вопреки П. А. Вяземскому, считал, что наука только выиграет от критики карамзинской «Истории», и сообщал о благосклонном отношении историка к тем критическим замечаниям, которые Строев высказал лично ему при встрече в Петербурге. В «совином ареопаге» Строев увидел незаслуженное унижение «ученых критиков» труда Карамзина. В ответ на это в 1829 г. в «Московском телеграфе» появилась статья О. М. Сомова «Антикритика. Хладнокровные замечания на толки гг. критиков Истории государства Российского и их сопричетников». Центром критики становится П. М. Строев. О. М. Сомов рисует живой облик Карамзина, светского и умного человека, обычную вежливость которого «наивный» Строев принял за особое к себе внимание.

Сомов отстаивает название труда историографа и, пытаясь дискредитировать научные заслуги Строева, полагает, что тот не имеет никаких прав на критику «Истории», поскольку его труды состоят лишь в том, что он «обдувал и обметал пыль с старинных рукописей в одной библиотеке и вписывал заглавия тетрадей в каталог» (цит. по: Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. С. 136—137). Критике подвергается также позиция М. П. Погодина

¹ См. также ст. П. А. Вяземского «Несколько слов на замечания г. Арцыбашева, перепечатанные в 19 и 20 нумерах Московского Вестника 1828 года» (наст. изд., с. 171—176).

² Имеется в виду «Деидамия», трагедия Тредиаковского; ее стиль характеризуется как тяжелый и необычайно затрудненный для восприятия.

М. А. Дмитриев

О противниках и защитниках историографа Карамзина

Впервые: Атеней. 1829. № 3. С. 295—312; № 4. С. 424—444; № 5. С. 524—535. Печатается по первой публикации.

Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866) — критик, поэт, переводчик, мемуарист, племянник И. И. Дмитриева. Н. М. Карамзина Дмитриев знал еще с 1812 г.

М. А. Дмитриев выступил в «Атенее» М. Г. Павлова с разбором критических выступлений против «Истории государства Российского».

В 1829 г. в обстановке все более обострявшихся выступлений (Арцыбашев, Руссов, Строев, Сомов и др.) М. А. Дмитриев попытался в серии из трех статей, посвященных противникам и защитникам Карамзина, обосновать некую нейтральную позицию. Критик отмечает крайности как свидетельства низкого уровня просвещения и формулирует пять важнейших обвинений против историка, выдвинутых его противниками: 1) надо было писать не историю, а критический свод летописей и других источников. — Никто не вправе требовать от автора другой цели, чем та, которую он сам предположил себе, отвечает на это М. А. Дмитриев. 2) В «Истории» отсутствуют система и единство. — Но русский народ еще не достиг такой степени развития, которую можно взять за точку отсчета и за основание системы. 3) Отсутствует картина международных связей русского государства и внутреннего политического развития. — Однако во время, описанное Карамзиным, внешние сношения с европейскими странами были весьма скудными, а внутренняя политика всегда зависела от воли государей. 4) В «Истории» Карамзина нет «всеобщего философского взгляда». — Но в русской истории до Петра I не было явлений, характерных для истории других европейских государств. 5) Неверность «в своде и изъяснении летописей». — В этом случае необходимо провести тщательное сопоставление «Истории» с летописями. Имеющиеся же сопоставления (проведенные Арцыбашевым) из-за их грубости и неприличия нельзя считать беспристрастными.

Дмитриев демонстрирует незнание Арцыбашевым русского языка, логики, риторики и т. д. «История» Карамзина заслуживает более достойных критиков.

Что же касается «защитников» и подражателей Карамзина, то они всегда более вредили ему, нежели самые противники, не умея доказать заслуг Карамзина, не умея внушить к нему уважение (см.: *Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 137—138).

¹ «Замечания на Историю государства Российского» Н. С. Арцыбашева были помещены в «Московском вестнике», издаваемом М. П. Погодиным № 21—22 и 23—24 за 1828 г. (см. наст. изд., с. 165—170).

² Французский философ, математик, физик и физиолог Рене Декарт (1596—1650) видел конечную задачу знания в господстве человека над силами природы, в открытии и изобретении технических средств, в познании причин и действий, в усовершенствовании природы человека. Для достижения этой цели Декарт считал необходимым предварительно усомниться во всем наличном существовании. Это сомнение не сеть неверие в непознаваемость всего сущего, а лишь прием для нахождения безусловно достоверного знания.

³ См. прим. 13 на с. 870.

⁴ См. прим. 15 на с. 870.

⁵ См. прим. 16 на с. 870.

⁶ М. А. Дмитриев подразумевает разнообразие дарований А. П. Сумарокова, автора комедий, трагедий, басен, лирических песен. Расин прославился своими трагедиями, Лафонтен — баснями, Мольер — комедиями.

⁷ См. прим. 1 на с. 904.

⁸ См. прим. 13 на с. 918.

⁹ Жомини Антуан Анри (Генрих Вениаминович; 1779—1869) — военный теоретик и историк, русский генерал от инфантерии, автор «Трактата о великих военных действиях» («*Traité des grandes opérations militaires*», 1804).

¹⁰ См. прим. 14 на с. 870.

¹¹ Тасс (Тассо) Торквато (1544-1595) — итальянский поэт Возрождения.

¹² См. прим. 3 на с. 869.

¹³ См. прим. 13 на с. 879.

¹⁴ Галлер Альбрехт фон (1708—1777) — швейцарский естествоиспытатель и поэт.

¹⁵ Клейст Генрих фон (1777—1811) — немецкий писатель.

¹⁶ См прим. 26 на с. 919.

¹⁷ Окен Лоренц (1779—1851) — немецкий естествоиспытатель и философ, последователь Шеллинга.

¹⁸ Ансильон Шарль (1659—1715) — французский историк и писатель.

¹⁹ Батте Шарль (1713—1780) — французский эстетик, представитель классицизма.

²⁰ Аст Фридрих (1778—1841) — немецкий ученый-эстетик.

²¹ См. прим. 24 на с. 870.

²² Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781) — немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик.

²³ Винкельман Иоганн Иоахим (1717—1768) — немецкий историк искусства.

²⁴ См. прим. 24 на с. 911.

²⁵ Сисмонди Жан Шарль Леонар Симонд де (1773—1842) — швейцарский экономист и историк.

²⁶ См. прим. 22 на с. 905.

²⁷ См. прим. 19 на с. 919.

²⁸ Аристид (ок. 540 — ок. 467 до н. э.) — афинский полководец.

²⁹ Ксеркс (?—465 до н. э.) — царь государства Ахеменидов, возглавлявший поход персов в Грецию, окончившийся их поражением.

³⁰ Аристарх Самофракийский (ок. 215 — ок. 143 до н. э.) — александрийский филолог.

³¹ Имеется в виду высказывание М. П. Погодина из его предисловия к публикации статей Н. С. Арцыбашева: «...в предлагаемых замечаниях есть несколько выходов, лично относящихся к Карамзину, писанных как будто бы не с хладнокровием...» (Московский вестник. 1828. № 21—22. С. 287).

³² Имеется в виду философско-утопический роман французского писателя Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (1699).

³³ «Тилемахида» (1766) — поэма В. К. Тредиаковского.

³⁴ «Сорит (греч. *sorit* — куча) — вид сложного силлогизма, в котором приводится только последнее заключение, проводимое через ряд посылок; остальные же промежуточные заключения не высказываются, а под-

разумеваются» (*Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 562).

³⁵ Юстиниан I (482 или 483—565) — византийский император с 527 г.

³⁶ Велисарий (ок. 504—565) — византийский полководец.

³⁷ Блуд — боярин и воевода великого князя Киевского Ярополка Святославича, считающийся родоначальником дворянского дома Блудовых.

³⁸ См. прим. 20 на с. 911.

³⁹ Свенельд (? — после 977) — воевода князей Игоря и Святослава.

⁴⁰ Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый.

⁴¹ «Риторика» — название одного из сочинений Аристотеля.

⁴² См. прим. 7 на с. 907.

⁴³ Имеется в виду «История России с древнейших времен» кн. М. М. Щербатова. См. прим. 7 на с. 907.

⁴⁴ См. прим. 38 на с. 919.

⁴⁵ См. прим. 10 на с. 926.

⁴⁶ Тохтамыш (?—1406) — хан Золотой Орды с 1380 г.

⁴⁷ Предваряя публикацию «Замечаний на Историю государства Российского» Н. С. Арцыбашева, М. П. Погодин, в частности, писал: «Смотря на Историю Карамзина в отношении к исторической критике, ее можно в некотором смысле назвать указательницею задач, которых разрешение необходимо для будущей истории. Дружья истины и науки должны желать, чтоб задачи сии разрешались более и более и чтоб мы таким образом скорее узнали великое свое отечество. С сею целию просил я у Н. С. Арцыбашева замечаний на сочинение историографа. Кто имеет право делать такие замечания более человека, который двадцать пять лет, отшельником, занимается российской историею, и так коротко знаком с нашими летописями?...» (Московский вестник. 1828. № 21—22. С. 286).

⁴⁸ См. прим. 23 на с. 911.

⁴⁹ См. прим. 21 на с. 870.

⁵⁰ Цитата из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (д. IV, явл. VIII).

⁵¹ Имеется в виду комедия А. А. Шаховского «Новый Стерн» (1805, опубл. 1807). См. в «Записках» Ф. Ф. Вигеля о Шаховском: «Карамзин ... приводил его в ярость, и он хватил в него “Новым Стерном”. Он уверял, что хочет истребить отвратительную сентиментальность, порожденную будто бы им между молодыми писателями, и в то же время сознавался, что метит прямо на него» (Русские мемуары. М., 1989. С. 463).

⁵² См. наст. изд., с. 182—184.

А. С. Шишков

Нечто о Карамзине

Впервые: Заседание, бывшее в Императорской Российской Академии 18 января 1836 г. СПб., 1836. С. 41—44. Печатается по первому изданию.

В 1836 г. в «Современнике» (1836. Кн. 2. С. 5—13), без подписи на основании отдельно изданной брошюры «Заседание, бывшее в Российской Академии 18 января 1836 г.», А. С. Пушкин поместил своего рода отчет «Российская Академия», где упоминалось о присутствии на заседании принца Петра Ольденбургского (сына великой княгини Екатерины Павловны), избранного в почетные члены Академии.

Сообщалось также, что Президент Академии А. С. Шишков написал статью «Нечто о Карамзине», которую прочел вслух для собравшихся князь Ширинский-Шихматов.

«Невозможно было без особенного чувства слышать искренние, простые похвалы, воздаваемые почтенным старцем великому писателю, бывшему некогда предметом жесткой его критики, если не всегда справедливой, то всегда добросовестной. При сем случае А. С. Шишков упомянул о пребывании Карамзина в Твери в 1811 году при дворе блаженной памяти государыни великой княгини Екатерины Павловны, матери его светлости принца Петра Ольденбургского. Известно, что Карамзин читал тогда в присутствии покойного государя и августейшей сестры его некоторые главы “Истории государства Российского”. “Вы слушали, — пишет историкограф в своем посвящении государю, — с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давно минувшее с настоящим и не завидовали славным опасностям Димитрия, ибо предвидели для себя еще славнейшие”» (12, 45).

Н. И. Надеждин

Об исторических трудах в России

Впервые: Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. 20. С. 108—110. Печатается по первой публикации.

Надеждин Николай Иванович (1804—1856) — критик, эстетик, журналист, этнограф. Статья «Об исторических трудах в России» была написана Н. И. Надеждиным после его ухода с литературно-критического журнального поприща, когда он развернул научную деятельность в самых различных областях: богословии, этнографии, лингвистике, географии, фольклористике, истории.

Надеждин был близок Каченовскому «в общем протесте против “преувеличений” Карамзина и в отрицательном отношении к русской исторической жизни» (*Козмин Н. К.* Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804—1836. СПб., 1912. С. 422). «Вопрос “Есть ли у нас прошедшее?” с первого взгляда, — писал Надеждин, — может заставить многих улыбнуться; но мы просим терпеливо нас выслушать. Конечно, по летописям и хронографам, народу русскому считается около десяти веков непрерывного быта. Восемь столетий уже исповедуем мы христианскую веру и почти за шесть веков можем представить письменные документы нашего существования. Но что это было за существование? Жил ли подлинно русский народ в это длинное тысячелетие? Оставляя времена и “великанов сумрака” Рюрика, Олега, коих само бытие оказывается историческою проблемою, взглянем на так называемый период удельной системы, коим поглощается первая половина тысячелетнего цикла наших воспоминаний. Что представляют нам в эти пять веков

отеческие предания? *Дремучий лес безличных имен, толкущихся в пустоте безжизненного хаоса*. Напрасно живописное красноречие Карамзина усиливалося ответить сию мрачную пустоту риторического прелестия рассказа: его история удельной Руси не могла возвыситься до живой исторической картины и, при всем наружном великолепии своего убранства, осталась сухой, мертвою хроникой. Нельзя поставить это в вину искусству историографа: ему не с чего было списывать! Нельзя жаловаться и на скудость летописей: им нечего было записывать!» (Телескоп. 1832. Ч. X. № 14. С. 237—238). Но в статье «Об исторических трудах в России» он выступил против «мрачного скептицизма, нового раскола», т. е. против скептической школы Каченовского. В работе Н. И. Надеждин, как и другие русские критики, говорит о величии и монументальности «Истории государства Российского», о ее чудесном появлении, без приготовительных работ, требуемых такими историками, как Шлецер.

Считая Карамзина прежде всего литератором, «резчиком на языке», Н. И. Надеждин понимал, каково было Карамзину сделаться ученым-историком, предаться труду тягостному, мелочному, но необходимому, углубиться в летописи. Четыре века нашей истории предстали у Карамзина, по словам Надеждина, «настоящим лесом», где рябят в глазах имена Изяславов, Всеславов, Вячеславов и т. д. Историк в обрисовке этого периода не хватило верности и стройности, считает критик. Но следующая далее картина Московского царства выглядит ярче и великолепнее, постепенно нарастает совершенство великого творения, но Карамзину, считает Надеждин, недоставало критического отношения к источникам, которыми он пользовался. Однако все недостатки с лихвою выкупаются достоинствами: Карамзин заставил русских впервые прочесть их историю на звучном языке, который сам для нее создал. Критик отмечает огромную роль «Примечаний», содержащих огромный запас сведений.

¹ См. прим. 6 на с. 904.

² *Гептархия Английская* — обозначение в исторической литературе с XVI века периода истории Англии, отмеченного отсутствием государственного единства (с конца VI—начала VII веков до IX века; по семи наиболее известным англосаксонским королевствам).

³ Меровинги — первая королевская династия во франкском государстве (конец V в. — 751). Названа по имени полулегендарного основателя рода — Меровея.

⁴ См. прим. 15 на с. 911.

⁵ См. прим. 83 на с. 921.

⁶ Экзегетика — здесь: раздел богословия, в котором истолковываются библейские тексты.

В. Г. Белинский

Полное собрание сочинений А. Марлинского

Впервые: Отечественные записки. 1840 Т. VIII. № 2. Отд. V. С. 57—84. Без подписи. Печатается по: *Белинский В. Г. Полн. собр. соч.*: В 13 т. М., 1954. Т. 4. С. 23—24.

История государства Российского, сочинение Н. М. Карамзина
Издание пятое в трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов,
с полными примечаниями, украшенное портретом автора,
гравированным на стали в Лондоне. Издание И. Эйнерлинга.
Книга III (томы IX, X, XI и XII). Санкт-Петербург. В тип. Эдуарда
Праца. 1843. В 8-ю д. л., в две колонны. 280, 166, 184, 200,
183, 86, 84, 147 и XLVII стр.

Впервые: Отечественные записки. 1843. Т. XXIX. № 7. Отд. VI.
С. 25—28. Без подписи. Печатается по: *Белинский В. Г.* Полн. собр.
соч. М., 1955. Т. 7. С. 597—601.

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — литературный критик, публицист.

«Страстно полюбив русских писателей и увлекаясь одними ими, мальчик Белинский по необходимости перенес на них всю любовь, к какой была способна его огненная натура, а любовь эта не была недостойной любовью. Пушкин и Грибоедов были читаны юношею на школьной доске; на школьной доске узнал он Карамзина, Державина, Жуковского, Батюшкова. <...> Своим еще не зрелым умом он умел разгадать в Державине под горами чудовищно жестких стихов образы и предания давнего екатерининского века, в Карамзине, помимо округленных тирад с прилагательными на конце, помимо приторной чувствительности и миндальничанья с Лизетами, он, без чужого указания, угадал нежную и просвещенную русскую натуру, жаждущую добра и правды. <...> Его обвиняли в том, что он впоследствии омрачал славу старых поэтов, сводил с пьедестала Ломоносова, Державина, Карамзина и их сверстников — нужно ли в наше время ратовать против такого обвинения? Если сбросить с человека мишуру и шумиху, приблизить его к нам, покончить с пустозвонными в честь его хвалами значит свести поэта с пьедестала, то Белинский точно грешил в этом отношении. Самый факт пьедестала ему казался отчасти смешным, отчасти вредным. Может быть, Карамзин и Державин точно сведены с пьедесталов, но только после этой операции мы начали видеть в них живых людей и любим их больше, чем любили их наши деды» (*Дружинин А. В.* Сочинения Белинского. Томы 1, 2 и 3 // Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 468—470).

Оценка, данная Белинским творческому наследию Карамзина, неоднозначна. Размышляя о судьбах и путях развития русской литературы после Петра I, Белинский отмечает вклад Карамзина в развитие русской речи, в создание литературы и читающей публики: «Заслуга великая и бессмертная!» Критик отмечает влияние Карамзина на литературу своей эпохи; характеризуя историческую литературу, Белинский высоко оценивает «Историю государства Российского». С именем Карамзина он связывает понятие о целом периоде русской литературы. «Применяя созданную до него формулу “карамзинский период”, Белинский постоянно подчеркивал особый характер воздействия Карамзина на литературу своего времени, оправдывавший название периода его именем. То не было воздействием эстетическим, воздействием поэта-художника, который определял магистральный путь развития литературы, создавая художественные ценности непреходящего значения. Белинский усматривал это

огромное влияние Карамзина совсем в другом. “Имя самого Карамзина уважается теперь как имя незабвенного действователя на поприще образования и двигателя общества, как писателя с умом и рвением к добру, но уже не как поэта-художника”» (*Макогоненко Г. П.* Был ли карамзинский период русской литературы // *Русская литература.* 1960. № 4. С. 19).

Белинский рассматривает творчество Карамзина также в зеркале критики 20—30-х годов, резко осуждает ошибочные мнения о Карамзине, мелочные придирки к «Истории государства Российского», характеризует издания произведений Карамзина.

В «Сочинениях Александра Пушкина», в первой статье, посвященной обозрению русской литературы от Державина до Пушкина, автор отводит место Карамзину, его участию в развитии журналистики, преобразовании русского языка, литературной критики. Начало второй статьи посвящено Карамзину и карамзинскому периоду русской литературы.

Белинский строго ограничивал значение наследия Карамзина рамками его эпохи. Оно сыграло свою великую роль, умерло и никогда более не воскреснет, по мнению критика. Пожалуй, ни один русский писатель не был оценен как личность и как наставник выше, чем как автор, кроме Карамзина. Но карамзинская традиция (т. е. затронутые им темы, проблемы, выявленные им конфликты, созданные им сюжеты и характеры, разработанные им жанры, выработанный им стиль) в литературе последующих десятилетий имела иной характер воздействия и гораздо более мощное присутствие, чем принято думать, хотя отнюдь не всеми авторами все это сознательно связывалось с именем Карамзина, а находилось в «области авторской непреднамеренности». «Мир традиций входит в литературные произведения не только “в обличье” сознательной и программной ориентации писателя на ценности прошлых эпох (это имеет место далеко не всегда), но также присутствует в них, неотвратимо и властно, миновав сознательные намерения авторов, — пишет В. Е. Хализев. — Культурные традиции в их значимости для литературного творчества, — продолжает далее исследователь, — это тот воздух, которым писатели дышат, о том не задумываясь» (*Хализев В. Е.* Культурная традиция в сфере авторской непреднамеренности // *Традиция в контексте русской культуры.* Сборник статей и материалов. Череповец, 1993. Ч. 1. С. 3—4).

Но в то же время не кому иному, как Белинскому, принадлежит принципиальный вывод о том, что мысль изобразить в романе героя нашего времени впервые пришла Карамзину, а, как известно, этот тип героя оказался чрезвычайно продуктивным для последующей русской литературы. Критик еще не смог в полной мере различить те перспективные стороны карамзинского творчества, которые обрели художественно совершенную форму у писателей новых поколений, хотя именно Белинскому принадлежат слова о сорокалетнем сильном влиянии Карамзина на русскую литературу.

¹ Белинский имеет в виду Н. А. Полевого, который вместо обещанных восемнадцати издал только шесть томов своей «Истории русского народа»; на этом издание прекратилось.

² В настоящей рецензии Белинский развил взгляды на «Историю государства Российского», которые впервые он сжато высказал в «Литературных мечтаниях».

³ Фиоравенти (Фьораванти) Аристотель (между 1415 и 1420—ок. 1486) — итальянский архитектор и инженер. С 1475 года в России.

⁴ См. прим. 38 на с. 919.

⁵ См. прим. 13 на с. 911.

⁶ См. прим. 13 на с. 870.

⁷ См. прим. 23 на с. 870.

⁸ См. прим. 15 на с. 870.

⁹ См. прим. 7 на с. 876.

¹⁰ Курбский Андрей Михайлович (1528—1583) — князь, боярин, писатель, бежавший в Литву, опасаясь опалы за близость к казненным Иваном IV феодалам. Автор трех посланий к Ивану Грозному.

¹¹ См. прим. 2 на с. 890.

¹² См. прим. 20 на с. 911.

¹³ См. прим. 10 на с. 911.

¹⁴ Цимисхий Иоанн (925—976) — византийский император.

¹⁵ Ольга (?—969) — княгиня, жена киевского князя Игоря, ок. 957 приняла христианство.

¹⁶ См. прим. 11 на с. 911.

¹⁷ Ярослав Мудрый (ок. 978—1054) — великий князь Киевский (1019), сын Владимира I.

¹⁸ Марфа-посадница (Марфа Борецкая) (XV век) — жена новгородского посадника Исаака Борецкого.

А. И. Герцен

О развитии революционных идей в России

Впервые: *Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben* / Hrsg. von Adolf Kolatschek. Bremen, 1851. Январь-май, в переводе с французского на немецкий, за подписью «Iscander» («Искандер»). В том же году почти одновременно с немецким переводом в Париже вышло отдельное французское издание: *Du développement des idées révolutionnaires en Russie* par A. Iscander. Paris, 1851 (напечатано в Ницце).

В русском переводе книга впервые была издана в Москве нелегально, литографированным способом, без участия Герцена, под названием: *Историческое развитие революционных идей в России*. А. Герцена. Издание первое в переводе. Посвящается студентам Московского университета. М., 1861.

Печатается по изданию: *Герцен А. И. Собр. соч.*: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 190—192.

Герцен Александр Иванович (1812—1870) — русский писатель, философ. Этот отзыв Герцена о Карамзине был дан в книге «О развитии революционных идей в России», написанной в 1851 году. Герцен стремился познакомить передовые круги западноевропейских стран, имевших тогда

односторонние и превратные представления о России, с русским освободительным движением. Сочинение целостно и разносторонне освещает как историю России с древнейших времен до середины XIX века, так и историю развития русского освободительного движения и передовой мысли. Герцен предназначал данную работу не только для иностранцев, но, прежде всего, для самого русского общества. Он подчеркивал огромное, исключительное значение художественной литературы в общественной жизни страны. Яркими штрихами характеризует Герцен крупнейших русских писателей и публицистов, в том числе и Н. М. Карамзина.

Из отзывов Герцена как в статьях и письмах, так и в художественных произведениях, во многом автобиографичных, видно, что писатель восхищался Карамзиным в молодости, называл его великим писателем, высоко ценил его творчество, особенно «Историю государства Российского». Ценя заслуги Карамзина, как литератора и историка, на протяжении всей своей жизни, Герцен расходится с Карамзиным в политических взглядах. Называя «Историю государства Российского» великим творением, Герцен критикует автора этого произведения, стоявшего на позициях самодержавия. Герцен не сводил историю России к истории самодержавно-крепостнического государства, как это делал, по его мнению, Карамзин, а выдвигал на первый план историю народа. В отличие от Карамзина, идеализировавшего развитие государственности в России и умалчивавшего о социальных противоречиях, Герцен пытался раскрыть сложный и противоречивый характер социально-политического развития России после образования централизованного государства. «У народа, лишенного общественной свободы, литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести», — писал Герцен, подчеркивая огромное значение художественной литературы как средства идейного раскрепощения русского народа (10, с. 198). Препарируя перед великим писателем и высоко ценя великое творение — «Историю государства Российского», Герцен подвергал резкой критике Карамзина, автора «Записки о древней и новой России» с его идеей об укреплении самодержавия в качестве программы действия правительства.

Если А. И. Герцен писал об этой эпохе как о такой, когда «...власть и мысль, императорские указы и гуманное слово, самодержавие и цивилизация не могли больше идти рядом», то следует сказать, что Карамзин стремился именно к тому, чтобы утвердить единство вышеназванных явлений. Волею судьбы он совмещал в себе службу императору, службу отечеству и придворную службу. Звание придворного историографа он рассматривал как общественное служение, стоящее выше государственной службы, как долг патриота. Однако постепенно нарастало внутреннее отдаление от престола.

¹ См. прим. 22 на с. 893.

² Сен-Реаль Цезарь Ришар (1639—1692) — французский историк.

³ См. прим. 2 на с. 890.

⁴ См. прим. 18 на с. 933.

⁵ См. прим. 4 на с. 888.

⁶ Крылов Иван Андреевич (1769—1844) — русский писатель, баснописец.

⁷ Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — поэт, государственный деятель.

⁸ Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — русский поэт.

⁹ То же, что бессмертники — растения семейства сложноцветных, сохраняющие в сухом состоянии естественную окраску и форму цветков и соцветий.

¹⁰ Карамзин читал страницы «Истории государства Российского» императору Александру во время его пребывания в Твери в 1811 г. (17 марта). Но хорошо известно, что вечером того же дня Александр познакомился с карамзинским трактатом «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (известен под названием «Записка о древней и новой России»). Это был обзор русской истории, где Карамзин подчеркнул излишне насильственный характер реформ Петра I, осудил Екатерину II за аморализм, возведенный в ранг государственной политики, назвал правление Павла «жалкими заблуждениями» и, дав беспощадный анализ современности, заключил исключительно острой критикой всей внешней и внутренней политики Александра I. Проявив личную смелость и благородство, Карамзин оценил его реформаторские планы более реалистично, чем многие либеральные историки последующих эпох: он видел в них «не ответы на коренные вопросы русской жизни, а кабинетное административно-бюрократическое творчество, которое удовлетворит лишь честолюбие бюрократов» (Русские писатели: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 476).

¹¹ После смерти Александра I Карамзин вспоминал: «Я всегда был чистосердечен. Он всегда терпелив, кроток, любезен неизъяснимо; не требовал моих советов, однако ж слушал их, хотя им, большею частию, и не следовал, так что ныне вместе с Россиею оплакивая кончину Его, не могу утешать себя мыслию о десятилетней милости и доверенности ко мне столь знаменитого венценосца: ибо эти милости и доверенность остались бесплодны для любезного Отечества. <...> Я не безмолвствовал о налогах в мирное время, о нелепой Гурьевской системе Финансов, о грозных военных поселениях, о странном выборе некоторых важных сановников, о Министерстве Просвещения или затемнения, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россию, — о мнимом исправлении дорог, столь тягостном для народа, — наконец, о необходимости иметь твердые законы, гражданские и государственные» (*Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 11—12).

¹² В своей «Записке о древней и новой России» Карамзин писал: «Любя ОТЕЧЕСТВО, любя МОНАРХА, я говорил искренно. Возвращаясь к безмолвию верноподданного с СЕРДЦЕМ ЧИСТЫМ, моля ВСЕВЫШНЕГО, да блюдет царя и царство Российское!» (Николай Карамзин. [Сб.] М., 1998. С. 332). Говоря о том, что император Александр «умел быть человеком на троне» (Там же. С. 295), автор «Записки», он же, по словам Пушкина, «прямодушный подданный», по всей видимости, все-таки надеялся на понимание. В то же время, как пишет Ю. М. Лотман, «трудно найти в истории пример», где бы подобная возможность использовалась для того, «чтобы высказать максимум горьких истин» (*Лотман Ю. М.* «О древней

и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Лотман Ю. М. Карамзин. Сотворение Карамзина: Статьи и исследования 1957—1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997. С. 591), но возможность говорить правду давали ему права друга и гражданина.

¹³ Карамзин стремился установить нравственное взаимопонимание между императором и подданным, наполнить иерархические отношения эмоционально-личностным содержанием, чисто человеческие связи — любовь и дружество — брали у него верх над всеми другими, и они же давали ему право на прямоту суждений, на критику. Точкой отсчета при этом был образ идеального монарха.

Самодержец в образе конкретной личности государя не имел духовной власти над Карамзиным; сын отчества, он не отдавал решение многих социально-политических вопросов на волю Александра, мужественно выражая независимое «мнение русского гражданина». Известно, что его бескорыстие, истинно независимая гражданская позиция порой сопровождалась потерей императорской милости, расположения.

«Отношения Карамзина и Александра были далеко не идиллическими, — пишет Ю. М. Лотман, — порой они достигали крайней степени напряжения. Но Карамзин утвердил за собой право никогда не кривить душой. Однажды царю пришлось выслушать и такие слова: “Государь, Вы слишком самолюбивы ... Я не боюсь ничего — мы все равны перед Богом. То, что я сказал Вам, я сказал бы и Вашему отцу ... Государь, я презираю скороспелых либералистов, я люблю лишь ту свободу, которой никакой тиран не в силах у меня отнять ... Я не нуждаюсь более в Вашем благоволении. Может быть, мы говорим с Вами в последний раз”» (Лотман Ю. М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века. С. 599).

«...Мы душою расстались, кажется, навеки» (Карамзин Н. М. Незданные сочинения и переписка. С. 9), — писал он после разговора с Александром I, адресуясь к потомству.

¹⁴ Узнав о пожаловании ему и его семейству «царского» пенсионера Николаем I (50 тыс. руб.), он промолвил: «Это уж слишком много». Всегда опасаясь зависимости, он в учтивой форме благодарил императора, но выразил ту же мысль: «Благодеение чрезмерно: никогда скромные желания мои так далеко не простирались» (Симбирский юбилей Николая Михайловича Карамзина. 1 декабря 1766—1866 года. Симбирск, 1867. С. 178). И охлаждение и награды Карамзин всегда воспринимал с стоическим спокойствием. Вспоминая свое выступление в Российской Академии наук, Карамзин писал П. А. Вяземскому 20 января 1821 г.: «Когда добрый Шишков вручил мне золотую медаль и лучшая российская публика, по собственному внутреннему движению, встала при громе рукоплескания, противного академическому уставу, я был холоден: нужно ли объяснение? Неприятели и друзья! Вы не сделаете меня ни хуже, ни лучше — ни менее ни более. Если это не смирение, то и не гордость, а любовь к независимости, которую люблю любить...» (Карамзин Н. М. Избр. статьи и письма. М., 1982. С. 211).

С. М. Соловьев

Исторические поминки по историке

Впервые: Московские университетские известия. 1866—1867. № 3. С. 179—184. Печатается по первой публикации.

Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — русский историк. Уже в детстве С. М. Соловьев любил историческое чтение: до 13 лет он прочитал Карамзина не менее 12 раз. Университетские годы (1838—1842) на I отделении философского факультета прошли у Соловьева под сильным влиянием не Погодина, читавшего излюбленный предмет Соловьева — русскую историю, а Грановского. Преподаванием первого синтетический ум Соловьева не удовлетворился: внутренней связи явлений оно не вскрывало. Красоту описаний Карамзина, на что Погодин особенно обращал внимание слушателей, Соловьев уже перерос; фактическая сторона курса давала мало нового, и Соловьев на лекциях нередко подсказывал Погодину, дополняя его указания своими. Курс Грановского внушил Соловьеву сознание необходимости изучения русской истории в связи с судьбою других народностей и в широком контексте духовной жизни вообще.

Русская историография в ту пору, когда появился Соловьев, уже вышла из Карамзинского периода, перестав главную задачу свою видеть в одном только изображении деятельности государей и смены правительственных форм; чувствовалась потребность не только *рассказывать*, но и *объяснять* события прошлого, уловить закономерность в последовательной смене явлений, открыть руководящую «идею», основное «начало» русской жизни. Попытки подобного рода даны были еще Полевым и славянофилами как реакция старому направлению, олицетворенному Карамзиным в его «Истории государства Российского». В этом отношении Соловьев сыграл роль примирителя. Государство, учил он, будучи естественным продуктом народной жизни, есть сам народ в его развитии: одно нельзя безнаказанно отделять от другого. История России есть история ее государственности — не правительства и его органов, как думал Карамзин, но жизни народной в ее целом.

¹ См. прим. 17 на с. 939.

² См. прим. 12 на с. 911.

³ См. прим. 13 на с. 911.

⁴ Мысль Стародума из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (д. 3, явл. 1).

⁵ См. прим. 7 на с. 940.

⁶ Демосфен (ок. 384—322 до н. э.) — политический деятель в Афинах, оратор, писатель.

⁷ См. прим. 29 на с. 870.

⁸ См. прим. 7 на с. 908.

⁹ Строки из писем к И. И. Дмитриеву от 27 июля и от 12 октября 1798 г. (*Карамзин Н. М.* Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 97, 104).

Н. В. Шелгунов

Народник Якушкин

Впервые: Дело. 1883. № 12. С. 20—30. Печатается по изданию: Шелгунов Н. В. Литературная критика. Л., 1974. С. 374.

Шелгунов Николай Васильевич (1824—1891) — литературный критик. В своих критических работах он пытался осмыслить этапы развития русской общественной мысли и истории литературы. Понятия «классицизм», «сентиментализм», «романтизм», «реализм» были для него скорее мировоззренческими, чем творческими понятиями. Критик невысоко оценивает литературные заслуги Карамзина и пишет о скоротечности сентиментального направления: «Неудача его в том, что оно обращается только к лицу, к его мелким, своекорыстным чувствам» (цит. по.: Соколов Н. Н. В. Шелгунов — литературный критик // Шелгунов Н. В. Литературная критика. Л., 1974. С. 14).

В 1874 году в журнале «Дело» (№ 1 и 2) Н. В. Шелгунов опубликовал критический обзор «Попытки русского сознания», одна из глав которого называлась «Сантиментализм и Карамзин». Нельзя сказать, что статья написана «без приговора заранее замышленного».

Пытаясь пересказать сюжет «Бедной Лизы», автор обнаруживает свое незнание текста повести, упрощает, огрубляет и попросту искажает его, исключая тем самым надежду читателя статьи на верное постижение роли Карамзина в развитии русского сознания. После такого прочтения произведения Карамзина вряд ли можно ожидать верной оценки его как писателя и мыслителя. Н. В. Шелгунов, утверждая, что «Карамзин был, неоспоримо, честный человек с благородными стремлениями, человек, не способный ни на ложь, ни на лицемерие», в то же время считает, что он «никогда не мог встать на высоту европейской идеи, он никогда не мог проникнуть в смысл совершавшихся перед ним исторических явлений и лицо для него всегда заслоняло идею». Высмеивая «идеализм» Карамзина, критик пишет: «Он желает, чтобы на все должности избирались люди достойные, умные, честные, истинно-преданные интересам отечества, и умение “искать людей” ставит первым основанием хорошего порядка и общего благополучия»*. Любопытно, что А. А. Григорьев, сопоставляя Радищева и Карамзина, первого называет «непрактическим энтузиастом», а второго «талантом практическим».

Н. В. Шелгунов оценивает заслугу Карамзина как заслугу отрицательную, говорит о бессилии «чувствительного» направления там, «где требовалась здравая критика и зрелая мысль». Окончательный вывод критика о роли Карамзина в статье «Попытки русского сознания» таков: «Русская мысль от Карамзина не приобрела ничего, и только выиграло немного чувство той грамотной толпы, которая на чисто литературных произведениях Карамзина получила охоту к чтению».

В статье «Народник Якушкин» Н. В. Шелгунов говорит о Карамзине как об авторе «Истории государства Российского», признавая его высокий художественный талант и силу влияния на писателей следующих по-

* В записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», прочитанной Карамзиным Александром I.

колений, но при этом не снимает с него вину за проникновение «фальши» в жанр исторического романа.

¹ См. прим. 6 на с. 869.

² Имеется в виду «История русского народа» Н. А. Полевого.

³ О Лажечникове говорит также А. В. Скабичевский в своем исследовании «Наш исторический роман»: «...К сожалению, увлеченный сентиментальным направлением тогдашней литературы, которой заманчивые образцы видны в “Бедной Лизе” и “Наталье, боярской дочери”, он стал писать в этом роде повести, стишки и рассуждения. Впоследствии времени он издал эти незрелые произведения в одной книжке, под названием “Первые опыты в прозе и в стихах”, но увидев их в печати и устыдясь их, вскоре поспешил истребить все экземпляры этого издания» (*Скабичевский А. Наш исторический роман // Северный вестник. 1886. № 5. С. 124*). Критик пересказывает повесть «Малиновка», чтобы показать, «до какого рабского подражания Карамзину доходил в это время Лажечников». В таком же духе характеризует он и Загоскина: «Как ни кажется нам все это курьезно, но до какой степени в свое время эта первая историческая повесть на Руси производила в продолжение по крайней мере тридцати лет глубокое и обаятельное впечатление, это мы можем судить по роману Загоскина “Юрий Милославский”. Мы видим, что Загоскин завязал любовную интригу в своем романе совершенно так же, как завязана она у Карамзина, т. е. встречаю героя с героиней в церкви, назвал своего героя почти так же, как и Карамзин, а затем закончил свой роман с еще большим сходством» (Там же. С. 57—60).

См. также прим. 2 и 4 на с. 874—875.

В. О. Ключевский

Н. М. Карамзин
(1898)

Впервые: *Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 133—135*. Печатается по изданию: *Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991. С. 488—490*.

Ключевский Василий Осипович (1841—1911) — русский историк. Во время учения в духовной семинарии много размышлял над трудами В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина. Позднее, в собственных исторических работах Ключевского, и прежде всего в «Курсе русской истории», проявилось умение говорить, как отмечают его исследователи, языком постигаемой эпохи и способность писать «чеканным», «кованным» слогом. Кроме того, Ю. И. Айхенвальд пишет об афористичности и поэтической целостности исторической прозы Ключевского, об «особенном тоне», «внутренней музыке» мысли и речи, «живых образах времен» (*Айхенвальд Ю. И. Ключевский — мыслитель и художник // В. О. Ключевский Характеристика и воспоминания. М., 1912. С. 117, 120, 130. 133. Цит. по: Русские писатели: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 561*).

Наиболее критические оценки В. О. Ключевского относились к тем историкам, которые в своих трудах отражали, как он считал, узкодворян-

ские интересы (М. М. Щербатов, Екатерина II, Н. М. Карамзин). В связи с исторической мыслью второй половины XVIII века рассматривал В. О. Ключевский и творчество Н. М. Карамзина, которое он относил к консервативному направлению. «Ключевский оспаривал основной тезис Карамзина о самодержавии как основе исторической жизни России; он писал о подмене им “логики исторического разума” назидательным морализованием при не критическом подходе к источникам» (*Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966. С. 157—159*). В то же время, вероятно, не без влияния Карамзина сложилась глубокая вера Ключевского в принципиальную важность исторического воспитания народа, в необходимость извлечения и повторения уроков истории.

Наброски под названием «Н. М. Карамзин» сохранились в архиве В. О. Ключевского. Датируются временем не ранее марта 1898 г.

¹ Сокращенная цитата из «Писем русского путешественника» (Париж, Апреля ... 1790).

М. Н. Покровский

Александр I

Впервые: История России в XIX веке. Сб.: В 9 т. СПб., 1907. Т. 1. С. 55—59. Лекции, читанные в Коммунистическом университете имени Зиновьева в Петрограде (позднее II Коммунистический университет) 3—7 мая 1923 г., впервые были изданы в том же году (Пг.: Прибой, 1923); 2-е изд., испр. — Л., 1927.

Борьба классов и русская историческая литература

Печатается по: *Покровский М. Н.* Избр. произв.: В 4 кн. М., 1967. Кн. 4. Лекции, статьи, речи. С. 291—300.

Покровский Михаил Николаевич (1868—1932) — историк, государственный деятель, академик АН СССР (1929). С 1918 г. заместитель наркома просвещения, руководитель Коммунистической академии, Института красной профессуры. Автор «Русской истории с древнейших времен» (т. 1—5, 1910—1913). «Русской истории в самом сжатом очерке» (ч. 1—2, 1920). Глава марксистской школы историков.

¹ Воронцов Александр Романович (1741—1805) — русский государственный деятель, дипломат, в 1802—1804 годах — канцлер.

² «Сие искусство избирать людей и обходиться с ними есть первое для государя российского: без сего искусства тщетно будет искать народного блага в органических уставах» — здесь и далее М. Н. Покровский цитирует «Записку о древней и новой России» Карамзина.

В 1811 году по инициативе Великой Княгини Екатерины Павловны перед Карамзиным открылась уникальная возможность — прямо изложить царю мнение о нем как о государственном деятеле, о его политике и о деятельности его царственных предшественников. Как говорит Пуш-

кин, «по вызову государыни Великой Княгини, женщины с умом необыкновенно возвышенным, Карамзин написал свои мысли *о древней и новой России*, со всею искренностью прекрасной души, со всею смелостью убеждения сильного и глубокого...» (12; 45). Ср. у Пушкина: «Беда стране, где раб и льстец / Одни приближены к престолу...» и т. д.

Рассматривая традицию правительственных реформ в России после Петра I, Карамзин видит цепь неудач: «ни один из законодательных проектов не был доведен до конца, ни один не сделался реальностью в политической жизни страны». Все это определило скептическое отношение Карамзина к самой идее правительственных реформ.

Записку «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Великая Княгиня передала императору; ее же стараниями было впоследствии устранено охлаждение императора к Карамзину, вызванное этой запиской. Александр вернул Карамзину свою благосклонность, что позволило Пушкину написать: «Когда-нибудь потомство оценит и величие государя и благородство патриота» (Там же). См. также: наст. изд., с. 223—224.

³ См. прим. 15 на с. 911. Внутренняя политика Иоанна IV сопровождалась массовыми опалами и казнями, усилением закрепощения крестьян.

⁴ Петр III Федорович (1728—1762) — российский император (с 1761). Заключил мир с Пруссией, что свело на нет результаты победы русских войск в Семилетней войне. Ввел в армии немецкие порядки. Свергнут и убит в результате переворота.

⁵ Павел Петрович (Павел I) (1754—1801) — русский император (с 1796). Проводил централизацию и мелочную регламентацию во всех звеньях государственного аппарата; в армии ввел прусские порядки; ограничил дворянские привилегии. Убит заговорщиками-дворянами.

⁶ См. прим. 24 на с. 919.

⁷ См. прим. 7 на с. 907.

⁸ Мордвинов Николай Семенович (1754—1845) — граф, русский государственный и общественный деятель, адмирал.

⁹ «В селе Макателеме жил некогда молодой крестьянин Роман Осипов. Русые кудри вились на голове его, и серые глаза его блистали лукавством и смышленностью. Он воспылал страстью к дочери бывшего поверенного, Архипа Игнатьева и собирался на ней жениться. Но крестьяне того села, озлобленные на юного любовника по причинам, о которых за отдаленностью времени мы, к сожалению, ничего не знаем, не только не хотели допустить сего брака, но и вознамерились отдать злополучного Романа в солдаты. Счастью любящихся сердец никогда бы не совершиться, если бы не доведаль о том благодетельный помещик Макателема. И вот он пишет своему бурмистру Николаю Иванову и всему миру повеление: «приказываю вам непременно женить Романа на дочери Архиповой и не отдавать его в рекруты. 28 ноября 1820».

Так я понимаю эту историю; так она несомненно следует из документов, напечатанных у Погодина: Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и пр. Часть II, страницы 437 и 438. Приказ Карамзина очевидно имеет в виду благо Романа Осипова и кроме сей великодушной цели никакой иной иметь не может. В том же приказе за повелением об Романе Осипове

следует повеление оставить в покое крестьян Миная Иванова, Акима Федорова и Федора Михайлова, коих невежественные обитатели Макателема обвиняли в порче, в том, что они будто бы делали женщин кликушами. “Это бабьи сказки и совершенный вздор”, — пишет просвещенный Карамзин. В следующем приказе любвеобильный помещик приказывает не отдавать в рекруты Алексея Ефимова, который подрался с тестем и откусил ему палец, и которого бурмистр крепко наказал, а мир сверх того приговорил отдать в солдаты. “Не приказываю, — пишет Карамзин, — ибо он уже был наказан”. И так далее, и так далее» (*Страхов Н. Н.* Вздох на гробе Карамзина. См. наст. изд., с. 394—395).

¹⁰ См. прим. 83 на с. 921.

¹¹ См. прим. 75 на с. 921.

¹² Романовы — боярский род в России XIV—XVI вв., с 1613 — царская династия.

¹³ «Русское слово» — ежедневная буржуазная газета, основанная в 1895 году в Москве. В декабре 1917 года за помещение антисоветских материалов была закрыта.

¹⁴ Муравьев Михаил Никитич (1757—1807) — государственный деятель, поэт, отец декабристов. Во время правления Александра I — товарищ министра народного просвещения и попечитель Московского университета.

¹⁵ «Вестник Европы» — литературно-художественный и научно-политический журнал, основанный в Москве Н. М. Карамзиным, под редакцией которого издавался в 1802—1803 гг.

¹⁶ Цит. по: *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. II. С. 17—18.

¹⁷ Там же. Ч. I. С. 397.

¹⁸ Там же. Ч. II. С. 19.

¹⁹ Аракчеев Алексей Андреевич (1796—1834) — граф, русский государственный деятель, генерал, временщик Александра I.

²⁰ Каподистрия Иоанис (Иван) Антонович (1776—1831) — граф, греческий и русский государственный деятель.

²¹ *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. II. С. 136—137, 138, 139, 143.

²² Там же. С. 153.

²³ Т. е. посвящение (в книге); от фр. *dédicace*.

²⁴ *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. II. С. 154 (разрядка М. Н. Покровского).

²⁵ Там же.

²⁶ 10 июля 1826 года Пушкин писал из Михайловского в Петербург П. А. Вяземскому: «...что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина? Довольно и одной, написанной мною в такое время, когда Карамзин меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие и сердечную к нему приверженность. До сих пор не могу об этом хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другие, сколько знаю, глупы и бешены: ужели ты мне их приписываешь?» (13, 286).

По-видимому, речь здесь идет об эпиграмме: «В его истории изящность, простота...». С. О. Шмидт считает «очень убедительными и изящными» соображения В. Э. Вацура, соотнесшего... содержание эпиграммы с конкретным эпизодом в труде Карамзина из истории “государствования” особо почитаемого им Ивана III, когда тот трем высокопоставленным лицам заменил смертную казнь торговой, т. е. наказание кнутом» (Шмидт С. О. Пушкин и Карамзин // Н. М. Карамзин. Юбилей 1991 года: Сб. научных трудов. С. 76). Тогда эпиграмма, утверждает С. О. Шмидт, «теряет усматриваемый в ней столь широко обличительный смысл, и, как определил сам Пушкин в цитированном письме к Вяземскому, “остра и ничуть не обидна”» (Там же).

²⁷ Екатерина II Великая (1729—1796) — российская императрица с 1762 года.

²⁸ См. прим. 12 на с. 911.

²⁹ Карл V (1500—1558) — император «Священной Римской империи», испанский король из династии Габсбургов.

С. Ф. Платонов

Карамзин-историк

Впервые: Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 47—55 (подгот. текста и коммент. А. Н. Артизова и Б. В. Левшина). Печатается по первой публикации.

Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — русский историк, академик Российской АН (1920), председатель Археографической комиссии (1918—1929).

Создававшаяся в условиях острого противостояния марксистской и немарксистской историографии статья Платонова «Карамзин-историк», предназначавшаяся для очередного выпуска «Летописей занятий Археографической комиссии», тогда не увидела свет. В конце 1929 г. возникло так называемое «дело академиков», обвиненных в создании контрреволюционной организации, стремлении свергнуть советскую власть и установить конституционную монархию (см.: Неизданная статья С. Ф. Платонова // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 46—47). 12 января 1930 г. арестовали главного «виновника» и «организатора заговора» Платонова. Воззрениям главы марксистской школы М. Н. Покровского, опиравшегося в своих суждениях на П. Н. Милюкова, Платонов противопоставил глубоко уважительное отношение к Карамзину, честно и преданно служившему отечественной истории.

После 19-месячного пребывания в доме предварительного заключения, 8 августа 1931 г. Платонов был выслан в Самару, где провел последние годы. Скончался 10 января 1933 г.

¹ См. прим. 1 на с. 907.

² См. прим. 7 на с. 907.

³ См. прим. 8 на с. 907.

⁴ См. прим. 6 на с. 904.

⁵ Полевой Николай Алексеевич (1796—1846) — критик, публицист, журналист, редактор и издатель «Московского телеграфа».

⁶ См. прим. 65 на с. 920.

⁷ Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — историк и политический деятель.

⁸ Буслаев Федор Иванович (1818—1897) — филолог и искусствовед, исследователь древних рукописей. Далее упоминается очерк Ф. И. Буслаева о «Письмах русского путешественника», впервые опубликованный не в 1866-м, а в 1867 году в «Московских университетских известиях»..

⁹ Селин Александр Иванович (1816—1877) — писатель, филолог. Имеется в виду работа А. И. Селина «Карамзин и его предшественники» (СПб., 1847).

¹⁰ С. Ф. Платонов цитирует письмо П. А. Вяземского и О. С. Пушкиной А. С. Пушкину от 31 июля 1826 года из Ревеля.

¹¹ См. прим. 8 на с. 941.

¹² Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829) — поэт, переводчик, попечитель Московского университета.

¹³ Разумовский Алексей Кириллович (1748—1822) — граф, министр народного просвещения в России в 1810—1816 гг.

¹⁴ Имеется в виду донос попечителя Московского университета П. И. Голенищева-Кутузова министру народного просвещения А. К. Разумовскому после выхода 1 июля 1810 года императорского рескрипта о награждении Карамзина орденом Владимира 3-й степени. Текст доноса см.: *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 288—289 (наст. изд., с. 491—492).

¹⁵ См. наст. изд., с. 924.

¹⁶ Шишков Александр Семенович (1754—1841) — писатель, государственный деятель, адмирал. Глава литературного общества «Беседа любителей русского слова». С 1813 года президент Российской академии. В литературе поборник высокого гражданского стиля, архаист.

¹⁷ Речь идет о работах литератора, адмирала А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» и «Прибавления к сочинению, называемому Рассуждение о старом и новом слоге российского языка».

¹⁸ Цитируются выдержки из статьи Н. А. Полевого «История государства Российского», Сочинения Н. М. Карамзина, т. I—VIII, СПб., 1816; IX. 1821; X, XI. 1824; XII. 1829» (Московский телеграф. 1829. № 27. С. 467—500).

¹⁹ Книга П. Н. Милюкова «Главные течения русской исторической мысли» впервые вышла в 1897 году.

²⁰ См. прим. 10 на с. 869.

²¹ Ферула (лат. *ferula* — хлыст, розги) — линейка, которой в старину били по ладоням провинившихся школьников.

²² Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897) — русский историк, автор статей «Карамзин как историк» (Биографии и характеристики. СПб., 1882. С. 205—230) и «Карамзин Н. М.» (Русский биограф. словарь. СПб., 1897. Т. «Ибак—Ключарев»).

²³ Пичета Владимир Иванович (1878—1947) — историк, академик (с 1946), был учителем С. Ф. Платонова.

²⁴ См. прим. 24 на с. 911.

²⁵ Джиллис Джон (1747—1836) — английский историк, королевский историограф Шотландии.

²⁶ См. прим. 16 на с. 913.

²⁷ См. прим. 15 на с. 913.

²⁸ См. прим. 22 на с. 905.

²⁹ Плутарх (ок. 45 — ок. 127) — древнегреческий писатель и историк.

С. Ф. Платонов цитирует одну из записей Карамзина, относящуюся не к 1797 году, а к 12 июня 1798 года: «Естьли Провидение пощадит меня; естьли не случится того, что для меня ужаснее смерти <...> займусь Историею. Начну с Джиллиса; после буду читать Фергусова, Гиббона, Робертсона — читать со вниманием и делать выписки; а там примусь за древних Авторов, особенно за Плутарха» (*Карамзин Н. М. Неизданные соч. и переписка*. СПб., 1862. Ч. 1. С. 203).

³⁰ См. прим. 5 на с. 904.

³¹ См. прим. 46 на с. 920.

³² См. прим. 7 на с. 941.

³³ Имеются в виду статьи «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художества»; «Известие о Марфе-посаднице, взятое из Жития св. Зосимы»; «Известие о бывшем в Москве землетрясении»; «О Московском мятеже в царствование Алексея Михайловича» и др.

³⁴ См. прим. 10 на с. 939.

³⁵ Палицын Авраамий (?—1626) — келарь Троице-Сергиева монастыря в 1608—1619 гг., писатель. Автор «Сказания», ценного источника по русской литературе начала XVII века.

³⁶ См. прим. 8 на с. 908.

³⁷ Алексей Михайлович (1629—1676) — русский царь с 1645 г.

³⁸ Василий II Темный (1415—1462) — великий князь Московский с 1425 г.

³⁹ Речь идет о статье «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре».

⁴⁰ См. прим. 62 на с. 920.

⁴¹ Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — русский историк.

⁴² Имеется в виду работа С. М. Соловьева «Николай Михайлович Карамзин и его “История государства Российского”», впервые опубликованная в журнале «Отечественные записки» (1853. № 10; 1854. № 2, 5; 1855. № 4, 5; 1856. № 4).

⁴³ См. прим. 11 на с. 908.

⁴⁴ Всеволод I Ярославич (1030—1093) — князь Переяславский, Черниговский, великий князь Киевский, сын Ярослава Мудрого.

⁴⁵ Иконников Владимир Степанович (1841—1923) — историк.

⁴⁶ Аделунг Федор Павлович (1768—1843); Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич (1788—1850); Берх Василий Николаевич (1781—1834);

Болховитинов Евфимий Алексеевич (Евгений, митрополит Киевский и Галицкий; 1767—1837); Ермолаев Александр Иванович (1780—1828); Калайдович Константин Федорович (1792—1832); Малиновский Алексей Федорович (1762—1840); Оленин Алексей Николаевич (1763—1843); Строев Павел Михайлович (1796—1876); Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — историки и литераторы, члены кружка Николая Петровича Румянцева. Муравьев Михаил Никитич (1757—1807); Новосильцев Николай Николаевич (1768—1838) — государственные деятели, литераторы. Буле Иоганн Теофил (Иван Федорович; 1763—1821) — профессор права и теории искусств Московского университета.

⁴⁷ Имеется в виду знаменитая эпиграмма А. С. Пушкина:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

См. прим. 26 на с. 948—949.

⁴⁸ Речь идет о декабристском окружении Н. М. Муравьева (1796—1843). См. также: Записка Никиты Муравьева «Мысли об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина» // Лит. наследство. М., 1954. Т. 59).

⁴⁹ Тютчев Федор Иванович (1803—1873) — русский поэт.

⁵⁰ Цитируется стихотворение 1866 года «На юбилей Н. М. Карамзина» (Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 350—351).

С. О. Шмидт

«История государства Российского»
в контексте истории мировой культуры

Впервые: Всемирная история и Восток: Сб. статей. М., 1989. С. 187—202. Печатается по первой публикации.

Шмидт Сигурд Оттович (род. в 1922) — крупнейший современный историк, заслуженный деятель науки России (1989), академик РАО (1992), д-р ист. наук, профессор. Сын О. Ю. Шмидта. С 1968 г. — председатель Археографической комиссии АН СССР (с 1991 г. — РАН). Основные труды по истории русского феодализма, источниковедению, историографии, археографии, краеведению и др.

С. О. Шмидт также автор многочисленных работ о Карамзине. Среди них: «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания пятого, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П. М. Строева / Изд. подгот. под наблюдением Д. С. Лихачева и С. О. Шмидта. М., 1988. Кн. 4. С. 28—43; Об истории государства Российского / Сост. А. И. Уткин. Отв. ред., автор очерка о Н. М. Карамзине и прим. С. О. Шмидт. М., 1990. С. 321—374; Три юбилея Карамзина: К 225-летию со дня рождения // Вечерняя и средняя школа. 1991. № 6. С. 12—26; «История государства Российского» Н. М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Всемирная история и Восток: Сб. статей. М.,

1989. С. 187—202; «История государства Российского» Н. М. Карамзина: 175 лет // Памятные книжные даты. М., 1991. С. 8—12.

¹ Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина. М., 1976; Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М., 1983; Осетров Е. И. Три жизни Карамзина. М., 1985; Лотман Ю. М. Со-творение Карамзина. М., 1987.

² См. прим. 1 на с. 907.

³ См. прим. 7 на с. 907.

⁴ Елагин Иван Перфильевич (1725—1793) — поэт, драматург, пере-водчик, историк.

⁵ См. прим. 22 на с. 893.

⁶ См. прим. 27 на с. 949.

⁷ См.: Муравьева Л. Л. Рукописи сочинений по истории России про-фессоров Московского университета А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева // Археогр. ежегодник за 1982 год. М., 1983.

⁸ См.: Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном со-знании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980; Шанский Д. Н. Из истории русской исторической мысли: И. Н. Болтин. М., 1983. С. 25—26.

⁹ См. прим. 24 на с. 919.

¹⁰ См. прим. 5 на с. 869.

¹¹ См. прим. 3 на с. 869.

¹² См. прим. 6 на с. 907.

¹³ См. прим. 5 на с. 907.

¹⁴ *Le Clerc N. O.* 1) *Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne.* Paris, 1783. Vol. 1—3; 2) *Histoire physique, morale, civile et politique de Russie moderne.* Paris, 1783. Vol. 1. О резко отрицательном отношении к этому изданию Шлецера см.: Алпатов М. А. Русская исто-рическая мысль и Западная Европа (XVIII—первая половина XIX в.). М., 1985. С. 57.

¹⁵ См. прим. 8 на с. 907.

¹⁶ Дидро Дени (1712—1784) — французский философ-просветитель, писатель.

¹⁷ Российская история, сочиненная из подлинных летописей, из дос-товерных сочинений и из лучших российских историков господином Ле-веком / Пер. с фр. М., 1787.

¹⁸ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 252.

¹⁹ См.: Погодин М. П. Из биографии Н. М. Карамзина // Николай Ми-хайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современни-ков. М., 1866. Ч. 2. С. 1—2.

²⁰ См. прим. 6 на с. 878.

²¹ См. прим. 24 на с. 911.

²² См. прим. 22 на с. 905.

²³ См. прим. 15 на с. 913.

²⁴ Карл Великий (742—814) — франкский король.

²⁵ См. прим. 11 на с. 911.

²⁶ Людовик XI (1423—1483) — французский король из династии Валуа. Проводил централизаторскую политику, подавлял мятежи.

²⁷ См. прим. 15 на с. 911.

²⁸ Кромвель Оливер (1599—1658) — деятель английской революции XVII века.

²⁹ См. прим. 83 на с. 921.

³⁰ Рафаэль Санти (1483—1520) — итальянский живописец и архитектор.

³¹ См. прим. 86 на с. 921.

³² *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 252—253.

³³ См.: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 525—606.

³⁴ См. прим. 10 на с. 869.

³⁵ *Ломоносов М. В.* Древняя Российская история от начала российско-го народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., 1766. С. 3.

³⁶ См. прим. 13 на с. 911.

³⁷ Никитин Афанасий (?—1474/1475) — русский путешественник, тверской купец. Совершил путешествие, в Персию, Индию.

³⁸ См.: *Ключевский В. О.* Соч. М., 1958. Т. 4. С. 204.

³⁹ См.: *Шмидт С. О.* К вопросу о понимании Пушкиным места «Слова о полку Игореве» в древнерусской литературе // *Древности славян и Руси: Сб. статей к 80-летию Б. А. Рыбакова.* М., 1988.

⁴⁰ См. прим. 13 на с. 918.

⁴¹ См. прим. 18 на с. 919.

⁴² *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 253, 254.

⁴³ См.: *Косминский Е. А.* Историография средних веков. V в. — середина XIX в. М., 1963 (лекция XVIII); см. также: *Барг М. А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.

⁴⁴ См.: *Макогоненко Г. П.* Из истории формирования историзма в русской литературе // XVIII век. Сб. 13; *Лузянина Л. Н.* Проблемы историзма в творчестве Карамзина — автора «Истории государства Российского» // Там же.

⁴⁵ *Карамзин Н. М.* Избр. статьи и письма. С. 138 («Известие о Марфе посаднице, взятое из жития св. Зосимы»).

⁴⁶ Кант Иммануил (1724—1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

⁴⁷ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 21.

⁴⁸ Мор Томас (1478—1535) — английский гуманист, государственный деятель и писатель.

⁴⁹ *Карамзин Н. М.* Избр. статьи и письма. С. 39 («Что нужно автору?»).

⁵⁰ См.: *Галахов А.* Образ мыслей Карамзина как историка // *Вестник Европы.* 1866. № 4.

- ⁵¹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 19. С. 186.
- ⁵² *Тургенев А. И.* Хроника русского: Дневники. 1825—1826. М.; Л., 1964. С. 122.
- ⁵³ Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — русский революционер-демократ, ученый, писатель, литературный критик.
- ⁵⁴ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1946. Т. 3. С. 41.
- ⁵⁵ Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — филолог-славист, этнограф, академик Петербургской Академии наук.
- ⁵⁶ *Срезневский И. И.* Славяно-русская палеография XI—XVI веков. СПб., 1885. С. 10, 11.
- ⁵⁷ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 663.
- ⁵⁸ Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — литературный критик, публицист.
- ⁵⁹ Герцен Александр Иванович (1812—1870) — русский писатель, философ.
- ⁶⁰ Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — политический и государственный деятель, писатель, академик АН СССР.
- ⁶¹ Очерки по истории русской критики / Под ред. А. В. Луначарского и Валериана Полянского. М., 1929. Т. 1. С. 67—68.
- ⁶² См. прим. 7 на с. 941.
- ⁶³ *Эйдельман Н. Я.* Последний летописец. С. 42, 43.
- ⁶⁴ *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 191. См. наст. изд. С. 233.
- ⁶⁵ См. прим. 14 на с. 892.
- ⁶⁶ Филдинг Генри (1707—1754) — английский писатель-классик литературы Просвещения.
- ⁶⁷ См. прим. 2 на с. 913.
- ⁶⁸ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 369.
- ⁶⁹ См. прим. 34 на с. 919.
- ⁷⁰ *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
- ⁷¹ См. прим. 29 на с. 951.
- ⁷² Эйхенбаум Борис Михайлович (1886—1959) — литературовед, доктор филологических наук.
- ⁷³ *Эйхенбаум Б. М.* О прозе. Л., 1969. С. 204.
- ⁷⁴ Миллер Герард Фридрих (1705—1783) — историк, собиратель рукописей по русской истории
- ⁷⁵ См. прим. 46 на с. 951—952.
- ⁷⁶ См. прим. 3 на с. 904.
- ⁷⁷ См. прим. 7 на с. 876.
- ⁷⁸ См. прим. 5 на с. 878.
- ⁷⁹ См. прим. 8 на с. 913.
- ⁸⁰ См. прим. 11 на с. 908.
- ⁸¹ *Шмидт С. О.* Историографические источники и литературные памятники // Исследования по древней и новой литературе: Сб. к 80-летию Д. С. Лихачева. Л., 1987. С. 360.
- ⁸² *Гулыга А.* Искусство истории. М., 1980 («Подвиг Карамзина»).

⁸³ Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846) — русский поэт, декабрист, друг А. С. Пушкина.

⁸⁴ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 23.

⁸⁵ Ушинский Константин Дмитриевич (1824—1870/71) — русский педагог-демократ, основоположник научной педагогики в России.

⁸⁶ Галахов Алексей Дмитриевич (1807—1892) — историк литературы, критик, прозаик, педагог.

⁸⁷ Водовозов Василий Иванович (1825—1886) — русский педагог, методист по русской словесности и начальному обучению.

⁸⁸ Стоюнин Владимир Яковлевич (1826—1888) — русский педагог и методист-словесник.

⁸⁹ Поливанов Лев Иванович (1838—1899) — русский педагог, литературовед.

⁹⁰ Майков Валериан Николаевич (1823—1847) — литературный критик, публицист.

⁹¹ *Майков В. Н.* Литературная критика. Л., 1985. С. 36, 38.

⁹² *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины». 2-е изд. М., 1986. С. 37 и след.; *Ланда С. С.* Дух революционных преобразований, 1816—1825. М., 1975; *Козлов В. П.* Полемка вокруг «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина в отечественной периодике // История СССР. 1984. № 5. С. 88—102.

⁹³ Вигель Филипп Филиппович (1786—1856) — литератор, мемуарист, дипломат, директор Департамента иностранных исповеданий, один из основателей «Арзамаса».

⁹⁴ См.: *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1928. Т. 2. С. 95; *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 7. С. 191.

⁹⁵ Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — граф, русский государственный деятель.

⁹⁶ Русский архив. 1867. Кн. 1. С. 919.

⁹⁷ Шлоссер Фридрих Кристоф (1776—1861) — немецкий либеральный историк, автор «Всемирной истории».

⁹⁸ Маркс Карл (1818—1883) — мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма, аналитик классического капитализма, перспектив научно-технического прогресса, автор теоретических схем бытия особых исторических систем и т. д.

⁹⁹ Бёрне Людвиг (1786—1837) — немецкий публицист и литературный критик.

¹⁰⁰ Вестник Европы. 1866. № 2. С. 180—181.

¹⁰¹ Кюстин Астольф де (1790—1857) — маркиз, французский литератор, посетивший Россию по приглашению Николая I.

¹⁰² *Кюстин А.* Николаевская Россия. М., 1930. С. 56—57.

¹⁰³ *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 7. С. 191.

¹⁰⁴ *Пештич С. Л., Циперович И. Э.* «История Государства Российского» Н. М. Карамзина на китайском языке // Народы Азии и Африки. 1968. № 6. С. 125—126.

¹⁰⁵ Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855) — русский историк, общественный деятель, глава московских западников.

¹⁰⁶ См.: Афиани В. Ю. Журнальная археография и историческая наука в первой трети XIX в. // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1976. С. 131—141.

¹⁰⁷ См.: Шмидт С. О. «История Государства Российского» в культуре дореволюционной России // Карамзин Н. М. История Государства Российского. Репринтное воспроизведение издания пятого в трех книгах... М., 1988. Кн. 4.

¹⁰⁸ Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — русский писатель.

¹⁰⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 9. С. 679.

¹¹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 116—117.

IV

«...ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ ВО ВСЕМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА»

А. С. Пушкин

Заметки на полях статьи П. А. Вяземского
«О жизни и сочинениях В. А. Озерова»
(1826)

Впервые опубликованы Л. Н. Майковым в сборнике «Старина и новизна» (СПб., 1897. Кн. 1. С. 305—323. Изложено в виде статьи с цитатами заметок Пушкина); полностью по автографу — Н. В. Богословским в «Красной нови» (1937. Кн. 1. С. 80—87).

Все пушкинские тексты печатаются здесь с указанием в скобках тома и страницы по изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1935—1959 (12, 215).

Заметки находятся на полях и листках бумаги, вклеенных в экземпляр оттиска статьи Вяземского, которая является предисловием к изданию сочинений Озерова 1817 года (переиздана в 1824 году). По-видимому, Вяземский просил Пушкина прорецензировать его статью для переработки в связи с переизданием 1827 года.

Данная в заметках оценка представляет собой реакцию на следующий фрагмент статьи Вяземского:

Текст Вяземского

Стр. VI. Заслуги Озерова, преобразователя русской трагедии, которые можно, не определяя достоинства обоих писателей, сравнить с заслугами Карамзина *, образователя прозаического языка, обращают на себя благодарное и любопытное внимание просвещенных друзей словесности. — Оба оставили между собою и предшественниками своими великое расстояние. Судя по творениям, которые застали они, нельзя не признать, что ими вдруг подвинулось искусство, и если бы не при нас случилось сие важное преобразование, трудно было бы поверить, что оно не приготовлено было

творениями, от нас утраченными. Но для некоторых людей сей Геркулесовский подвиг не существует. Они постоянно коснеют при мнениях прошедшего века.

Текст Пушкина

* Большая разница. Карамзин великий писатель во всем смысле этого слова; а Озеров — очень посредственный. Озеров сделал шаг вперед в слоге, но искусство чуть ли не отступило. Геркулесовского в нем нет ничего.

Наброски предисловия к «Борису Годунову»
(1829—1830)

Впервые опубликованы в качестве письма Пушкина П. В. Анненковым — Соч. Пушкина. 1855. Ч. I. С. 137—139 (11, 140—142).

Предисловие готовилось в связи с хлопотами друзей Пушкина о разрешении издания «Бориса Годунова», выпуск которого в свет не состоялся в 1826 году из-за неблагоприятного отклика Николая I на представленную ему рукопись трагедии.

Замысел «Бориса Годунова» возник у Пушкина непосредственно под впечатлением X и XI томов «Истории государства Российского». Изображение событий эпохи царствования Федора Иоанновича, Бориса Годунова и Лжедмитрия воспринималось современниками как созвучное периоду царствования Александра I.

Как пишет С. О. Шмидт, «пушкинская драма исходит и из важнейшей для историографа и очень дорогой ему мысли о Совести, отступление от правил которой — особенно преступление, убийство — нельзя оправдать никакими благими государственными деяниями и за которое последует возмездие. Это и основа назидания правителям» (*Шмидт С. О.* Пушкин и Карамзин // *Н. М. Карамзин. Юбилей 1991 г. Сб. научных трудов.* М., 1992. С. 81). И далее: «“История” Карамзина уже тогда стала для Пушкина не только базой исторических знаний, а также представлений о методике исторического труда и источником совершенствования художественного мастерства: но и школой государственно-политической мудрости...» (Там же. С. 83).

Свой труд, «гением его вдохновенный» Пушкин посвятил «драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина с благоговением и благодарностью».

Пушкин также отмечал, что обязан Карамзину самой «мыслью» этой драмы. Он не ставил перед собой задачу проводить самостоятельные исторические изыскания и почерпнул весь необходимый материал у Карамзина, как и его историческую концепцию «действующих» социальных сил (См.: *История русской литературы: В 4 т. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму.* Л., 1981. С. 276). И тот и другой изображали народ «как носителя и выразителя объективной идейно-эстетической оценки политических деяний исторических личностей» (Там же). Решающей же силой истории выступает не народ, а противоборство страстей и противоречивость характера. Однако «мнение» народа выражает суд истории и как бы предвосхищает его.

Что же касается изображения характеров, то между Шекспиром и Пушкиным здесь стоит Карамзин, нередко следовавший Шекспиру. Ряд

психологических мотивов «Бориса Годунова» и «Истории» Карамзина (муки совести преступника, многократные отказы от венца, безмолвие народа) восходит к одному источнику: шекспировскому «Ричарду III».

Падение Годунова и успех Самозванца Карамзин объясняет мнением народа, «переставшего любить» царя Бориса.

«Вся заключительная сцена трагедии Пушкина соткана из мотивов “Истории” Карамзина, относящихся не только к убийству Годуновых, но и к предшествующим событиям. И не только Пушкин, но также и Карамзин снимает с народа ответственность за убийство Годуновых и возлагает ее на Самозванца.

Таким образом, при внимательном и непредвзятом сопоставлении трагедии Пушкина с “Историей” Карамзина никакого отступления Пушкина от Карамзина в трактовке роли народа не обнаруживается. Не обнаруживается и какого бы то ни было другого существенного расхождения автора “Бориса Годунова” с “религиозно-монархической” концепцией Карамзина» (Там же. С. 279). «В процессе создания драмы, изучения соответствующих томов труда Карамзина, а также хроник Шекспира Пушкин начинает задумываться над общими законами и движущими силами истории. Карамзин касается их лишь мимоходом» (Там же. С. 283). Он часто говорит о зависимости истории от лица, случая или Провидения. Пушкин также никогда не отрицал вмешательства случая в ход истории, однако показал это в пародийной форме («Граф Нулин»).

В то же время он задумывался о специфических закономерностях русской истории. Подобно Карамзину, Пушкин пытался постичь то, что отличало Россию от исторического опыта западных стран.

Подробнее см.: *Шмидт С. О.* Пушкин и Карамзин // Н. М. Карамзин. Юбилей 1991 г. С. 73—91.

В. А. Жуковскому

(17 августа 1825 г. Из Михайловского в Петербург)

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в «Русском архиве» (1870. № 6. Стб. 1173—1174) (13, 211—212).

П. А. Вяземскому

(13 и 15 сентября 1825 г. Из Михайловского в Москву)

Вторая часть письма (от 15 сентября) впервые опубликована П. И. Бартеневым в «Русском архиве» (1874. Кн. 1. Стб. 419), полностью — Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под редакцией В. И. Сaitова (1906. Т. 1. С. 287—290) (13, 226).

П. А. Плетневу

(Около (не позднее) 29 октября 1830 г. Из Болдина в Петербург)

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в «Сочинениях и переписке П. А. Плетнева». 1885. Т. 3. С. 357 (14, 118).

П. А. Плетневу
(11 апреля 1831 г. Из Москвы в Петербург)

Впервые опубликовано (в отрывке) Я. К. Гротом в «Русском архиве» (1869. Стб. 2069); полностью — им же в «Сочинениях и переписке П. А. Плетнева» (1885. Т. 3. С. 369—370) (14, 161)

Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной,
так и отечественной
(1836)

Впервые напечатано Пушкиным в «Современнике» (1836. Кн. III. С. 94—106, без подписи) (12, 72).

¹ Имеется в виду «Борис Годунов».

² Железный (или Большой) Колпак — юродивый XVI века.

³ См. выше прим. 2.

⁴ «Фригийский», «красный колпак» (революционный).

⁵ Пушкин имеет в виду следующие слова Вяземского из его письма от 28 августа 1825 года: «Жуковский уверяет, что и тебе надобно выехать в лицах юродивого». Эту шутку Пушкин использовал для своего каламбура «авось буду блаженнее» (блаженный — так называли в старину юродивых). В дальнейшем Пушкин еще решительнее отождествляет роль поэта и юродивого — как глашатаев правды в деспотической стране.

⁶ Т. е. «Борис Годунов».

⁷ Орлова Екатерина Николаевна (урожд. Раевская; 1797—1886) — жена М. Ф. Орлова, дочь генерала Н. Н. Раевского.

⁸ О «дикой смеси» в характере Бориса «набожности и преступных страстей» (было сообщено Вяземским в указ. письме).

⁹ Имеются в виду X и XI тома «Истории государства Российского» Карамзина, в которых изображается царствование Бориса и Смутное время.

¹⁰ Имеется в виду трагедия «Борис Годунов», которая печаталась в Петербурге.

¹¹ Речь идет о С. Н. Карамзиной и Е. Н. Мещерской.

¹² Имеется в виду написанная Вяземским биография Фонвизина.

¹³ Пушкин имеет в виду «Историю государства Российского».

П. А. Вяземский
Стихотворения Карамзина
(1866)

Впервые опубликовано: Беседы в Обществе любителей российской словесности. М., 1867. Вып. 1. Отд. II. С. 45—52. Печатается по изданию: *Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика*. М., 1984. С. 253—262.

¹ См. прим. 7 на с. 941.

² Письмо к И. И. Дмитриеву от 6 сентября 1792 г. (*Карамзин Н. М.* Письма И. И. Дмитриеву. СПб., 1862. С. 31).

³ Державин Гаврила Романович (1743—1816) — русский поэт. Приведены строки из стихотворения Державина «Прогулка в Сарском Селе».

⁴ Бюргер Готфрид Август (1747—1794) — немецкий поэт.

⁵ См. прим. 1 на с. 888.

⁶ Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835) — граф, стихотворец-графоман.

⁷ Петров Василий Петрович (1736—1799) — русский поэт.

⁸ См. прим. 1 на с. 908.

⁹ Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800—1844) — русский поэт.

¹⁰ Плещеев Алексей Александрович — приятель Н. М. Карамзина.

¹¹ Россет Климентий Осипович (1811—1866) — брат А. О. Смирновой и А. О. Россета.

¹² См. прим. 15 на с. 870.

И. В. Киреевский

Обозрение русской словесности 1829 года

Впервые: Альманах «Денница на 1830 г.». М., <1830>. С. 9—84. Печатается по изданию: *Киреевский И. В.* Избр. статьи / Сост., вступ. статья и коммент. В. Котельникова. М., 1984. С. 40—61 (с сокращениями).

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) — философ, критик; один из наиболее активных участников Общества любомудрия и «Московского вестника» (1827—1830), издатель журнала «Европеец» (1832), позднее один из главных идеологов славянофильства.

В печати дебютировал критической статьей «Нечто о характере поэзии Пушкина» (Московский вестник. 1828. № 6), вызвавшей восторженный отклик Жуковского. Здесь творческий путь поэта впервые рассмотрен как органический процесс, включенный в перспективу движения новейшей русской и в определенной мере западноевропейской литературы. В «Обзрении русской словесности 1829 года» тот же философский метод применен к новейшей русской литературе в целом, в которой констатируется закономерность движения трех ее «эпох», в лице ее главных представителей: Карамзина, Жуковского и Пушкина. Уже в первых двух статьях Киреевский нащупал генеральную для всей его деятельности проблему — о соотношении русского просвещения с западноевропейским, пока еще преимущественно в их литературно-художественном выражении.

В 1830 г. Пушкин в своей заметке «Денница. Альманах на 1830 год» сочувственно разбирает статью Киреевского «Обозрение русской словесности 1829 года».

«Признав филантропическое влияние Карамзина за характер первой эпохи литературы XIX столетия, идеализм Жуковского за средоточие второй, и Пушкина, поэта действительности, за представителя третьей, автор приступает к обозрению словесности прошлого года», — пишет Пушкин.

Киреевский касается в «Обзрении...» творческой деятельности Новикова, Карамзина, Жуковского, Пушкина, Кюхельбекера, Веневитинова, Вяземского, Баратынского, Дельвига, Шевырева, дает меткие характеристики многих литературных явлений. Но цель критика — «открыть признаки господствующего направления нашей словесности вообще и ее отношение к целостному просвещению Европы».

По мнению Киреевского, в трудах Карамзина берет свое начало «исторический род» русской словесности. В содержание «исторического рода» как жанра литературы включается историзм как принцип познания. Подобный жанр призван «изучать и изображать «действительность» в ее возникновении из прошедшего и развитии в настоящем» (*Котельников В. Литератор-философ // Киреевский И. В. Избр. статьи. М., 1984. С. 18*).

Киреевский дал обзор журнальной критики на Карамзина, отмечая нападки противников историографа.

«Отмечая зрелость мыслей критика, силу и остроумие в доказательствах, попутно не согласившись с некоторыми его приговорами, Пушкин останавливается на том месте статьи, где Киреевский говорит об отсутствии в России литературы. “Мы улыбнулись, прочитав сей меланхолический эпилог, — пишет по этому поводу Пушкин. — Но заметим г-ну Киреевскому, что там, где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное, столь красноречивое «Обозрение словесности», там есть словесность — и время зрелости оной уже недалеко»» (цит. по: *Котельников В. Литератор-философ. С. 13—14*). В статье «Опровержение на критики» Пушкин, по сути цитируя Киреевского, но с другой интонацией, утверждает, что «наша словесность с гордостью может выставить перед Европою Историю Карамзина, несколько од Державина, несколько басен Крылова, пэан 12-го года Жуковского и несколько цветов северной элегической поэзии...» (11, 143).

¹ О деятельности Н. И. Новикова Н. М. Карамзин писал в статье «О книжной торговле и любви к чтению в России».

² Общественное мнение Киреевский считал важнейшим показателем образованности нации, залогом правильного развития личности. Следуя в этом отношении (и не только в этом) просветительской традиции, Киреевский не случайно высоко ценил деятельность Н. И. Новикова и видел в ней образец для современных литераторов и для себя самого.

³ Киреевский неточно называет труд Карамзина «История государства Российского»; последний XII том его вышел в 1829 г., после смерти историка.

⁴ В «Московском вестнике», издателем которого был М. П. Погодин, появились статьи Н. Арцыбашева и П. Строева (1828. Ч. 11, 12; 1829. Ч. 3), неуважительные по тону и содержавшие не всегда обоснованные упреки, а то и просто придирки в адрес «Истории...» Карамзина. Сам Погодин отчасти поддерживал выступления Арцыбашева и Строева (см.: *Московский вестник. 1828. Ч. 12. № 23—24. С. 378—389*), хотя и не был вполне согласен с их мнениями. Впоследствии П. Строев иначе оценил труд Карамзина и в 1835 г. издал обстоятельное справочное пособие «Ключ к “Истории государства Российского” Н. М. Карамзина».

⁵ Исторические взгляды Карамзина и сам принцип летописного построения его «Истории...» подверг критике, в частности, Н. А. Полевой в

рецензии на «Историю государства Российского» (Московский телеграф. 1829. № 12) и в предисловии к собственной «Истории русского народа» (М., 1829. Т. 1).

⁶ В статье М. П. Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия» (Московский вестник. 1829. Ч. 3) содержалась полемика с некоторыми мнениями Карамзина: в частности, ставилась под сомнение виновность Годунова в убийстве и все царствование Бориса расценивалось как блестящая эпоха в русской истории.

Кс. А. Полевой

Взгляд на два обозрения русской словесности 1829 года,
помещенные в «Деннице» и «Северных цветах»
(1830)

Впервые: Московский телеграф. 1830. Ч. 31. № 2. С. 203—232. Печатается в сокращении по изданию: Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика / Сост., вступ. статья и прим. В. Березиной, И. Сухих. Л., 1990. С. 399—406.

Полевой Ксенофонт Алексеевич (1801—1867) — критик, журналист, переводчик, сотрудник, а в 1831—1834 гг. фактический редактор «Московского телеграфа». Брат Н. А. Полевого. Содержание статей Кс. Полевого часто выходило за рамки названия, о чем свидетельствовал колонтитул. Так, в статье «Взгляд на два обозрения русской словесности 1829 года...» на колонтитуле читаем: «О русской литературе».

Альманах «Денница» на 1830 год открывался «Обозрением русской словесности за 1829 год» И. В. Киреевского, альманах «Северные цветы» на 1830 г. — «Обозрением русской словесности за первую половину 1829 года» О. М. Сомова.

Статья Кс. Полевого, по существу, представляет собой попытку ревизии всей дворянской культуры и является наиболее откровенной в полемике «Московского телеграфа» с «литературной аристократией». В статье воздаются хвалы Ф. Булгарину за изображение быта среднего сословия русского народа, за близость публике. В деятельности Булгарина акцентировались те черты и моменты, которые отвечали интересам «Московского телеграфа», при этом закрывались глаза на общий реакционный смысл и политическую одиозность той литературы, которую представлял Булгарин. В этом контексте тем более замечательна оценка, данная Кс. Полевым Н. М. Карамзину: «Карамзин был истинным светилом русских литераторов его времени». По мнению критика, Жуковский и Пушкин далеко уступают Карамзину в степени и широте влияния на русское общество.

Кс. Полевой говорит также о предшественниках Карамзина, в частности, о Н. И. Новикове.

В статье освещены также некоторые существенные аспекты полемики вокруг «Истории государства Российского» Карамзина и, в связи с этим, вокруг «Истории русского народа» Н. Полевого.

¹ Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) — философ, критик.

² Сомов Орест Михайлович (1793—1833) — писатель, критик, журналист.

³ См. прим. 8 на с. 941.

⁴ См. прим. 6 на с. 869.

⁵ Гельвеций Клод Адриан (1715—1771) — французский философ.

⁶ Жалованная грамота дворянству, определившая личные права дворянства и закрепившая его господствующее, привилегированное положение как первого сословия России, сохраняла свою силу и после издания Жалованной грамоты городам (1785), дававшей некоторые уступки развивающемуся купечеству.

⁷ См. прим. 21 на с. 893.

⁸ В 1799 г. Новиков, переехав из Петербурга в Москву, взял в аренду на 10 лет типографию при Московском университете и развернул широкую издательскую деятельность (печатал книги, журналы и газету «Московские ведомости»). Организовал в 1779 г. «Дружеское учение общество», которое в 1784 г. было заменено «Типографической компанией», члены которой (князя Трубецкие, князь Черкасский, братья Лопухины и т. д.) оказывали предприятию Новикова важную материальную поддержку.

⁹ Говоря о «недоразумениях» и «посторонних происшествиях», Кс. Полевой глухо напоминает о печальной судьбе Новикова: когда истек десятилетний срок аренды типографии, по распоряжению Екатерины II договор не продлили, а в 1792 г., также по ее указанию, Новиков по ложному обвинению был объявлен «государственным преступником», организатором заговора против правительства, агентом иностранных государств. Новикова приговорили к смертной казни, замененной пятнадцатилетним заключением в Шлиссельбургской крепости.

¹⁰ Карамзин редактировал (совместно с А. А. Петровым) еженедельник «Детское чтение для сердца и разума» (1785—1789).

¹¹ Ленц Якоб Михаэль Рейнхольд (1751—1792) — немецкий писатель «Бури и натиска».

¹² Киреевский ссылается на статью барона Ф. фон Экштейна в его журнале «Le Catholique» 1829 г., которая была посвящена изданию в 1828 г. в Берлине Л. Тиком (1773—1853), немецким писателем-романтиком, собрания сочинений Я. Ленца.

¹³ Литературно-критический журнал Карамзина издавался в 1791—1792 гг.

¹⁴ См. прим. 13 на с. 870.

¹⁵ Петров Александр Андреевич (1763—1793) — член Дружеского учебного общества, переводчик, близкий друг Карамзина, оказавший на него большое влияние.

¹⁶ См. прим. 14 на с. 948. М. Н. Муравьев был также создателем русской сентиментальной прозы.

¹⁷ См. прим. 9 на с. 888.

¹⁸ Имеется в виду «Российская грамматика» (СПб., 1802), подготовленная Российской академией, неоднократно переиздававшаяся.

¹⁹ Речь идет об издании Н. И. Гречем журнала «Сын отечества» (с 1812).

²⁰ Греч с 1825 г. становится соиздателем журнала Ф. В. Булгарина «Северный архив», который выходил с 1822 г.

²¹ Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859) — журналист, прозаик, критик, издатель.

²² См. предисловие «Истина и сочинитель (Предисловие в лицах)» в первом томе «Сочинений» (СПб., 1827).

²³ Очевидно, имеется в виду прекращение войны европейских держав с Наполеоном I, закрепленное Венским конгрессом (1814—1815).

²⁴ Подразумевается романтическая теория, дававшая основания критическому отношению к классицизму как придворному (и — шире — дворянскому, светскому) стилю.

²⁵ Кс. Полевой имел в виду многочисленные публикации начала 1820-х гг., посвященные теории романтизма.

²⁶ Самой острой критике роман Булгарина «Иван Выжигин» подвергся в статьях Н. И. Надеждина (Вестник Европы. 1829. № 10. С. 114—133; № 11. С. 197—222; Атений. 1829. № 9. С. 298—324).

²⁷ Наиболее резкие (граничащие с неприличием) выступления против «Московского телеграфа» в 1829 г. исходили от журнала С. Е. Раича «Галатея» и журнала А. Ф. Воейкова «Славянин».

²⁸ Подразумевается статья М. П. Погодина о первом томе «Истории русского народа» Н. Полевого (Московский вестник. 1830. № 1).

²⁹ Имеется в виду отрывок из письма к А. И. Г-ой, то есть А. И. Готовцевой, поэтессе круга Пушкина и Вяземского.

³⁰ Вильмен Абель Франсуа (1790—1870) — французский историк и критик.

³¹ Речь идет о работе Н. А. Полевого «История государства Российского». Сочинение Н. М. Карамзина». См. наст. изд. С. 134—152.

³² Статья Н. С. Арцыбашева «Замечания на Историю государства Российского, сочиненную г. Карамзиным», напечатана в «Вестнике Европы» (1828. № 19—20, 21—22, 23—24).

³³ Статья М. Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Дмитрия» напечатана в «Московском вестнике» (1829. Ч. 3. С. 90—126).

³⁴ Булгарин в статье об «Истории государства Российского» не соглашается с мыслью Карамзина о причастности Бориса Годунова к убиению Дмитрия (Северный архив. 1825. № 1. С. 71).

³⁵ О. М. Сомов в своем обзоре в «Северных цветах на 1830 г.» писал, что исторические работы М. Погодина «доказывают слабость его в исторической критике» (с. 25).

В. Г. Белинский

Литературные мечтания
(1834)

Впервые: Молва (газета мод и новостей, издаваемая при «Телескопе»). 1834. № 38. С. 173—176; № 39. С. 190—194; № 41. С. 221—236; № 42. С. 248—256; № 45. С. 295—302; № 46. С. 308—318; № 49. С. 360—377; № 50. С. 387—402; № 51. С. 413—428; № 52. С. 438—

462. Подпись: *он –инский*. Печатается по изданию: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 54—60, 65—66.

Сочинения в прозе и стихах, Константина Батюшкова
Издание второе. Санкт-Петербург, в типографии
И. Глазунова, 1834

Впервые: Молва. 1835. Ч. IX. № 13. Стб. 204—210. Подпись: *он–инский*. Печатается по изданию: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 165.

О русской повести и повестях г. Гоголя
(«Арабески» и «Миргород»)
(1835)

Впервые: Телескоп. 1835. Ч. XXVI. № 7 и 8. С. 535—603. Подпись: *В. Белинский*. Печатается по изданию: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 260.

Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого
1839 Санкт-Петербург. В тип. Сахарова. Две части

Впервые: Отечественные записки. 1840. Т. VIII. № 1. Отд. VI. С. 36—54. Печатается по изданию: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 3. С. 512—513.

Сто русских литераторов
Издание книгопродавца А. Смирдина. Том второй. Булгарин.
Вельтман. Веревкин. Загоскин. Каменский. Крылов. Масальский.
Надеждин. Панаев. Шишков. Санкт-Петербург. 1841

Впервые: Отечественные записки. 1841. Т. XVII. № 7. Отд. V. С. 1—22. Без подписи. Печатается по изданию: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 5. С. 191.

Русская литература в 1841 году

Впервые: Отечественные записки. 1842. Т. XX. № 1. Отд. V. С. 1—32. Без подписи. Печатается по изданию: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 5. С. 537—542.

Речь о критике, произнесенная в торжественном собрании
императорского Санкт-Петербургского университета марта
25-го дня 1842 года экстраординарным профессором, доктором
философии А. Никитенко. Статья третья

Впервые: Отечественные записки. 1842. Т. XXV. № 11. Отд. V. С. 1—12. Без подписи. Печатается по изданию: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 321, 322.

Русская литература в 1844 году

Впервые: Отечественные записки. 1845. Т. XXXVIII. № 1. Отд. V. С. 1—42. Печатается по изданию: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 8. С. 434—435.

Рецензии, март-апрель 1845 г.

(Сочинения Константина Масальского)

Отечественные записки. 1845. Т. XXXIX. № 4. Отд. VI. С. 23—29. Без подписи. Печатается по изданию: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 9. С. 16—17.

Тарантас. Путевые впечатления

Сочинение графа В. А. Соллогуба. Санкт-Петербург, 1845

Впервые: Отечественные записки. 1845. Т. XL. № 6. Отд. V. С. 29—62. Без подписи. Печатается по изданию: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 9. С. 78—79.

Сочинения Александра Пушкина.

Санкт-Петербург. Одиннадцать томов.

MDCCCXXXVIII—MDCCCXLI

Впервые: Статья первая: Отечественные записки. 1843. Т. XXVIII. Кн. VI. Отд. V. С. 19—42; Статья вторая: Там же. 1843. Т. XXX. Кн. IX. Отд. V. С. 1—60; Статья десятая: Там же. 1845. Т. XLII. Кн. XI. Отд. V. С. 41—68. Печатается по изданию: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 121, 122, 127—129, 132—139, 166, 168, 508—515, 524—525.

Русская литература в 1845 году

Впервые: Отечественные записки. 1846. Т. XLIV. № 1. Отд. V. С. 1—32. Без подписи. Печатается по изданию: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 9. С. 382—384.

Мысли и заметки о русской литературе
(1846)

Впервые: Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. СПб., 1846. С. 515—560. Подпись: *В. Белинский*. Печатается по изданию: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 9. М., 1955. С. 444.

Взгляд на русскую литературу 1846 года

Впервые: Современник. 1847. Т. 1. № 1. Отд. III. С. 1—56. Без подписи. Печатается по изданию: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 10. С. 7—50.

Николай Алексеевич Полевой

Впервые отдельным изданием: Николай Алексеевич Полевой. Сочинение В. Белинского. СПб., 1846. Печатается по изданию: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 9. С. 671—696.

¹ Имеется в виду стихотворение Жуковского «Надпись на могиле Карамзина» (1826):

Лежит венец на мраморе могилы,
Ей молится России верный сын,
И будит в нем для дел прекрасных силы
Святое имя — Карамзин.

² Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич (1790—1849) — поэт, эссеист, историк, поклонник Н. М. Карамзина, автор книг: «Дух Карамзина, или Избранные мысли и чувствования сего писателя» (М., 1827) и «Речи в память Историографу Российской империи» (Лит. музеум. 1827).

³ См. прим. 2 на с. 964. О. М. Сомов был автором ст. «Антикритика. Хладнокровные замечания на толки гг. критиков “Истории государства Российского” и их сопричетников» (Московский телеграф. 1828. Ч. 25. С. 238). См. наст. издание, с. 195—200.

⁴ См. наст. издание, с. 924. Автор статьи «Замечания на Историю государства Российского, сочиненную г. Карамзиным» (Московский вестник. 1828. № XIX—XXIV). См. наст. издание, с. 165—170.

⁵ Белинский указывает здесь, что в борьбе вокруг исторической концепции Н. М. Карамзина он равно отбрасывает и вульгарную критику ее у Н. С. Арцыбашева, и неумеренное преклонение перед ней В. А. Жуковского и Н. Д. Иванчина-Писарева. Сам Белинский ближе стоял к главе скептической школы М. Т. Каченовскому. В 1818 г. Каченовский первым выступил в «Вестнике Европы» с критикой «Истории государства российского» Карамзина, справедливо усматривая родство ее с тенденциозной историографией XVIII в., стремившейся представить историю как собрание образцовых характеров. «Требую от историка, — писал Каченовский, — чтобы он показывал мне людей такими точно, какими они действительно были». Белинский слушал его лекции в университете. Каченовский имел большое влияние на своих слушателей, в том числе и на членов кружка Н. В. Станкевича. Белинский так оценивал впоследствии деятельность Каченовского: «Всякая история должна отличаться перспективою, так что, если смотреть от конца к началу, всё видно уже и темнее, по мере отдаления. Вот об этой-то исторической перспективе говорил покойный профессор Каченовский, которого здравым и основательным идеям и умному скептицизму в деле русской истории доселе еще не отдано должной справедливости» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 59). Статьи Арцыбашева, направленные против Карамзина, печатались в «Московском вестнике» Погодина, злейшего врага «скептической школы». Каченовского за его скептицизм поносили «желтяком».

⁶ См. прим. 2 на с. 908.

⁷ См. прим. 1 на с. 888.

⁸ Воейков Александр Федорович (1779—1839) — поэт, переводчик, журналист.

⁹ Шаликов Петр Иванович (1767 или 1768—1852) — князь, писатель, издатель, поэт-сентименталист.

¹⁰ Стих из «Горя от ума» (д. IV, явл. 4). У Грибоедова он читается: «Да из чего беснуетесь вы столько?»

¹¹ Стихи из «Евгения Онегина», где второй стих читается: «И вот, на чем вертится мир!» (гл. VI, строфа XI).

¹² Державин Гаврила Романович (1743—1816) — русский поэт.

¹³ См. прим. 10 на с. 870.

¹⁴ Петров Василий Петрович (1736—1799) — русский поэт.

¹⁵ См. прим. 13 на с. 870.

¹⁶ Роллень (Роллен) Шарль (1661—1741) — известный французский историк и педагог.

¹⁷ Псевдоним О. И. Сенковского.

¹⁸ Стихи из сказки Карамзина «Илья Муромец» (1795).

¹⁹ См. прим. 4 на с. 888. Письма Д. И. Фонвизина, адресованные частью его сестре Ф. И. Фонвизиной и частью графу П. И. Панину, сыграли существенную роль в становлении русской прозы.

²⁰ Имеется в виду встреча Карамзина с аббатом Жан-Жаком Бартеlemi, археологом и романистом, автором романа «Путешествие Анахарсиса по Греции», переведенного на все европейские языки, в т. ч. и на русский.

²¹ Белинский имеет в виду переводы В. А. Жуковского, трагедии В. А. Озерова и критические статьи А. Ф. Мерзлякова.

²² Белинский имеет в виду Ломоносова.

²³ «История русского народа» Полевого, полемически направленная против «Истории государства Российского» Карамзина, начала выходить в 1829 г.; к 1840 г. вышло 6 томов.

²⁴ Статья Полевого о Пушкине, вызванная смертью поэта, появилась в № 2 «Библиотеки для чтения» за 1837 г.

²⁵ См. прим. 16 на с. 950.

²⁶ См. прим. 6 на с. 941.

²⁷ См. прим. 8 на с. 941.

²⁸ См. прим. 1 на с. 908.

²⁹ Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — русский писатель, драматург.

³⁰ См. прим. 2 на с. 892.

³¹ Полоцкий Симеон (1629—1680) — поэт, писатель, общественный деятель, зачинатель русского силлабического стихотворства.

³² Кантемир Антиох Дмитриевич (1708—1744) — русский поэт, автор сатир.

³³ Поповский Николай Никитич (1730—1760) — русский просветитель, философ и поэт.

³⁴ Крашенинников Степан Петрович (1711—1775) — русский путешественник, составил первое «Описание земли Камчатки».

³⁵ Козицкий Григорий Васильевич (1724—1775) — писатель, переводчик, преподаватель красноречия, редактор журнала «Всякая всячина».

³⁶ Макаров Петр Иванович (1764—1804) — критик, журналист, переводчик, прозаик.

³⁷ См. прим. 7 на с. 941.

³⁸ Намек на «Опыт краткой истории русской литературы» Н. Греча (СПб., 1822). Книга представляла собой справочник, содержащий перечень произведений и некоторых биографических фактов с подробным указанием чинов, титулов, наград писателей.

³⁹ «Кадм и Гармония» — роман М. М. Хераскова.

⁴⁰ Белинский не совсем прав. Еще в 1804 г. повести Карамзина были изданы в Лондоне на английском языке, в 1814 г. вышел итальянский перевод стихотворений из избранной прозы Карамзина, в 1821 г. появились переводы его стихов на английском языке.

⁴¹ Под «педантами» Белинский подразумевает историка Н. С. Арцыбашева — автора «Замечаний на “Историю государства Российского” Карамзина» (Московский вестник. 1828. Ч. XI и XII; 1829. Ч. III) и в особенности М. П. Погодина, напечатавшего в своем журнале критические замечания Арцыбашева и поддержавшего его. Арцыбашева, как автора «Повествования о России» (Т. I—III. М., 1838—1843), и Погодина Белинский имеет в виду и далее, говоря о наших «ученых», пробавающих исследованием Шлецера о Несторе. Белинский намекает на то обстоятельство, что Арцыбашев и Погодин, несмотря на мелочную критику Карамзина, сами не пошли в своих работах дальше пересказа летописи и работ о ней Шлецера.

⁴² См. прим. 6 на с. 904.

⁴³ См. прим. 5 на с. 904.

⁴⁴ См. прим. 11 на с. 918.

⁴⁵ См. прим. 15 на с. 918.

⁴⁶ См. прим. 19 на с. 919.

⁴⁷ Белинский говорит здесь о Н. А. Полевом, противопоставлявшем взглядам Карамзина идеи Гизо, Тьерри, Баранта и других новейших западноевропейских буржуазных историков того времени в своей статье об «Истории государства Российского» Карамзина (Московский телеграф. 1829. Ч. XXVII. № XII. С. 467—500). Далее Белинский упоминает его же «Историю русского народа».

⁴⁸ Начальная фраза т. VI «Истории государства Российского» Карамзина (СПб., 1817. С. 5).

⁴⁹ О книге Кошихина (Г. К. Котошихина) «О России в царствование Алексея Михайловича» см. в первой статье Белинского о «Деяниях Петра Великого».

⁵⁰ Термин «славянофилы» употреблен здесь Белинским в значении: последователи Шишкова, шишковисты, литературные противники Карамзина.

⁵¹ Начало критическому отношению к писателям-классикам положено было в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России», появившейся в 1823 г. в альманахе «Полярная звезда». Автором статьи был А. А. Бестужев-Марлинский, первый представитель романтической критики в России. Но в полной мере «все подвиги новой критики» совершил Н. А. Полевой, который в период «Московского телеграфа» стоял во главе

романтической критики. Основные его статьи, посвященные переоценке русских и иностранных писателей и напечатанные первоначально на страницах «Московского телеграфа», вошли потом в его «Очерки русской литературы», изданные в 1839 г. Белинский подверг эти «Очерки» суровой критике.

⁵² См. наст. изд., с. 907.

⁵³ См. прим. 3 на с. 884.

⁵⁴ Длинное послание князя Вяземского под заглавием «Послание к М. Т. Каченовскому» (Сын отечества. 1821. Ч. 67. № 2. С. 76—81) отличается крайней резкостью, о чем можно судить уже по началу его, приведенному Белинским. М. Т. Каченовский перепечатал полностью это «Послание», озаглавив его: «Послание ко мне от к<нязя> Вяземского», и снабдил его текст рядом тонко иронических подстрочных примечаний. К первому стиху «Послания», где слово «Каченовский» поставлено с восклицательным знаком, сделано примечание такого рода: «Благодарность издателям “Сына отечества”! Поставив запятую и знак восклицательный, они отвели ругательство от меня и подозрение в дурном умысле г-на Вяземского, которого выпрепленный гений, презирующий правила и грамматики и синтаксиса, легко мог просмотреть ничтожные знаки препинания» (Вестник Европы. 1821. Т. CXVI. № 2. С. 98—106).

⁵⁵ В «Московском вестнике» были напечатаны «Замечания на “Историю государства Российского”» Н. С. Арцыбашева (1828. № 19 и 20. С. 285—318; № 21 и 22. С. 52—91; № 23 и 24. С. 254—285), на которые П. А. Вяземский ответил сатирой под заглавием «Быль», напечатанной в «Московском телеграфе» (1828. № 19). Эта сатира была написана П. А. Вяземским лет за десять до появления ее в печати по поводу первых выступлений М. Т. Каченовского против «Истории государства Российского». В этом он сам признался в примечании, которым он снабдил свою сатиру. «Замечания» Н. С. Арцыбашева и сатира П. А. Вяземского вызвали длительные споры и в печати и в обществе (ср.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1891. Кн. II. С. 234—264).

⁵⁶ Возможно, что Белинский подразумевал Ф. В. Булгарина, который незадолго перед тем писал в «Журнальной всякой всячине»: «На нашем веку... не дерзали и не дерзнем преобразовать правописание, утвержденное Карамзиным и его достойными сподвижниками, да и не видим в этом никакой нужды. Все эти перестановки букв до того сбили с толку русских читателей, что они уже не знают, чего держаться: что издание, то новый язык, новое правописание!» (Северная пчела. 1845. 10/III. № 55. С. 218).

⁵⁷ См. прим. 29 на с. 870.

⁵⁸ См. прим. 7 на с. 908.

⁵⁹ См. прим. 18 на с. 911.

⁶⁰ См. прим. 6 на с. 878.

⁶¹ См. выше, прим. 39.

⁶² См. прим. 14 на с. 969.

⁶³ Костров Ермил Иванович (1751—1796) — русский поэт и переводчик.

⁶⁴ Богданович Ипполит Федорович (1743—1803) — русский поэт.

⁶⁵ См. прим. 3 на с. 892.

⁶⁶ Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1829) — русский поэт, автор од и песен в духе сентиментализма, приближенных к народным.

⁶⁷ По всей видимости, Белинский ошибся в названии очерка Карамзина «Чувствительный и холодный. Два характера».

⁶⁸ Свифт Джонатан (1667—1745) — английский писатель.

⁶⁹ См. прим. 4 на с. 876.

⁷⁰ См. прим. 6 на с. 869.

⁷¹ Пиго-Лебрен (Антон Пиго де Л'Епинау; 1753—1835) — французский романист.

⁷² Крамер Карл Готлиб (1758—1817) — немецкий романист.

⁷³ Радклейф (Радклиф, Radcliffe) Энн (1764—1823) — английская писательница. Наиболее значительное произведение — роман «Удольфские тайны» (1794). Для произведений этой писательницы, в свое время пользовавшихся большим успехом и вызвавших немало подражаний и подделок, характерна поэтика «готического» романа (фантастические ужасы, таинственные происшествия и т. п.).

⁷⁴ Дюкре-Дюмениль Франсуа Гильом (1761—1819) — французский писатель.

⁷⁵ См. прим. 2 на с. 888.

⁷⁶ Коттен Мари (1770—1807) — французская писательница.

⁷⁷ См. прим. 8 на с. 869.

⁷⁸ Ср. эту оценку «Истории» Карамзина с более поздней оценкой его исторических воззрений в статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Белинский, вскрывая идеологические корни славянофильства, находит их в исторической концепции Карамзина: «Известно, что в глазах Карамзина Иоанн III был выше Петра Великого, а допетровская Русь выше России новой. Вот источник так называемого славянофильства...»

⁷⁹ Белинский цитирует Пушкина. У Пушкина («Евгений Онегин», глава II, строфа XXXVIII), восьмой стих сверху читается: «И к гробу прадедов теснит».

⁸⁰ См. прим. 10 на с. 923.

⁸¹ Имеется в виду книга Н. И. Греча «Опыт краткой истории русской литературы» (СПб., 1822). Более подробно «Опыт...» Греча Белинский охарактеризовал в 1845 г., в статье об «Опыте истории русской литературы» А. В. Никитенко.

⁸² Белинский здесь не точен. Основным, но не единственным источником, откуда Пушкин заимствовал исторические материалы для «Бориса Годунова», были X и XI тома «Истории государства Российского»: они увидели свет в марте 1824 г. В осмыслении же исторических событий Пушкин стоял по ряду существенных вопросов на позициях, прямо противоположных Карамзину. Политические воззрения Пушкина нашли выражение, в частности, в разговоре Афанасия Пушкина с Шуйским («Москва. Дом Шуйского») и в разговоре Гаврилы Пушкина с Басмановым («Ставка»).

⁸³ См. прим. 13 на с. 911.

⁸⁴ Сильвестр (?—ок. 1566) — священник Московского Благовещенского собора.

⁸⁵ Адашев Алексей Федорович (?—ок. 1561) — окольничий.

⁸⁶ Анастасия Романовна (урожд. Захарьина; ?—1560) — первая жена Ивана Грозного.

⁸⁷ Скуратов-Бельский (Малюта) Григорий Лукьянович (?—ок. 1571) — приближенный Ивана Грозного, глава опричного террора.

⁸⁸ Цитата из опубликованного анонимно перевода Леонтьева (Репертуар русского театра. 1840. № 9. Прил. № 1. С. 18; акт II, сцена 7).

⁸⁹ Стих из стихотворения Лермонтова «Не верь себе».

⁹⁰ Имеется в виду эпиграмма: «Послушайте: я сказку вам начну». «Илья-богатырь» — стихотворная сказка «Илья Муромец», которую Карамзин начал (и не закончил) в 1794 г.

⁹¹ О. И. Сенковский высмеивал употребление старинных слов в статье «Резолюция на челобитную *сего, оного, такового, коего, вышеупомянутого, вышереченного, нижеследующего, ибо, а потому, поелику, якобы* и других причастных к оной челобитной, по делу об изгнании оных, без суда и следствия, из русского языка» (Библиотека для чтения. 1835. Т. 8. № 2. Отд. VII. С. 26—34). Иронический выпад против Сенковского, который «даже завязал целое дело о двух местоимениях: “сей” и “оный”, которые показались ему неизвестно почему неуместными “в русском слоге”», действительно, имеется в опубликованной в первом номере пушкинского «Современника» статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 гг.», которую Белинский рассматривал как программу нового журнала, приписывая ее перу самого издателя, т. е. Пушкина. В ответ на это Белинский в своей рецензии на первую книжку «Современника» решительно возражал против защиты «старопечатных слов».

⁹² См. прим. 9 на с. 961.

⁹³ Дельвиг Антон Антонович (1798—1831) — русский поэт, издатель, друг Пушкина.

⁹⁴ Катенин Павел Александрович (1792—1853) — поэт, драматург, литературный критик, переводчик.

⁹⁵ См. прим. 23 на с. 870.

⁹⁶ В своем романе в стихах «Евгений Онегин» Пушкин писал: «Там наш Катенин воскресил Корнеля гений величавый (глава 1, строфа XVIII); при этом подразумевался перевод Катениным трагедии Корнеля «Сид».

⁹⁷ См. прим. 82.

⁹⁸ Здесь: ирония, ибо «Эолова арфа» — баллада В. А. Жуковского.

⁹⁹ В современном языкознании более употребителен другой термин — идиома — для обозначения выражений, свойственных только одному языку и не поддающихся переводу на другие языки.

¹⁰⁰ Издатель «Московского Меркурия» (1803) и других журналов, П. И. Макаров был убежденным сторонником обновления литературного языка и защищал карамзинскую реформу, борясь против А. С. Шишкова.

¹⁰¹ Письма Д. И. Фонвизина, написанные им во время заграничных путешествий (1777—1778 и 1784—1785), отличаются критическим отношением писателя к западноевропейской действительности.

¹⁰² См. прим. 22 на с. 893.

¹⁰³ См. прим. 16 на с. 870.

А. В. Дружинин

Критика гоголевского периода русской литературы
и наши к ней отношения

Впервые: Библиотека для чтения. 1856. № 11. Отд. V. С. 1—30; № 12. Отд. V. С. 31—64. Подпись: *редактор*. Печатается по изданию: Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 185—189.

Дружинин Александр Васильевич (1824—1864) — писатель, литературный критик.

Сопоставляя творчество Пушкина и Карамзина («А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений»), критик подчеркивает их роль в становлении русского литературного языка: «Карамзин и Пушкин, столь много сделавшие для родного слова, были оба писателями светски-образованными, знающими много языков и особенно сильными во французской словесности. Законы французского языка, столь определенного, сжатого, обработанного и в совершенстве развивающего умственную гибкость пишущего, были им знакомы до тонкости, и такое знакомство не могло пропасть даром для людей, имевших в виду упрощение русской речи и сближение языка разговорного с языком письменным» (*Дружинин А. В. Прекрасное и вечное*. М., 1988. С. 58). Кроме этого, Дружинин, указывая на безусловную связь «Бориса Годунова» с «Историей государства Российского», сетует на тогдашнюю критику, которая не смогла стать посредником между пушкинским творением и публикой, «хотя “История” Карамзина, жадно читавшаяся во всех сословиях, уже породила в то время страсть к родной старине» (Там же. С. 73).

Как известно, Дружинин формулировал два теоретических представления об искусстве, одно из которых назвал артистическим, другое — дидактическим (см.: *Скатов Н. Н. А. В. Дружинин — литературный критик // Дружинин А. В. Прекрасное и вечное*. С. 12—13), однако в Карамзине он замечает и то, и другое: «Почти все великие деятели русской словесности были не простыми певцами, но вместе с тем и *учителями* своих читателей, принимая слово “учитель” в его весьма прозаическом смысле. Иначе и быть не может в обществе еще юном, еще недавно призванном к образованию. <...> Ломоносов не посвящал оде всей своей жизни — он обрабатывал русскую грамматику, набрасывал исторические заметки, думал о русском театре, занимался естественными науками. Карамзин не отдавался одному какому-либо роду деятельности, но прерывал лучшие труды свои для того, чтобы сеять вокруг себя благие начатки образования, знакомить современников с ходом иностранного искусства, указывать писателям новые пути и руководить их своим примером» (Там же. С. 87). Пушкин, считает Дружинин, подобен в этом отношении прежде всего Карамзину и Жуковскому. Критик пишет: «В дидактическом своем влиянии на русскую публику он (Пушкин. — *Сост.*) соединял в себе Карамзина с Жуковским, подобно второму действуя через прямое влияние примера, по методе Карамзина, входя в более прямое соотношение с своим читате-

лем. Лирик и историк, переводчик и романист, эпический поэт и повествователь, Пушкин представил России драгоценные образцы деятельности во всех родах, даже ему не симпатических. Но одних образцов оказывалось недостаточно — развитие вкуса в массе читателей шло слишком медленно, по убеждению нашего поэта. Пушкин нашел возможность посвящать часть своего времени деятельности другого рода. Подобно Карамзину, в лучшие годы его деятельности, Александр Сергеевич находил время на журнальное сотрудничество, на рецензии, заметки, этюды, очерки, сатиры против того направления словесности, которое казалось ему ошибочным. Ни промахи нашей критики, ни личности задорных противников, ни детская незрелость журнальных деятелей не были способны отклонить поэта от прямых бесед с публикой» (Там же. С. 88). В статье «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов (Из путевых заметок) И. Гончарова. СПб., 1855» критик резюмирует: «...и Карамзин и Пушкин были настолько же наставниками современников, насколько они были служителями Аполлона» (Там же. С. 121).

Еще одна грань карамзинского наследия, которую отмечает критик, — это способность иронически взглянуть на собственное творчество, это «здоровость направления» («...Карамзин смеялся над Эрастами своей эпохи»).

В статье «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» Дружинин подчеркивает заслуги русской критики сороковых годов в деле выработки правильного отношения к старым писателям, правильного их понимания, что совсем не исключает дальнейшего их изучения и осмысления.

¹ См. прим. 8 на с. 941.

² См. прим. 10 на с. 869.

³ См. прим. 1 на с. 888.

⁴ Орлов Александр Анфимович (1791—1840) — московский литератор, автор сатирических произведений, рассчитанных на вкус самого незыскательного читателя.

⁵ Сигов — лубочный писатель 1830—1840-х годов.

⁶ Кузьмичев Федот Семенович (1809—1860) — лубочный писатель, автор повести «Дочь разбойника, или Любовник в бочке».

⁷ Джеффри Фрэнсис (1773—1850) — английский критик и эссеист.

⁸ См. прим. 22 на с. 933.

⁹ См. прим. 3 на с. 961.

¹⁰ См. прим. 4 на с. 888.

¹¹ См. прим. 64 на с. 971.

¹² См. прим. 13 на с. 870.

¹³ См. прим. 2 на с. 892.

¹⁴ См. прим. 3 на с. 892.

¹⁵ См. прим. 63 на с. 971.

¹⁶ См. прим. 7 на с. 961.

¹⁷ Бобров Семен Сергеевич (1767—1810) — русский поэт.

¹⁸ Главный герой одноименной трагедии В. Шекспира.

¹⁹ См. прим. 32 на с. 969.

Ап. Григорьев

Народность и литература

Впервые: *Время*. 1861. № 2. Отд. «Критический обзор». С. 83—112. Печатается по изданию: *Григорьев Аполлон*. Эстетика и критика / Вступ. статья, сост. и прим. А. И. Журавлевой. М., 1980. С. 181—188 и 191—199.

Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864) — литературный и театральный критик, поэт, переводчик, мемуарист.

Очерк А. А. Григорьева о Карамзине представляет значительный интерес. Оценивая карамзинское наследие в свете актуальной общественно-литературной ситуации — западничество и славянофильство, критик открывает новые грани проблемы. Он, подчеркивая безосновательность притязаний славянофилов присвоить себе имя Карамзина, указывает на его европейские симпатии в первоначальный период деятельности.

Полемизируя с Белинским, критик называет «Письма русского путешественника» книгой удивительной, в которой русский человек приходит в общечеловеческую жизнь. Григорьев отмечает «непонимание народности», но в то же время находит, что «образ мыслей и чувствований», равно как и язык Карамзина, улучшаясь с годами, все более и более приближается к языку старых памятников. Критик сопоставляет Карамзина с Радищевым в деле внесения в жизнь новых нравственных понятий и смягчения нравов, подчеркивая, что Карамзин как талант практический быстрее достиг поставленной цели.

Григорьев останавливается на переломе в деятельности Карамзина («Поклонник Руссо, он становится в своей “Истории Государства Российского” совершенно иным человеком») и дает свое объяснение этому, называя Карамзина «русским европейцем».

Критик подчеркивает важнейшую особенность концепции Карамзина-историка: «В нем нет еще мысли, что мы — племя особенное, предназначенное иному, нежели другие племена человечества. Общие его эпохе идеи приносят он с собою в русскую историю, а это самое делает его историю, помимо ее недостатков, одним из вечных памятников нашего народного развития».

Значение Карамзина Григорьев видит в том, что он «в своей первоначальной и в своей последующей деятельности является проводником общего, западного образования».

Григорьев впервые сопоставил Карамзина и Островского. Упоминая пьесу Карамзина «Софья», которая «наводила благочестивый ужас», хотя «читалась жадно», критик пишет далее, что его более благоразумные, чем эта юношеская драматическая попытка, повести, моральные рассуждения и статьи в сущности имели одну задачу — смягчить жестокие (по выражению Кулигина в «Грозе») нравы, его окружавшие... Григорьев сравнивает Карамзина и Островского в их отношении к истории, в их понимании «нашей народности». Критик полагает, что представление Карамзина о «нашей народности» было ошибочным и стало источником «ложных литературных отношений к этому весьма важному делу».

«Григорьев принадлежит к тем немногим читателям Карамзина, кто желает взглянуть многогранно, уйти от “общепринятых крайностей”. Тут

Григорьев продолжил линию Пушкина, к ней явно близок и Гоголь...» (*Эйдельман Н.* Последний летописец. М., 1983. С. 155).

¹ Более точно отношение славянофилов к Карамзину отражено в статье К. С. Аксакова «О Карамзине. Речь, написанная для произнесения перед симбирским дворянством (1848; см. наст. изд., с. 642—654).

² См. прим. 16 на с. 950.

³ См. прим. 4 на с. 888.

⁴ См. прим. 3 на с. 961.

⁵ «Россияда» — произведение М. М. Хераскова, первая русская эпическая поэма (1779).

⁶ См. прим. 1 на с. 888.

⁷ См. наст. изд., с. 45—49.

⁸ Речь идет о Жан-Жаке Руссо.

⁹ Имеется в виду Вольтер, который последние два десятилетия жизни провел в своем имении Ферне на границе Швейцарии и Франции.

¹⁰ См. прим. 31 на с. 919.

¹¹ См. прим. 46 на с. 954.

¹² Лихачев Василий Богданович — стольник, в 1658—1659 гг. путешествовал во Флоренцию и оставил записки.

¹³ Чемоданов Иван Иванович — дипломат, в 1656 г. путешествовал во Флоренцию и оставил записки.

¹⁴ Григорьев имеет в виду письмо Д. И. Фонвизина к родным от 18 (29) сентября 1777 г.: «Комедий видели мы с десятков, переводных оригинальных. Играют изрядно, но польский язык в наших ушах кажется так смешон и подл, что мы помираем со смеху во всю пьесу» (*Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 416).

¹⁵ Письмо к Панину от 19 сентября 1778 г. (Там же. С. 481). Но в то же время Фонвизин пишет: «Достойные люди, какой бы нации ни были, составляют между собою одну нацию. Выключая их из французской, при мечал я вообще ее свойство» (с. 460).

¹⁶ В этом же письме говорится о корыстолюбии создателей «Энциклопедии». Исключение из этого суждения Фонвизин делает только для Руссо.

¹⁷ Григорьев иронически цитирует слова Вольтера о Шекспире, которого он оценивал с позиций эстетики классицистической трагедии.

¹⁸ Карамзин, путешествуя по Европе (1789—1790), посетил Канта в Кенигсберге, однако беседовал с ним не о «пустяках», о а важнейших нравственно-философских вопросах.

¹⁹ Радищев Александр Николаевич (1749—1802) — русский революционный мыслитель, писатель.

²⁰ В статье «Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия» Ап. Григорьев пишет: «Никому, конечно, в наше время при чтении “Софьи” Карамзина не придет в голову мысль о том, что это произведение для нравственности вредное. “Софья” — просто плохая вещь, и потому, конечно, великий писатель исключил ее из собрания своих сочинений. Но в эту эпоху даже и его “Софья” <...> возбуждала в поборниках шишковизма благочестивый ужас, ибо вся его молодая литературная деятельность имела

одну задачу — смягчить *жесткие* нравы, его окружавшие. Поборникам старых идеалов, поборникам “жестких”, но крепких нравов такое смягчение казалось растлением...” (Григорьев А. Эстетика и критика. С. 310).

²¹ См. прим. 22 на с. 893.

²² См. прим. 15 на с. 911.

²³ В «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьев отмечает положительные стороны в деятельности Ивана Грозного.

²⁴ См. прим. 1 на с. 908.

²⁵ Даниил Заточник (XII или XIII в.) — древнерусский писатель.

²⁶ Мей Лев Александрович (1822—1862) — русский поэт и драматург. Имеется в виду историческая драма из времен Ивана Грозного «Псковитянка», написанная Л. А. Меем в 1850—1859 гг.

²⁷ См. прим. 65 на с. 920.

²⁸ См. прим. 13 на с. 911.

²⁹ Островский Александр Николаевич (1823—1886) — русский драматург.

³⁰ См. прим. 19 на с. 911.

³¹ Мстислав Владимирович Великий (1076—1132) — великий князь Киевский с 1125 по 1132 г., старший сын Владимира Мономаха. Мстислав Изяславич (?—1170) — сын киевского князя Изяслава Мстиславича, внук Мстислава Великого.

Н. Н. Страхов

Вздох на гробе Карамзина
(Письмо в редакцию «Зари»)

Впервые: Заря. 1870. Кн. 10. Отд. II. С. 202—232. Печатается по первому изданию.

Страхов Николай Николаевич (1828—1896) — русский философ, публицист, литературный критик, член-корреспондент Петербургской академии наук, первый биограф Ф. М. Достоевского. Псевдоним — Н. Косица.

Н. Н. Страхов ответил на очерк А. Н. Пыпина о Карамзине (четвертая часть «Очерков общественного движения при Александре I» — «Карамзин. Записка о древней и новой России»). В своем «Письме в редакцию» под заглавием «Вздох на гробе Карамзина» он останавливается главным образом на нравственном значении творчества Карамзина, которому «он обязан пробуждением своей души, первыми и высокими умственными наслаждениями». Статья стилизована «под сентиментальный карамзинский стиль» и содержит «лирические воспоминания автора о годах учения в провинциальной семинарии». Страхов отмечает «огромное благотворное влияние», которое оказали произведения Карамзина и, в частности, «История государства Российского» «на его умственное и духовное развитие». Общая тенденция полемики Н. Н. Страхова с А. Н. Пыпиным — «защита Карамзина как деятеля, имевшего бесспорное значение в истории русской культуры» (Архипова А. В. Достоевский и Карамзин // Достоевский. Ма-

териалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 108—109). Защита «высоких побуждений чести и долга» Карамзина в противовес Пыпину, видевшему в его деятельности только «своекорыстие и грубую лесть перед сильными мира сего» вызвала сочувственное отношение Ф. М. Достоевского, и когда Страхов спросил его в письме от 23 ноября 1870 г. (Достоевский находился в это время за границей): «Что скажете о моем “вздохе”», то писатель ответил ему 2 (14) декабря 1870 г.: «К статье о Карамзине (Вашей) я страстен, ибо такова почти была и моя юность и я возрос на Карамзине. Я ее с чувством читал. Но мне понравился и тон. Мне кажется, Вы в *первый раз* так резко высказываете то, о чем все молчали. Резкость-то мне и нравится. Именно смелости, именно усиленного самоуважения надо больше. Нисколько не удивляюсь, что эта статья Вам доставила даже врагов» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 153).

В письме к Страхову от 18 (30) марта 1871 г. Достоевский снова возвращается к его статье: «Я с чрезвычайным наслаждением, например, прочел Ваши горячие, превосходные страницы, в статье о Карамзине, где Вы вспоминаете о Ваших годах учения» (Там же. С. 186—187).

¹ Видоизмененная цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «На юбилей Н. М. Карамзина» (1866):

..Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России...

² Статья была подписана «Н. Косица».

³ *Крашенина* — крашеный и лощеный холст, обычно синий (Даль В. И. Толковый словарь... М., 1981. Т. 2. С. 86).

⁴ См. прим. 10 на с. 869.

⁵ См. прим. 12 на с. 969.

⁶ Пыпин Александр Николаевич (1633—1904) — русский литературовед, академик Петербургской Академии наук, представитель либерально-буржуазной историографии.

⁷ Стилизация карамзинского письма «Мелодор к Филалету», где выразилось глубокое разочарование в результатах Французской революции: «Мой друг! Начто жить мне, тебе и всем? Начто жили предки наши? Начто будет жить потомство?»

⁸ Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1889) — русский поэт, представитель демократической печати.

⁹ Решетников Федор Михайлович (1841—1871) — русский писатель-демократ.

¹⁰ Щедрин (Салтыков-Щедрин) Михаил Евграфович (1826—1889) — русский писатель-сатирик.

¹¹ См. прим. 108 на с. 957.

¹² См. прим. 6 на с. 869.

¹³ См. прим. 3 на с. 869.

¹⁴ Лабзин Александр Федорович (1766—1825) — поэт, переводчик, один из самых значительных представителей российского масонства.

¹⁵ См. прим. 19 на с. 977.

¹⁶ См. с. 939.

¹⁷ Прудон Пьер Жозеф (1809—1865) — французский социалист, теоретик анархизма.

¹⁸ Робеспьер Максимилиан (1758—1794) — деятель Великой французской революции.

¹⁹ Тургенев Николай Иванович (1789—1871) — государственный деятель, декабрист.

²⁰ Карамзин оценивал Робеспьера не как политического деятеля, а как благородного мечтателя. Карамзин испытывал «личное уважение к Робеспьеру, основанное на убеждении в том, что в водовороте революционных событий Робеспьер не искал ничего лично для себя», и сочувствовал его попытке «ввести революцию под своды религиозно-этических доктрин деистического характера» (*Лотман Ю. М. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 554, 558*).

²¹ Имеется в виду сочинение Н. И. Тургенева «Россия и русские».

²² Лопухин Иван Владимирович (1756—1816) — масон, участник кружка Н. И. Новикова.

²³ Милль Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ и экономист. Автор сочинений «Система логики» (1843), «Основания политической экономии» (1848).

²⁴ «Похвальное слово Екатерине II» (1801—1802) фактически представляло собой наказ новому царю Александру I.

²⁵ Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — русский историк, журналист и общественный деятель.

²⁶ Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877/78) — русский поэт, глава демократического направления русской поэзии.

²⁷ По инициативе великой княжны Екатерины Павловны Карамзин написал и подал царю (в марте 1811 г.) трактат «О древней и новой России в ее политических и гражданских отношениях», известный под названием «Записка о древней и новой России» (обнаружен в 1836-м, опубликован в Берлине в 1861-м, впервые в России полностью — в 1900 г., отдельное издание: СПб., 1914) — обзор русской истории, содержащий исключительно острую критику всей российской государственной монархической политики, в том числе Александра I (см.: Русские писатели: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 475).

²⁸ См. прим. 95 на с. 956.

²⁹ Данилевский Николай Яковлевич (1822—1885) — русский публицист и социолог, идеолог панславизма.

³⁰ См. прим. 65 на с. 920.

³¹ Буренин Виктор Петрович (1841—1926) — поэт и журналист.

³² Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — русский писатель. В Баден-Бадене И. С. Тургенев подолгу жил в последние годы своей жизни.

И. А. Гончаров

Письмо к А. Н. Пыпину от 10 мая 1874 г.

Печатается по изданию: *Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 471.*

Гончаров Иван Александрович (1812—1891) — писатель. В своих письмах и публицистике Гончаров не раз отмечал влияние Н. М. Карамзина и на свое собственное литературное творчество, и на русское общество в целом, подчеркивая его живое присутствие в культуре последующих десятилетий. Глубокое воздействие на Гончарова оказал «гуманистический, просветительский пафос Н. М. Карамзина с его отстаиванием человеческой личности» (*Мельник В. И. Этический идеал И. А. Гончарова. Киев, 1991. С. 128.*)

В произведениях Гончарова постоянно — скрыто или явно — присутствует Карамзин: его имя, его стиль, его жанровые тенденции, его нравственно-философский идеал, причем положительное развитие карамзинских традиций сочетается с их пародированием или переосмыслением. Так, например, «вещественные знаки невестественных отношений» («Обыкновенная история»), являющиеся реликвией, талисманом в произведениях Карамзина, используются Гончаровым как средство иронической характеристики героя. В первых петербургских «впечатлениях» Александра Адуева отчетливо вырисовывается пародия на стиль «лондонских» писем Карамзина, на его концепцию прогресса. В ироническом контексте упоминаются «Идиллии» Геснера, которые, как известно, переводил Карамзин. Характеризуя восприятие этого писателя своей героиней Юлией, Гончаров предстает выразительно кратким: «Учитель принес Карамзина. Юлия прочла “Бедную Лизу”, несколько страниц из “Путешествий” и отдала назад» (*Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 1. С. 203.*) Однако устойчивая ирония по отношению к крайним проявлениям чувствительности у Александра Адуева сочетается с отрицанием бесчувственности и черствости Петра Ивановича.

В дальнейшем творчестве Гончарова преобладает положительное развитие карамзинских традиций. Жанровые взаимодействия «Писем русского путешественника» и «Фрегата “Паллада”» строятся не на отталкивании, а на преемственности и развитии. Сходство жанровой специфики (путешествие в письмах) и проблематики (природа, цивилизация, прогресс, его нравственное обеспечение) обнаруживают и согласие и различие в позициях двух писателей. Отдавая дань сентиментализму, Карамзин усиливает в понимании путешествия деятельностный аспект: оно ведет к преобразованию мира (и в материальном, и в духовном смысле), а также самого себя. Восторг писателя вызывает пробитая в альпийских скалах дорога, обширная морская торговля Англии и т. д. — все это, считает он, — во имя «нравственного сближения народов». «Одним словом, друзья мои, путешествие питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй гипохондрик, чтобы излечиться от своей гипохондрии! Путешествуй мизантроп, чтобы полюбить человечество! Путешествуй, кто только может!» — пишет Карамзин (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 94.*)

Известно, что с юных лет мечтал о путешествии и И. А. Гончаров. Осуществляя свои мечты, он вошел в состав морской экспедиции, направившейся в Японию, благодаря чему появился «Фрегат “Паллада”» (1855—1857). Не раз подчеркивая то «влияние», которое оказал на него Карамзин, Гончаров также создает апологию путешествия, выдвигая на первый план его цивилизаторскую миссию.

Изредка допуская скрытую полемику с Карамзиным, Гончаров чаще благодарно оглядывается на своего предшественника, посещая те же достопримечательности в Лондоне, испытывая сходные ощущения, фиксируя аналогичные впечатления, иногда прямо цитируя Карамзина. Вторя Карамзину, Гончаров восклицает: «Как прекрасна жизнь, между прочим и потому, что человек может путешествовать!» (Гончаров И. А. Собр. соч.: Т. 2. С. 92). Для обоих писателей понятие прогресса неотрывно от совершенствования «сердца и разума». Отказ от претензий на окончательную истину, терпимость и внимание к иным формам бытия и сознания объединяют «Фрегат “Паллада”» и «Письма русского путешественника». В обоих случаях путешествие, определяющее сюжетно-композиционную структуру и жанровую природу произведений, предстает как идеальная форма человеческой активности. Единство обнаруживается и в плане просветительской по своей сути аргументации, выдвинутой двумя писателями во имя апологии путешествия.

В романе «Обломов» (1859) путешествие предстает как метафора наполненной, деятельной, осмысленной жизни, а несостоявшаяся поездка главного героя в Европу (по маршруту, во многом совпадающему с карамзинским) становится выражением нереализованных возможностей, погубленной жизни.

Проходя через все творчество Гончарова, эта тема появляется и на последних страницах «Обрыва», снова устанавливая прямую связь с «Письмами русского путешественника»: Дрезден, «Сикстинская мадонна», «Ночь» Корреджо, Тициан, Паоло Веронезе; Англия, Париж, Лувр, вихрем несущаяся жизнь. «Три... величавые фигуры: природа, искусство, история...» (Там же. Т. 6. С. 430) в равной степени были дороги Гончарову и Карамзину.

Общим для писателей является также идеал «прекрасных соразмерностей». Как бы соглашаясь с Карамзиным и предваряя проблематику «Обрыва», Гончаров утверждает: «...бури, бешеные страсти — не норма природы и жизни, а только переходный момент, беспорядок и зло, процесс творчества, черная работа — для выделки спокойствия и счастья в лаборатории природы...» (Там же. Т. 2. С. 128). В то же время автору «Обрыва» были вняты слова Карамзина из неоконченного романа «Рыцарь нашего времени»: «Страсти, страсти! Как вы ни жестоки, как ни пагубны для нашего спокойствия, но без вас нет в свете ничего прелестного; без вас жизнь наша есть пресная вода, человек — кукла; без вас нет ни трогательной истории, ни занимательного романа» (Карамзин Н. М. Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 586—587).

«Бабушка» у Гончарова удивительно напоминает членов «Братского общества провинциальных дворян» у Карамзина, устав которых требовал «не бояться ни знатных, ни сильных, а только Бога и государя; смело говорить правду губернаторам и воеводам; никогда не быть их прихлебателями и не такать против совести» (Там же. С. 597).

Созданные Карамзиным и Гончаровым волжские пейзажи по сочетанию лиризма и лаконичности, по цветовой гамме, по художественной функции сродни друг другу. Оба писателя говорят о незабываемости волжских впечатлений, уносимых в жизненный путь.

Обоих писателей интересовала история, ее движение, ее сущность, ее смысл. Для них она была «способом яснейшего уразумения жизни».

¹ В начале письма Гончаров сообщал А. Н. Пыпину о том, что получил от М. М. Стасюлевича отдельный оттиск II главы биографии Белинского под заглавием «Университетская жизнь». Обращаясь к автору биографии, Гончаров писал: «...пробегаю эту главу, вспомнил Ваше желание, многоуважаемый Александр Николаевич, чтобы все современники, и вообще знавшие лично Белинского, сообщали Вам о нем или о его времени свои замечания. Вследствие этого я отметил кое-какие, впрочем мелкие, неточности, о которых, однако, считаю не лишним сообщить Вам на случай, если бы Вы захотели принять их в соображение при отдельном издании биографии» (8; 468).

Б. М. Эйхенбаум

Карамзин

Впервые: Биржевые ведомости. 1916. 2 дек. Утр. вып. Печатается по изданию: *Эйхенбаум Б. М.* О прозе. О поэзии / Сост., подгот. текста О. Эйхенбаум; вступ. ст. Г. Бялого. Л., 1969. С. 203—213.

Эйхенбаум Борис Михайлович (1886—1959) — литературовед, доктор филологических наук.

«В годы учения в Петербургском университете (1907—1912) Эйхенбаум занимался в Пушкинском семинаре С. А. Венгерова, молодые участники которого резко критиковали университетскую науку за методологическую беспомощность, за подмену исторического изучения литературы психологическими характеристиками, за полное равнодушие к художественной специфике литературы, к вопросам поэтики. В статье 1916 года “Карамзин”, которую Б. М. Эйхенбаум считал своей первой литературоведческой работой, он говорит о ложности “обычного историко-литературного метода”, подводящего художника “под общие схемы умонастроения той или другой эпохи”. Он стремится найти ключ к пониманию художественных принципов писателя и устанавливает неразрывную связь поэтики Карамзина с общепhilософскими его суждениями. При этом писатель, по мысли Эйхенбаума, делает свое литературное дело сознательно и в полном соответствии с общим своим мировоззрением, со взглядами на мир и человека. На этих основаниях он строит свою поэтику. В искусстве писателя Эйхенбаум подчеркивает момент творческой энергии, “активное делание”» (*Бялый Г.* Б. М. Эйхенбаум — историк литературы // *Эйхенбаум Б. М.* О прозе. О поэзии. Л., 1986. С. 4).

В своих дальнейших историко-литературных исследованиях Б. М. Эйхенбаум неоднократно отмечал важную роль карамзинского наследия для творчества великих русских писателей, в частности, для Л. Н. Толстого, находил немало общего в их поисках: «Как ни кажется это парадоксаль-

ным, но в историко-литературном смысле Толстой больше всего сближается с Карамзиным... “Письма русского путешественника” соответствуют описательным очеркам Толстого, “Детство” находит себе прообраз в “Рыцаре нашего времени”, написанном тоже под влиянием Стерна (“Тристарам Шенди”); прибавим сюда интерес Карамзина к нравственной философии и истории, своего рода “кризис” художественного творчества (как бы ни были различны психологические основания) — и сопоставление это перестает быть столь неожиданным» (*Эйхенбаум Б. М.* О литературе. М., 1987. С. 54). Эйхенбаум полагал, что истоки творчества Толстого следует искать не в творчестве его ближайших предшественников — в том числе Пушкина и Гоголя, а в творчестве Карамзина, Стерна, Руссо и других писателей XVIII века. См. также: *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой: В 2 кн. Кн. 1: 50-е годы. Л., 1928; *Он же.* Лев Толстой. 70-е годы. Л., 1974; *Он же.* Молодой Толстой // *Эйхенбаум Б. М.* О литературе. Л., 1987. С. 34—140.

Из других работ Б. М. Эйхенбаума см.: Юбилейная печать о Державине и Карамзине // *Русская школа.* 1917. № 2—4. Отд. 3. С. 9—11; Черты летописного стиля в литературе XIX века // *Эйхенбаум Б. М.* О прозе. Л., 1969. С. 371—380; Путь Пушкина к прозе // Там же. С. 214—231; О художественном слове // *Эйхенбаум Б. М.* О литературе. М., 1987. С. 331—343.

¹ *Карамзин Н. М.* Неизд. соч. и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 119.

² Там же. С. 114.

³ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 2-е изд. бр. Слениных. СПб., 1818. Т. 1. С. XXIII.

⁴ *Вяземский П. А.* Стихотворения Карамзина // Полн. собр. соч.: В 11 т. СПб., 1882. Т. 7. С. 154.

⁵ Письмо Н. И. Новикова к Н. М. Карамзину // Письма С. И. Гамалеи. 2-е изд. М., 1836. Кн. 2. С. 269.

⁶ Детское чтение для сердца и разума. М., 1789. Ч. 18. С. 165.

⁷ Лафатер Иоганн Каспар (1741—1801) — швейцарский писатель, ученый-физиогномист.

⁸ Мендельсон Мозес (1729—1786) — немецкий философ-просветитель.

⁹ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. Т. 1. С. 152—153. Надо признать, что при тогдашнем состоянии русского философского языка Карамзин удивительно хорошо справляется с очень нелегким немецким текстом Лафатера. Одно это указывает на большую вдумчивость и сознательность Карамзина в области философии. (Отметим вкравшуюся в статью неточность: слова «Ежели бы» и т. д. принадлежат не Карамзину, а студенту. Перевод Карамзина ср. с письмом Лафатера: Переписка Карамзина с Лафатером. С. 23. — *Ред.*)

¹⁰ См. прим. 26 на с. 870.

¹¹ См. прим. 6 на с. 869.

¹² *Карамзин Н. М.* Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 101.

¹³ *Карамзин Н. М.* Неизд. соч. и переписка. С. 196, 199.

¹⁴ Локк Джон (1632—1704) — английский философ. В «Опыте о человеческом разуме» (1690) разработал эмпирическую теорию познания.

¹⁵ Карамзин Н. М. Избр. соч. Т. 2. С. 136, 125.

¹⁶ Карамзин Н. М. Соч.: В 9 т. 3-е изд. М., 1820. Т. 8. С. 155.

¹⁷ См. прим. 7 на с. 941.

¹⁸ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 284. (Курсив Б. М. Эйхенбаума. — *Ред.*)

¹⁹ Там же. С. 316.

²⁰ Карамзин Н. М. Избр. соч. Т. 1. С. 731, 732, 739.

²¹ См. прим. 12 на с. 969.

²² См. прим. 8 на с. 941.

²³ Карамзин Н. М. Избр. соч. Т. 2. С. 126.

²⁴ Карамзин Н. М. О русской грамматике француза Модрю // Карамзин Н. М. Соч. М., 1820. Т. 9. С. 128.

²⁵ Об этом писал Вяземский: «В “Истории Государства Российского”... можно найти многие примеры счастливому разнообразию в перестановке прилагательных. В Карамзине, а особенно в историческом творении его, сие передвижение слов делалось, так сказать, само собою, вследствие один раз навсегда обдуманного навыка» (*Вяземский П. А. Сочинение в прозе В. Жуковского // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. 263*).

²⁶ Данте Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт, создатель итальянского литературного языка.

²⁷ Отчего в России мало авторских талантов? // Карамзин Н. М. Избр. соч. Т. 2. С. 185. (Курсив Б. М. Эйхенбаума. — *Ред.*)

²⁸ О самой проблеме поэтического языка см. статьи В. Шкловского и Л. П. Якубинского в первом «Сборнике по теории поэтического языка» (Пг., 1916).

²⁹ Истинное богатство языка состоит... // Карамзин Н. М. Избр. соч. Т. 2. С. 144. (Курсив, кроме слова «личность», Б. М. Эйхенбаума. — *Ред.*)

³⁰ Слова Карамзина о Шекспире в «Письмах русского путешественника» (Там же. Т. 1. С. 573).

С. О. Шмидт

«История государства Российского» в культуре
дореволюционной России

Впервые: Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания пятого, выпущенного в трех книгах, с приложением «Ключа» П. М. Строева. М., 1988—1989. С. 28—43. Печатается по этой публикации с двумя купюрами, свидетельствующими о «сопроводительном» характере статьи.

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 252.

² Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 138.

³ См. статьи Г. П. Макогоненко, Л. Н. Лузяниной и др.: XVIII век. Сб. 13. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII—начало XIX в. Л., 1981.

⁴ *Эйхенбаум Б. М.* О прозе. Л., 1969; *Гулыга А.* Искусство истории. М., 1980. Гл. «Подвиг Карамзина»

⁵ *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 134. Афористические заметки о Карамзине написаны не ранее марта 1898 г., и, вероятнее всего, поводом для этого была изданная в 1897 г. книга П. Н. Милюкова «Главные течения русской исторической мысли», где занижается значение труда Карамзина.

⁶ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 21.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 206.

⁸ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 334.

⁹ Соображения Ю. И. Масанова о принадлежности перу Белинского всех четырех откликов представляются достаточно обоснованными (Лит. наследство. М., 1948. Т. 55. Ч. 1. С. 337—338, 340—341, 359—360, 360—361).

¹⁰ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6. С. 232.

¹¹ Там же. Т. 7. С. 598.

¹² *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 191. Там же Герцен формулирует знаменитый программный афоризм, направленный против основной историко-политической доктрины Карамзина: «Идея великого самодержавия — это идея великого порабощения» (С. 192).

¹³ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 793.

¹⁴ Там же. Т. 3. С. 663.

¹⁵ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 338.

¹⁶ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 57.

¹⁷ *Луначарский А. В.* Очерки по истории русской критики / Под ред. А. В. Луначарского и Вал. Полянского. М.; Л., 1929. Т. 1. С. 67—68.

¹⁸ В черновой рукописи у Пушкина еще читаем об «Истории» Карамзина: «Его творение есть вечный памятник и алтарь спасения, воздвигнутый русскому народу» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 431).

¹⁹ Лит. наследство. Т. 55. Ч. 1. С. 337—338.

²⁰ *Герцен А. И.* Собр. соч. М., 1954. Т. 1. С. 274.

²¹ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 108.

²² *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Мемуары. Пг., 1917. С. 138, 140, 152.

²³ *Бестужев-Рюмин К. Н.* Биографии и характеристики. СПб., 1882. С. 206.

²⁴ *Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 228.

²⁵ Там же. С. 138—139.

²⁶ *Григорьев А. А.* Воспоминания. Л., 1980. С. 14.

²⁷ *Соловьев С. М.* Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 231.

²⁸ *Косица Н. [Страхов Н. Н.]* Вздых на гробе Карамзина // *Заря*. 1870. № 10. С. 207, 208. См. также наст. изд., с. 377—400.

²⁹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 187.

- ³⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 10. С. 12.
- ³¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 153.
- ³² Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. М., 1936. Т. 13. С. 361—363.
- ³³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 5. С. 183—184.
- ³⁴ Будущий историк Соловьев в детстве любил читать особенно часть VI (о правлении Ивана III) и VIII тома (о первой половине царствования Иоанна Грозного) «Истории». «Здесь, — вспоминал он, — действовал во мне отроческий патриотизм: любил я особенно времена счастливые, славные для России; взявши, бывало, девятый том, я нехотя читаю первые главы и стремлюсь к любимой странице, где на полях стоит “Славная осада Пскова”» (Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. С. 231—232).
- ³⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 153.
- ³⁶ Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968. С. 148—150; Туниманов В. А. Отголоски девятого тома «Истории государства Российского» в творчестве Ф. М. Достоевского // Slavica. 1980. R. 49. S. 4. С. 350—351.
- ³⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1979. Т. 10. С. 486.
- ³⁸ Толстая С. А. Письма к Л. Н. Толстому. 1862—1910. М., 1936. С. 230—231. Сын их Илья, ученик Поливановской гимназии, просил ее «прочсть и поправить его сокращение по изложению историческому из Карамзина».
- ³⁹ Русский литературный Пантеон: История родной словесности в классических образцах и примерах / Сост. Н. Х. Вессель. СПб., 1904.
- ⁴⁰ Лит. наследство. Т. 55. Ч. 1. С. 580.
- ⁴¹ См.: Романюк С. Историк Москвы // Куранты. М., 1987. Вып. 2. С. 188.
- ⁴² Архив А. М. Горького. М., 1966. Т. 11. С. 114.
- ⁴³ Любопытны в этом плане воспоминания С. М. Соловьева о посещении в детстве вместе с отцом священником архимандрита одного из монастырей Ростова Великого. Тот спросил отца: «Чем у вас, батюшка, малютка-то занимается?» Отец отвечал: «Да вот пристрастился к истории, все читает Карамзина». Тогда архимандрит обратился ко мне и спросил: «А что, миленький, вычитал ты о нашем Ростове, что о ростовцах-то говорится?» (Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. С. 271).
- ⁴⁴ Присенко Г. Н. Проникновение в былое. Тула, 1984. С. 37—48.
- ⁴⁵ Формозов А. А. Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984. С. 22—23.
- ⁴⁶ См.: Новохатский К. Е. Историк В. В. Пассек // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975.
- ⁴⁷ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 1. С. 369—373, 374—376.
- ⁴⁸ Добролюбов Н. А. Русские классики. М., 1969. С. 406.
- ⁴⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 446—447.
- ⁵⁰ Афиани В. Ю. Журнальная археография и историческая наука в первой трети XIX в. // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1976. С. 131—141; Он же. История альманаха «Русская старина» // Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год. М., 1987. Прил. к факс. изданию.

⁵¹ Козлов В. П. Полемика вокруг «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина в отечественной периодике // История СССР. 1984. № 5. С. 88—102.

⁵² Слова Г. А. Гуковского (История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 5. Ч. 2. С. 98).

⁵³ Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М., 1983. С. 98; Кочеткова Н. Д. Жуковский и Карамзин // Жуковский и русская культура. Л., 1987.

⁵⁴ См.: История русской драматургии XVII—первая половина XIX века. Л., 1982. С. 252, 327.

⁵⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1979. Т. 10. С. 99—100. Не выражение ли это мнения Пушкина в полемике с суждениями и Карамзина, закончившего свое посвящение «Истории» словами «История народа принадлежит царю», и будущих декабристов, сформулировавших в ответ: «История принадлежит народу».

⁵⁶ Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. С. 112.

⁵⁷ П. В. Анненков писал: «Это любимое произведение поэта составляло, так сказать, часть его самого, зерно, из которого выросли почти все его исторические и большая часть литературных убеждений» (Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. Факс. изд. М., 1985. Т. 1. С. 131). Едва ли это суждение не восходит к мнению, принятому после кончины Пушкина теми, кто знал и его и Карамзина.

⁵⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 141.

⁵⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 7. Драм. произв. М., 1935. С. 497 (статья Г. О. Винокура).

⁶⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 508, 526.

⁶¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 333.

⁶² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 146.

⁶³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1935. Т. 7. С. 412—415.

⁶⁴ Шмидт С. О. «Слово о полку Игореве» и становление и развитие понятия о памятнике культуры // Памятники Отечества. 1986. № 1. С. 157—158.

⁶⁵ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 217—220.

⁶⁶ Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М., 1934. С. 585—586.

⁶⁷ Одоевский А. И. Полн. собр. стих. и писем. М., 1934.

⁶⁸ Декабрист Михаил Бестужев «выпросил» передать ему в тюремную камеру IX том «Истории» (на одной из станиц примечаний которого обожженным прутиком затем написал иероглифы тюремной азбуки для брата Николая). Хотя ему было «очень хорошо известно» описание «зверского царствования Иоанна», Бестужев «предался чтению» с особым «чувством любопытства» и размышлял: не хотела ли его «судьба заранее познакомиться с тонкими причудами деспотизма и приготовить к тому, что ожидает?» (Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 404, 114).

⁶⁹ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. М., 1935. Т. 3. С. 596.

⁷⁰ Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 471.

⁷¹ Концовка стихотворения Тютчева «На юбилей Н. М. Карамзина» близка к мысли Гоголя: «Умевший не сгибая выи, — / Пред обаянием

венца, / Царю быть другом до конца / И верноподданным России...» В напечатанном в 1866 году тексте другая последняя строчка: «И до конца служить России» (*Тютчев Ф. И.* Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 350—351). Цензурой устранено противопоставление царя и России.

⁷² Интересно — и в определенной мере отражает и общественно-политические воззрения обоих писателей — то, что письмо Гоголя Н. М. Языкову о Карамзине было возбуждено похвальным словом об Историографе М. П. Погодина (1845 г.), оцененным им как лучшее из сочинений Погодина, и стихотворение Майкова посвящено тому же Погодину, подготовившему к печати два тома материалов для биографии Карамзина.

⁷³ *Гоголь Н. В.* Собр. соч. М., 1984. Т. 7. С. 232—233.

⁷⁴ *Толстой А. К.* Собр. соч. М., 1969. Т. 3. С. 543.

⁷⁵ *Туниманов В. А.* Отголоски девятого тома «Истории государства Российского» в творчестве Ф. М. Достоевского // *Slavia*. 1980. R. 49. S. 4. С. 350—351.

⁷⁶ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 46. С. 200—209.

⁷⁷ *Маковицкий Д. П.* Яснополянские записки // Лит. наследство. М., 1979. Т. 90. Ч. 1. С. 335, 449.

⁷⁸ *Карлова Т. С.* Толстой и Н. М. Карамзин // Учен. зап. Горьк. ун-та. Вып. 77: Л. Н. Толстой. Статьи и материалы. Вып. 6.

⁷⁹ См.: *Мей Л. А.* Избр. произв. Л., 1972. С. 432, 539.

⁸⁰ История русской драматургии. Вторая половина XIX—начало XX века. До 1917 г. Л., 1987. С. 313 (*Виролайнен М. Н.* Историческая драматургия 1850—1870-х годов).

⁸¹ Библиотека А. Н. Островского. Л., 1963. С. 68—69.

⁸² История русского драматического театра. М., 1980. Т. 5. С. 138.

⁸³ *Клеман М. К.* Переписка начинающего автора // И. С. Тургенев. Орел, 1940. С. 319.

⁸⁴ Тургеневский сборник. Л., 1968. Т. 4. С. 113.

⁸⁵ *Толстой А. К.* Князь Серебряный. СПб., 1907. С. 1—2.

⁸⁶ *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 239.

⁸⁷ *Ключевский В. О.* Соч. М., 1957. Т. 3. С. 20.

⁸⁸ *Толстой А. К.* Собр. соч. Л., 1969. Т. 1. С. 628; Т. 3. С. 539, 540, 546, 553 (коммент. И. Г. Ямпольского)

⁸⁹ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч. М., 1971. Т. 12. С. 509—510.

⁹⁰ *Кюстин А.* Николаевская Россия. М., 1930. С. 56—57.

⁹¹ К. П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников. М., 1952. С. 104, 112.

⁹² Цит. по: *Стасов В. В.* Избр. соч.: В 3 т. М., 1952. Т. 2. С. 60—61 (статья «О значении Иванова в русском искусстве», 1880 г.).

⁹³ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. М.; Л., 1967. Т. 14. С. 246—249 (Заметка «о статуе Ивана Грозного М. Антокольского»).

⁹⁴ *Грановский И.* Сергей Васильевич Иванов. Жизнь и творчество. М., 1962. С. 131.

⁹⁵ Орлова А. Труды и дни М. П. Мусоргского. Летопись жизни и творчества. М., 1963. С. 235, 249, 276, 290.

⁹⁶ Стасов В. В. Письма к родным. М., 1952. Т. 2. С. 223.

⁹⁷ Ф. И. Шаляпин. М., 1957. Т. 1. С. 146; см. также с. 280—281.

⁹⁸ Там же. С. 148, 314.

⁹⁹ См.: Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М., 1983. С. 199, 214—215.

¹⁰⁰ Соловьева И. Н. Работа Художественного театра над пьесами А. К. Толстого // Театральное наследие. Режиссерские экземпляры К. С. Станиславского: В 6 т. М., 1980. Т. 1. С. 23.

¹⁰¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6. С. 76.

¹⁰² Это хорошо обыграно Ф. И. Шаляпиным в письме дочери из Франции (Ф. И. Шаляпин. Т. 1. С. 555).

¹⁰³ Современник. СПб., 1836. Т. 2. С. 207—208.

¹⁰⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 437.

С. П. Залыгин

Универсальность творческой личности
(Карамзин как писатель)

Впервые: Венок Карамзину. М., 1992. С. 12—25. Печатается по этой публикации.

Залыгин Сергей Павлович (1913—2000) — русский писатель, автор романов «Соленая падь», «Южно-американский вариант», «После бури», повестей «На Иртыше», эссе «Мой поэт», нескольких книг по проблемам экологии, академик РАН, являлся также членом президиума Российского фонда культуры. В 1991 году отмечалось три карамзинских юбилея: 225 лет со дня рождения Н. М. Карамзина, 200 лет с начала публикации «Писем русского путешественника» и 175 лет с объявления о начале печатания в Санкт-Петербурге первых восьми томов «Истории государства Российского». В связи с этим 11 декабря 1991 г. в Москве, в Колонном зале (бывшем Дворянском собрании), где Карамзин бывал не раз, состоялся торжественный вечер, где с публикуемой речью выступил С. П. Залыгин.

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 93.

² Там же.

³ Там же. С. 94. У Н. М. Карамзина так: «А в Стразбурге начинается новый бунт. Весь здешний гарнизон взволновался. Солдаты не слушаются Офицеров, пьют в трактирах даром, бегают с шумом по улицам, ругают своих начальников и пр. <...> Между тем в самых окрестностях Стразбурга толпы разбойников грабят монастыри».

⁴ Там же.

⁵ Карамзин Н. М. Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 92.

⁶ Имеются в виду «Письма русского путешественника».

⁷ Карамзин Н. М. Соч. Т. 2. С. 93.

V

**«НЕУЖТО НИ ОДНА РУССКАЯ ДУША НЕ ПРИНЕСЕТ
ДОСТОЙНОЙ ДАНИ ЕГО ПАМЯТИ?»****А. С. Пушкин**

П. А. Плетневу

(3 марта 1826 г. Из Михайловского в Петербург)

Впервые опубликовано, по сообщению Н. К. Мавроди, в альманахе «Русская правда на 1860 г.» (Киев, 1860. С. 65—66). Печатается по изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1935—1959. Т. 13. С. 264.

П. А. Вяземскому

(10 июля 1826 г. Из Михайловского в Петербург)

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в «Русском Архиве» (1874. Кн. 1. Стб. 429—435). Печатается по изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 13. С. 286.

А. А. Дельвигу

31 июля 1827 г. Из Михайловского в Ревель)

Впервые полностью опубликовано Б. Л. Модзалевским в его издании писем Пушкина: 1928. Т. II. С. 39—40. Печатается по изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 13. С. 334—335.

¹ В ожидании известий об участии декабристов и о состоянии здоровья Карамзина.

² По-видимому, «В его истории изящность, простота...». Кроме нее, известна еще одна:

«Послушайте: я сказку вам начну
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород и Царство Золотое,
А может быть про Грозного царя...»
— И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам «Илью-богатыря».

Эта эпиграмма была написана по поводу извещения в «Сыне Отечества» (1816. № 12. 24 марта) о подготовке к изданию «Истории государства Российского» Карамзина. В извещении сказано, что «История» доведена до кончины царицы Анастасии Романовны, супруги царя Ивана Васильевича, т. е. до 1560 г.

«Докончи нам Илью-богатыря» — «Илья Муромец. Богатырская сказка» Карамзина, начало которой было напечатано в 1795 г. Эпиграммы на Карамзина были популярны в среде декабристов. А. А. Бестужев (Марлинский) 19 января 1831 г. писал к матери из Дербента: «...Никогда не любил я бабушку-Карамзина...» (см.: наст. изд., разд. I).

³ Карамзин кончил свою «Историю» на 12 томе.

⁴ Ф. Гальяни — автор «Неизданной переписки...» (Paris, 1818), где высшим ораторским искусством названо искусство «сказать все — и не попасть в Бастилию в стране, где запрещено говорить все». По-видимому, в намеке Пушкина «скажи *всё*» подразумевается его понимание Карамзина как в большей мере союзника, чем антипода «вольнодумцев». В том же 1826 г. Пушкин следующим образом охарактеризовал структуру «Истории государства Российского»: «Несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий» (12, 306).

⁵ Статья Ф. В. Булгарина «Встреча с Карамзиным...» была напечатана в альманахе «Альбом северных муз на 1828 год».

В. А. Жуковский

А. И. Тургеневу

<В последних числах июня 1826, Эмс>

Впервые: Российский архив. 1895. № 9. Печатается по изданию: *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 498.

¹ Н. М. Карамзин скончался 22 мая 1826 года.

П. А. Вяземский

Записные книжки

Печатается по: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878—1896. Т. IX. С. 89—90.

Так уж повелось в русской литературе (а может быть, и в искусстве в целом), что истинное значение творческой личности помогает понять ее уход.

Случай с Карамзиным особенно разителен. Его смерть была воспринята многими современниками не просто как личная драма, но как невосполнимая нравственная утрата, как потеря для культуры. В этом отношении отзыв П. А. Вяземского из его записных книжек особенно показателен.

Выдержки из записных книжек впервые увидели свет в 1826 г. (Московский телеграф. 1826. Ч. XII. С. 37—42). В последующие годы состоялся еще ряд публикаций (Московский телеграф. 1827. Ч. XIV. С. 90—95; Литературный музей на 1827 год. С. 282—289; Северные цветы на 1827 год. С. 146—158; Северные цветы на 1829 год. С. 218—230; Литературная газета. 1830. Ч. 1. № 30. С. 243), после чего печатание книжек было продолжено в журнале П. И. Бартенева и в его же сборнике «Девятнадцатый век». Материалы первой книги вошли в «Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива», опубликованные в «Русском архиве» 1866 г. Затем фрагменты из книжек регулярно печатались в том же журнале под названием «Из старой записной книжки», начатой в 1813 году с подробными аннотациями П. И. Бартенева в оглавлении. Все напечатанное самим Вяземским вошло в восьмой том его посмертного собрания сочинений. В по-

следующих двух томах были опубликованы тексты записных книжек по автографам. В 1929 г. вышло издание, подготовленное Л. Я. Гинзбург. Наконец, в 1963 г. в серии «Литературные памятники» В. С. Нечаева осуществила первое научное издание записных книжек Вяземского. Тексты печатались «в том виде, в каком они вносились им в записные книжки». Это была научная «публикация архивных материалов, подлинных записных книжек» (*Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1992. С. 352—353*). Издание было сопровождено комментариями, ничуть не устаревшими. С тех пор отрывки из книжек печатались несколько раз в различных сборниках произведений Вяземского (*Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988*).

¹ Речь идет о приписке на письме Е. А. Карамзиной к Жуковскому от 5 августа 1826 г. Письмо Жуковского из Эмса было получено 30 июля.

П. И. Шаликов

О кончине Николая Михайловича Карамзина

Впервые: Дамский журнал. 1826. № 12. С. 239—241. Печатается по первой публикации.

¹ Н. М. Карамзин состоял с П. И. Шаликовым в переписке, отдавал должное добрым свойствам его натуры, оказывал ему покровительство. Видимо, не случайно в публикуемом некрологе дана не только общая характеристика Карамзина и его заслуг перед отечественной словесностью, но и (что отличает Шаликова от авторов ряда других некрологов) выражены личные чувства преклонения и любви к «незабвенному писателю и наилучшему человеку».

Н. А. Полевой

Некрология

Николай Михайлович Карамзин. 1826

Впервые: Московский телеграф. 1826. Ч. 9. Отд. первое. IV. С. 81—87. Печатается по первой публикации.

¹ Фердинанд IV (1751—1825) — неаполитанский король.

² Людовик XVIII (1814—1824) — французский король.

³ Максимилиан Иосиф I (1756—1825) — баварский король.

⁴ Иоанн VI (1816—1826) — принц-регент Португалии и Бразилии.

⁵ Александр I Благословенный (1777—1825) — русский император (с 1801).

⁶ Елизавета Алексеевна.

⁷ Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — английский поэт-романтик.

⁸ Жан Поль (Иоганн Пауль Фридрих Рихтер) (1763—1825) — немецкий писатель.

⁹ Фосс Иоганн Генрих (1751—1826) — немецкий писатель Просвещения.

¹⁰ Ласепед Бернар-Жермен-Этьен (1756—1825) — французский естествоиспытатель и государственный деятель.

¹¹ Лангле Луи Матье (1763—1824) — французский ориенталист.

¹² Фатер Иоганн Северин (1771—1826) — немецкий филолог. В 1803 г. издал в Лейпциге «Praktische Grammatik der russischen Sprache».

¹³ Жироде Триозон Анн-Луи (1767—1824) — французский живописец.

¹⁴ Давид Жак Луи (1748—1825) — французский живописец.

¹⁵ Карпинский Франц (1741—1825) — польский поэт.

¹⁶ См. прим. 46 на с. 954.

¹⁷ Виланд Кристоф Мартин (1733—1813) — немецкий писатель Просвещения.

¹⁸ См. прим. 13 на с. 918.

¹⁹ Лафатер Иоганн Каспар (1741—1801) — швейцарский писатель, ученый-физиогномист.

²⁰ См. прим. 25 на с. 870.

²¹ Карамзин тяжело болел уже в ноябре-декабре 1824 г.

²² Александр I умер 19 ноября 1825 г. в Таганроге.

Передавая в редакцию «Журнала Министерства народного просвещения» свой перевод (с французского) письма Карамзина к графу Каподистрия, В. А. Жуковский писал: «Первое известие о кончине государя принесено было ему мною: услышав о ней, он стал на колени, поднял глаза к небу, молчал, молился мыслию, потом горько заплакал» (Журнал Министерства народного просвещения. 1833. Янв. С. 2).

²³ Публикуемое посмертное слово о Карамзине как о «великом писателе и гражданине», «великом» и «незабвенном», оказалось свободным от крайностей. В некрологе были представлены его заслуги в преобразовании российской словесности, отмечены его слава и популярность, он назван «народным писателем», которого читали «и во дворце и в хижинах» (Московский телеграф. 1826. Ч. 9. С. 84). Сочинение «Истории Российской» определено как важный подвиг. Но в последних строках все же ощущалась скрываемая мысль об ограниченности значения Карамзина его временем. См. наст. изд., разд. III.

²⁴ «Творец всегда изображается в творении и часто — против воли своей» (Карамзин Н. М. Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 60).

М. Т. Каченовский

Некрология

Впервые: Вестник Европы. 1826. № 9. С. 69—72. Печатается по первой публикации.

¹ Отношение к личности Карамзина, с одной стороны, и к его художественному наследию, с другой, было не просто неоднозначным, но имело

свою динамику, порой одно заслоняло и вытесняло другое, личность и творчество далеко отходили друг от друга.

² О «верной жене своей» Екатерине Андреевне Карамзин сказал в записке «Для потомства», что жил с ней «в одну мысль, в одно чувство» (*Карамзин Н. М.* Неизданные соч. и переписка. СПб., 1862. Ч. I. С. 10).

³ Ср. в письме к И. И. Дмитриеву от 22 августа 1818 года: «...историограф еще менее Карамзина...» (*Карамзин Н. М.* Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 185).

⁴ См. также «Приложение» к статье Н. И. Греча «О жизни и сочинениях Карамзина» в наст. издании, с. 473.

⁵ Узнав о пожаловании ему и его семейству «царского» пенсионера Николаем I (50 тыс. руб.), он промолвил: «Это уж слишком много». Всегда опасаясь зависимости, Карамзин в учтивой форме благодарил императора, но выразил ту же мысль: «Благоденствие чрезмерно: никогда скромные желания мои так далеко не простирались» (Симбирский юбилей Николая Михайловича Карамзина. 1 декабря 1766—1866 года. С. 178).

А. И. Тургенев

О Карамзине и молчании о нем литературы нашей

Впервые: Московский телеграф. 1827. № 9. С. 67—69. Печатается по первой публикации.

¹ «Мысль о жизнеописании или хотя бы о некрологе, достойном памяти Карамзина, вызревала у Вяземского, Жуковского, Александра Тургенева; но они принуждены были молчать, если не хотели выравнять свою речь над свежей еще могилой по камертону официальных словословий», — пишут В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсон (Сквозь «умственные плотины». М., 1986. 2-е изд. С. 85). Пушкин писал П. А. Вяземскому из Михайловского: «Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти?» (письмо от 10 июля 1826 г. (13, 286). См. также наст. изд., разд. V). «Он требует этой “дани” от Вяземского. Но Вяземский отказывается: для биографии рано, для журнальной статьи поздно. Лишь в 1827 году в “Московском телеграфе” он напечатал анонимно отрывок из письма А. И. Тургенева под вызывающим названием “О Карамзине и молчании о нем литературы нашей...”» (*Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины». С. 85).

² Фуа Максимилиан (1775—1825) — французский генерал и политический деятель.

³ Псевдонимом «Лужницкий старец» подписывал свои работы М. Т. Каченовский.

⁴ Достоинство тургеневской интонации заключалось в том, что она не была ни восторженной, ни скептической, ни снисходительной. Уважение к писателю и историку, скорбь о его кончине и понимание истинного значения Карамзина отличали А. И. Тургенева, который не пытался найти недостатки в труде историографа или противопоставить ему какие-либо

собственные начинания, а говорил о его истинных заслугах, передавая живой интерес к наследию Карамзина, стремление русских осмыслить, «чем он был для них».

Н. И. Греч

О жизни и сочинениях Карамзина

Впервые: Северные цветы на 1828 г. СПб., 1827. С. 186—203. Печатается по первой публикации.

Русские писатели и журналисты откликнулись на кончину Карамзина. Искренне прозвучал некролог, составленный кн. П. И. Шаликовым. Но «на Шаликова уже давно никто не смотрел серьезно, и тон задавал не он, а журналисты опытные и умные, улавливавшие конъюнктуру, — такие, например, как издатель “Северной пчелы” (Н. И. Греч. — *Сост.*)» (Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». С. 82).

Статья Греча в «Северной пчеле» начиналась с изложения биографии Карамзина, где перечислялись чины и награды историографа: «В 1803 г. пожалован в императорские историографы; в следующем году награжден чином надворного советника; в 1810 получил орден Св. Владимира 3-й степени. В 1812 пожалован в коллежские советники, а в 1816, по поднесении им государю императору Александру Павловичу первых восьми томов “Истории государства Российского”, награжден чином статского советника и орденом св. Анны 1-го класса. С того времени поселился он в Санктпетербурге. В 1824 году награжден чином действительного статского советника. Кончина государя благодетеля поразила благодарного Карамзина жестоким ударом: он впал в изнурительную чахотку».

«Чахотка была плодом поэтического воображения издателя “Северной пчелы” и как нельзя лучше согласовывалась с политикой», — пишут В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсон (С. 83).

Оканчивая биографию Карамзина, Греч сообщал, что полученный в последние дни знак милости Николая I «возбудил потухавшую в нем искру жизни, но ненадолго»; что, хотя Карамзин и употребил всю свою жизнь на «благородные занятия науками и литературою», «исключительные занятия сии не лишили его наград и выгод, сопряженных с действительною службою»; что «правосудные и великодушные государи награждали его труды и заслуги самым отличным образом: ...он один в России имел орден Св. Анны 1-го класса в чине статского советника и получил оный вместе с сим чином» и затем вновь говорилось о последней «истинно царской награде, которой он удостоился» (Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». С. 83).

В публикуемой статье акценты расставлены несколько иначе: «...он жил умом, чувствами, воображением, для удовлетворения благородному влечению души своей к содействию славе и общему благу отечества, а не для снискания временных почестей и отличий. <...> Потомство, а не директор пишет в послужном списке его: *способен и достоин*».

И. И. Дмитриев писал: «Я полюбил Греча за “Некрологию”: хорошо и справедливо» (цит. по: Иванчин-Писарев Н. Д. Поэту говорить о смерти поэта // Москвитянин. 1844. № 7. С. 50).

¹ Сам Карамзин итог своей жизни выразил в письмах и в рукописи: «Бумаги для моих сыновей, когда они вырастут» (так!), куда входят «Мнение Русского гражданина» (1819) и «Для потомства» (1819). В 1825 г. было прибавлено «Для сведения моих сыновей и потомства».

Ю. М. Лотман писал о том, что Карамзин завещал русской культуре не только свои произведения и не только созданный им новый литературный язык — он завещал ей свой образ, свой человеческий облик, без которого в литературе пушкинской эпохи зияла бы ничем не заполнимая пустота. «Он часто думал о потомстве. <...> Одна из последних, написанных его рукою бумаг кончается: “Потомству приветствие из гроба!”» (*Лотман Ю. М. Колумб русской истории // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997. С. 587*).

В письме к И. И. Дмитриеву Карамзин говорит об «Истории...» как о своем даре потомству («если оно его примет, если же нет, то нет») (Атеней. 1858. № 28. С. 117).

В «Бумагах для ... сыновей...» он обратился к потомству со своим символом веры: «Потомство! достоин ли я был имени гражданина Российского? любил ли отечество? верил ли добродетели? верил ли Богу?...» (*Карамзин Н. М. Неизданные соч. и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 9*).

В «Предисловии» к «Истории государства Российского» Карамзин определяет историю как «завет предков к потомству».

² Примерно за месяц до своей кончины, смертельно больной, он пишет кн. Вяземскому (20 апреля 1826 г.) о своем страстном желании отправиться в далекое путешествие: «С этого места сорвала меня буря или болезнь, и я имею неописанную жажду к разительному новому, к другим видам природы, горам, лазури италийской etc. Никак не мог бы я возвратиться к моим прежним занятиям, если бы здесь и выздоровел» (Письма Карамзина к князю Вяземскому (1810—1826) // *Старина и новизна. Исторический сб. СПб., 1897. Кн. 1. С. 173*).

³ От встречи с семьей Н. М. Карамзина Николай I отказался.

⁴ См. прим. 21 на с. 870.

VI

«...БЛАГОРОДСТВО ПАТРИОТА»

А. С. Пушкин

Российская Академия
(1836)

Впервые: Современник. 1836. Кн. 2. С. 5—13, без подписи. Отчет написан на основании отдельно изданной брошюры «Заседание, бывшее в Российской Академии 18 января 1836 г.» (12, 41—45).

В 1866 г. в литературном и политическом сборнике «Утро», издаваемом М. П. Погодиным, было опубликовано «Отношение гр. Д. Н. Блудова к министру императорского двора, князю П. М. Волконскому», датированное 1852 годом, где говорилось:

«Милостивый государь князь Петр Михайлович!

...Исполняя высочайшее повеление, объявленное мне в отношении Вашей светлости, от 19 сего генваря, за № 256, поспешаю сообщить Вам, М. Г., что особого рукописного сочинения покойного историографа Н. М. Карамзина, под заглавием *Мысли о России*, сколько мне известно, нет. Но, может быть, что иные так называют писанную им в 1811 году для Великой Княгини, впоследствии королевы Виртембергской, Екатерины Павловны, записку *о древней и новой России, в ее политическом и гражданском отношениях*; или же другую, читанную им самим (уже в 1819 году) императору Александру, по случаю возникшей в то время мысли о присоединении части возвращенных от Польши областей к Царству Польскому. Первая, как я сказал выше, составлена Карамзиным по желанию Великой Княгини Екатерины Павловны, вручена им ее Высочеству в Твери в 1811 году и, как должно полагать, ею передана императору. По крайней мере она не была возвращена Карамзину, который, оправдывая доверенность Великой Княгини, требовавшей от него глубочайшей тайны, не оставил даже у себя и копии сей записки. По кончине императора Александра он имел случай говорить о сем с благополучно царствующим ныне государем и просил Его Величество приказать отыскать его записку в бумагах покойного императора: но ее не могли найти в них ни тогда, ни впоследствии. Спустя потом несколько лет, в 1834 и 1835 году (вскоре после смерти гр. Аракчеева), вдруг появилось несколько экземпляров сей записки, и один доставлен мне. По слогу и содержанию оной я не имею ни малейшего сомнения, что сия записка есть точно та, о которой мне часто рассказывал покойный историограф. Другая, о присоединении наших западных губерний к Царству Польскому, оставалась в руках Карамзина; но он сохранял ее в тайне так же, или еще более, нежели первую, и только через месяц после кончины императора Александра показал ее мне и еще двум или трем своим приятелям, не дозволив нам даже в то время списать ее. Теперь, однако же, есть копии и сей последней записки, не знаю, совершенно ли верные.

Что же касается духа, в коих написаны как одна, так и другая, то на каждой странице, можно сказать, в каждой строчке оных, мы находим выражение самых лучших, чистейших намерений, самых искренних и живых чувств, как истинного, благоразумного патриотизма, так и пламенной, благоговейной приверженности к престолу вообще и в особенности к лицу императора Александра. Но ни чувства, ни личная привязанность к императору не препятствовали Карамзину, по любви к истине, первому, коренному свойству благородной души его, иногда судить строго, может быть, до некоторой степени и не совсем справедливо, иные действия правительства. Он будто заранее объявил о том, избрав эпитафиею своей первой записки (о древней и новой России) стих из 138 Псалма: *Несть льсти в языке моем*. Основная, общая мысль сего замечательного, особливо в отношении историческом, произведении есть та, что Россия как государство, и государство сильное, создана и потом два раза спасена, упокоена и возвеличена самодержавием: что в нем не только надежный, прочный, но и необходимый залог ее могущества и благоденствия и что все противное правилам оного может иметь вредные, и при некоторых обстоятельствах и гибельные для нее последствия. С сею главною мыслию и выводами из оной согласны все рассуждения сочинителя, и тем объяс-

няются отзывы его, как я сказал уже, иногда слишком резкие или и не вполне основательные, о преобразованиях Петра Великого и о тех, коих Карамзин был свидетелем в первые годы царствования Александра. Впрочем, читая сию записку его, надобно не терять из вида, что она есть почти конфиденциальная, составлена для одной близкой к государю особы и что автор никогда никому другому ее не показывал.

Записка его о Польше, составленная после разговора о сем с императором Александром, в продолжение одной ночи, принадлежит к самым лучшим его патриотическим действиям, и в ней, может быть, красноречивейшие страницы из всех, вышедших из-под пера его. Иные места даже почти можно назвать пророчествами. Так, например, он говорит императору: “Государь! Если вы восстановите древнюю Польшу, то или падет Россия, или русские снова зальют Польшу кровью и возьмут Прагу штурмом”. Впрочем, Карамзин не являет себя в этой записке, и вообще никогда не был каким-либо непримиримым врагом всего польского. Вот слова его в самом заключении записки: “Пусть существует, благоденствует царство Польское под скипетром Александра, *как она есть*; но да существует, да благоденствует и Россия, как она есть, и как она оставлена Вам Екатериною”».

¹ ...бывшему некогда предметом жесткой его критики, если не всегда справедливой, то всегда добросовестной — Слова эти были исключены цензурой из печатного текста статьи.

² Этот рукописный политический трактат, представленный Карамзиным царю в 1811 г., случайно обнаружен был В. А. Жуковским в одном из дворцовых архивов в самом начале 1836 г. (Русский архив. 1866. С. 1639; 1868. С. 644). 15 марта 1836 г. П. А. Вяземский писал И. И. Дмитриеву, что Пушкин рассчитывает опубликовать в «Современнике» хотя бы первую часть записки Карамзина. Однако эта публикация при жизни поэта не была допущена цензурой.

Вследствие этого осталось не напечатанным и примечание Пушкина к записке Н. М. Карамзина «О древней и новой России»: «Во втором № “Современника” (на 1836 год) уже упомянуто было о неизданном сочинении покойного Карамзина. Мы почитаем себя счастливыми, имея возможность представить нашим читателям хотя отрывок из драгоценной рукописи. Они услышат если не полную речь великого нашего соотечественника, то по крайней мере звуки его умолкнувшего голоса» (12; 185).

А. С. Хомяков

Мнение русских об иностранцах

Впервые: Московский литературный и ученый сборник. 1846. С. 54—55. Печатается по первой публикации.

Речи, произнесенные
в Обществе любителей российской словесности

Печатается по: Хомяков А. С. Соч. М., 1861. Т. 1. С. 685—686.

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — поэт, драматург, критик, философ, общественный деятель. Его главные труды касались философских вопросов, поземельных отношений в России, проблем реформы, межславянской солидарности, славянофильского учения о самобытных путях России.

В двух статьях Хомякова «Мнение иностранцев об России» (Москвитянин. 1845) и «Мнение русских об иностранцах» («Московский сборник на 1846 г.») звучит обида на русское самоуничтожение и на западное высокомерие. «Московский литературный и ученый сборник» — своеобразный славянофильский альманах, в котором участвовали бр. Киреевские, Н. М. Языковы, Аксаковы и др.

Как литературного критика А. С. Хомякова всегда интересовал вопрос — возможна ли русская художественная школа (в противовес «натуральной школе»? В соответствии со своей славянофильской доктриной и в русле своих эстетических раздумий он рассматривал «Историю государства Российского» Карамзина и ценил его не собственно как историка, а как русского человека, с русским сердцем, выразившим в определенной степени русский народный нравственный идеал.

В период возобновления публичных заседаний Общества любителей российской словесности А. С. Хомяков более критически оценивает деятельность Карамзина, упрекая его «Историю» в отчуждении от истинной жизни русского народа.

¹ Имеется в виду работа В. Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина» (статья десятая), опубликованная в журнале «Отечественные записки» (1845. Кн. 11). Здесь Белинский занял решительно враждебную позицию по отношению к «Истории государства Российского» и резкую критику Карамзина перенес на Пушкина, посвятившего «Бориса Годунова» историку: «Пушкин рабски во всем последовал Карамзину, — и из его драмы вышло что-то похоже на мелодраму, а Годунов его вышел мелодраматическим злодеем, которого мучит совесть и который в своем злодействе нашел себе кару. Мысль нравственная и почтенная, но уже до того избитая, что таланту ничего нельзя из нее сделать!..» (см. наст. изд., с. 347).

² Федор Никитич Романов — будущий патриарх Филарет, его сын Михаил на Земском соборе 1613 г. избран царем.

³ Михаил Феодорович (1596—1645) — русский царь с 1613 г., первый царь из рода Романовых.

⁴ См. прим. 75 на с. 921.

П. А. Вяземский

Отметки при чтении

«Исторического похвального слова Екатерине II»,
написанного Карамзиным

Впервые: Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов. СПб., 1874. С. 625—654. Печатаются фрагменты по этому изданию.

¹ 24 ноября 1873 г., в день св. Екатерины, был открыт памятник Екатерине II в Петербурге; торжества по этому поводу проходили и в Москве.

² Историческое похвальное слово Екатерине Второй, сочиненное Николаем Карамзиным. М., 1802.

³ Статья написана в Гомбурге, курортном городе Германии.

⁴ В цитате есть мелкие неточности.

⁵ 11 сентября 1818 г. Карамзин писал И. И. Дмитриеву: «Не требую ни конституции, ни представителей, но по чувствам останусь республиканцем, и притом верным подданным царя русского: вот противоречие, но только мнимое!» (*Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву*. СПб., 1866. С. 249).

⁶ Вяземский имеет в виду следующие свои строки: «Замечательно, что в сей военной главе вовсе не упоминает он о Потемкине, несмотря на притязания его на славу полководца и на военные почести, которыми он был возвышен. Такое умолчание едва ли не есть умышленное. <...> На русском языке есть прекрасное, глубокооумное слово: временщик. Как дворы, так и общественное мнение, а, к сожалению, иногда и сама история, имеют своих временщиков. Карамзин был не из тех, которые поклонялись бы им. Ему было совестно записать имя Потемкина рядом с именами более безукоризненными, более светлыми, с именами Румянцева, Суворова, Репнина, Петра Панина, Долгорукого-Крымского. В панегирике уже отзывался строгий и нелюбезный суд будущего историка».

⁷ То есть Ван-Дейк (1599—1641) — фламандский живописец.

⁸ Имеется в виду музыка Вагнера: см. его трактат «Художественное произведение будущего» (1850).

⁹ В статье «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева» (1823).

¹⁰ Иосиф II пытался преобразовать наиболее устаревшие феодальные институты путем реформ сверху; его политика вызвала взрыв сопротивления в стране.

¹¹ У Карамзина: «Сия героическая ревность», «Сограждане! Я напому вам», «не приблизил», «беспрерывными шагами текла».

VII

«...ЖЕСТКАЯ КРИТИКА»

П. И. Голенищев-Кутузов

Письмо министру народного просвещения гр. Разумовскому
(1810)

Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829) — попечитель Московского университета, сенатор, одописец и переводчик, член Российской академии, литературный и политический противник Карамзина. Уже в 90-е гг. участвовал в масонской кампании по дискредитации Карамзина и опубликовал стихотворение «Похвала моему другу» (Ипокрена. 1799. Ч. 4), в котором обвинял его в безбожии и безнравственности.

В 1800-е гг. А. С. Шишков, Д. И. Хвостов, Евгений Болховитинов пытались противопоставить творчество Голенищева-Кутузова литераторам карамзинского лагеря.

В 1810 г. был определен попечителем Московского университета и использовал свое новое служебное положение для нападков на Карамзина.

«Сообщая министру народного просвещения о состоянии умов в Москве, он, в частности, писал 2 декабря 1810: “Нужно необходимо его демаскировать как человека вредного обществу и коего писания тем опаснее, что под видом приятности преисполнены безбожия, материализма и самых пагубных и возмутительных правил”» (Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 206).

«Не станем приписывать этого несчастного письма злему расположению, желанию повредить мнению или зависти. Все это было бы слишком противно, — отмечает М. П. Погодин. — Доноситель верно увлекался своими понятиями; видел, ослепленный и пристрастный, вред там, где его не было, и искренно боялся его последствий. Обращение Карамзина к природе, еще в письмах Русского путешественника, употребление слов о Творческом Разуме, вместо Бога, и подобные собственно литературные обороты, вместе с благоприятными отзывами о Руссо и Вольтере, которые считались тогда главными виновниками революции, подали повод людям, имевшим свои очки и свои виды, к подозрениям разного рода. Они не хотели вникнуть в смысл выражений Карамзина, не хотели разобраться, что хвалил он Руссо и Вольтера, имея в виду их достоинства и таланты, а отнюдь не их увлечения и злоупотребления, — и заподозрили Карамзина в страшных замыслах, Карамзина, смиренного, кроткого и благочестивого!

По счастью, донос ни на кого не подействовал, и Карамзин мог спокойно продолжать свое делание» (Погодин М. П. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. II. С. 64).

Но «когда Карамзин привез в Петербург для печатания первые тома “Истории государства Российского”, Голенищев-Кутузов представил Разумовскому и А. А. Аракчееву для доказательства своих обвинений выписку из сочинений Карамзина» (Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 206).

В дальнейшем негодование П. И. Голенищева-Кутузова улеглось, а у Карамзина-историографа появились новые противники.

Среди них — М. Л. Магницкий (1779—1844), бывший одно время попечителем Казанского учебного округа. В своем «Кратком опыте о народном воспитании» он, так же, как и П. И. Голенищев-Кутузов, полагая чтение Карамзина вредным для юношества, писал, имея в виду IX том: «...В истории отечественной, следуя истории государства Российского, некоторые помазанники Божии поносятся именами тиранов и злодеев; в Казани цари добрые и злые почитаются наградою или наказанием народов, преподаются исторические дела их, но лица, одному Богу подсудимые, уважаются» (Сборник материалов, извлеченных из архивов I отделения Его Императорского Величества канцелярии. 1876. Вып. 1. С. 371).

¹ Сиес (Сьейес) Эмманюэль Жозеф (1748—1836) — деятель Великой французской революции. Один из основателей якобинского клуба. Участвовал в выработке Декларации прав человека и гражданина. В 1799 г.

вошел в Директорию. После переворота 18 брюмера 1799 г. — один из консулов. В 1816—1830 гг. находился в изгнании.

² Имеется в виду Наполеон Бонапарт (1769—1821), французский император в 1804—1814 гг. и в марте-июне 1815 г. Уроженец Корсики; начал службу в войсках в 1785 г. в чине младшего лейтенанта артиллерии; выдвинулся в период Великой французской революции (достигнув чина бригадного генерала) и при Директории (командовал армией). В ноябре 1799 г. совершил государственный переворот (18 брюмера), в результате которого стал первым консулом. В 1804 г. провозглашен императором. Благодаря победоносным войнам значительно расширил территорию империи, поставил в зависимость от Франции большинство государств Западной и Центральной Европы. С поражением в войне 1812 г. против России начался период распада империи Наполеона I. Вступление в 1814 г. войск антифранцузской коалиции в Париж вынудило Наполеона I отречься от престола. Был сослан на о. Эльба. Вновь занял французский престол в марте 1815 г. После поражения при Ватерлоо вторично отрекся от престола (22 июня 1815 г.). Последние годы жизни провел изгнанником на о. Св. Елены пленником англичан.

Н. А. Полевой

Борис Годунов. Сочинение Александра Пушкина
СПб., 1831

Впервые: Московский телеграф. 1833. Ч. 49. № 1 и 2. Печатается по первому изданию (с. 135 и 300—304).

Анализируя пушкинскую драму, Н. А. Полевой резко осуждает ее зависимость от карамзинской концепции. Эта полемика нашла отклик в статье В. Г. Белинского «Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого»: «Статья о Пушкине в изданных ныне “Очерках” есть разбор “Бориса Годунова”. Как же оценил г. Полевой это великое создание Пушкина? — А вот посмотрите: “Прочитав посвящение, знаем наперед, что мы увидим *карамзинского* Годунова: э т и м с л о в о м р е ш е н а у ч а с т ь д р а м ы П у ш к и н а. Ему не пособят уже ни его великое дарование, ни сила языка, какою он обладает”... Теперь ясно и понятно ли, что это за оценка?.. Вот если бы Пушкин изобразил нам Годунова с голоса знаменитой, но недоконченной “Истории русского народа” — тогда его “Борис Годунов” был бы хоть куда и даже удостоился бы очень лестных похвал со стороны “Московского телеграфа”... Вообще г. Полевой очень не благоволит к Карамзину» и т. д. (см. наст. изд., с. 324).

¹ Василий II Темный (1415—1462) — великий князь Московский с 1425 г. Сын Василия I. Боролся за великое княжение с дядей Юрием Галицким и двоюродными братьями Дмитрием Шемякой и Василием Косым, был взят в плен и ослеплен (1446), но все же одержал победу.

² Глинские — русский княжеский род XVI в.

³ Телепневы — русский княжеский род XVI в.

⁴ Шуйские — князья и бояре XV—XVII вв. Играли важнейшую роль в политической жизни государства.

⁵ Вельские (Бельские) — русский княжеский род XVI в.

⁶ Курбские, князья (XV—XVII в.) — отрасль князей Ярославских. Курбский Андрей Михайлович (1528—1583) — князь, боярин, писатель, бежавший в Литву, опасаясь опалы за близость к казненным Иваном IV феодалам. Автор трех посланий к Ивану Грозному.

⁷ См. прим. 87 на с. 973.

⁸ Адашев Алексей Федорович (? — ок. 1561) — окольничий, член Избранной рады, руководил русской политикой и дипломатией, инициатор реформ, укреплявших централизованную власть. С 1560 г. в опале.

⁹ «Семибоярщина» — боярское правительство (7 человек) в России в 1610 г. Передало фактически власть польским интервентам; ликвидировано Вторым ополчением под руководством К. Минина и Д. Пожарского в октябре 1612 г.

¹⁰ Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642) — русский полководец, вместе с К. Мининым, нижегородским посадником, руководил борьбой с польским нашествием в начале XVII в.

¹¹ Михаил Феодорович, первый избранный Земским собором в 1613 г. русский царь из рода Романовых.

¹² Речь идет о переделке шекспировского «Гамлета», принадлежащей А. П. Сумарокову.

А. Н. Пыпин

Очерки общественного движения при Александре I

Впервые: Вестник Европы. 1870. № 9. С. 170—248. Печатаются фрагменты по первой публикации.

Пыпин Александр Николаевич (1833—1904) — русский литературовед, академик Петербургской АН, представитель либерально-буржуазной историографии.

«Литературные мечтания» В. Г. Белинского выявили невозможность существования современной критики без осмысления действительной роли Карамзина в русской литературе: «Кто из читающих строки сии не был свидетелем этих литературных побоищ, не слышал этого оглушающего рева похвал преувеличенных и бессмысленных, этих порицаний, частью справедливых, частью нелепых? И теперь, на могиле незабвенного мужа, разве уже решена победа, разве восторжествовала та или другая сторона? Увы! еще нет! С одной стороны, нас, как *верных сынов отчизны*, призывают *молиться на могиле Карамзина и шептать его святое имя*, а с другой — слушают это воззвание с недоверчивой и насмешливою улыбкою» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 54).

Как пишет Ю. М. Лотман, на протяжении многих лет, перейдя за грани жизни писателя, «творчество его вызывало страстное поклонение и пылкое осуждение, любовь и ненависть» (*Лотман Ю. М.* Поэзия Карамзина // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 285).

Если юбилейные (1866) оценки Карамзина были более или менее едиными (Карамзин предстал как живое явление современности), то в

начале 1870-х годов снова резко столкнулись два противоположных мнения о Карамзине — восторженное и уничижительное. В «Вестнике Европы» (1870. Кн. 9) была опубликована четвертая часть «Очерков общественного движения при Александре I» А. Н. Пыпина под названием «Карамзин. Записка о древней и новой России». «Разбирая только общественно-политическую и оставляя в стороне литературно-художественную деятельность Карамзина, Пыпин рассматривал его как противника либеральных реформ, выразителя консервативно-охранительной идеологии» (Архипова А. В. Достоевский и Карамзин // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1983. Вып. 5. С. 108). «Тенденциозный», «охранительный» (по словам А. Н. Пыпина) характер столетнего юбилея Карамзина, в свою очередь, вызвал в либеральной и демократической прессе «стремление “обличать” Карамзина, видеть в нем не деятеля русской культуры прошедшей эпохи, а живого представителя враждебного лагеря» (Лотман Ю. М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Лотман Ю. М. Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957—1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997. С. 589).

А. Н. Пыпин объясняет свою позицию, справедливо отмечая, что спор о значении Карамзина ведется каждым новым поколением с иных позиций, с иных точек зрения: «Теперь не спорят о “старом” и “новом” слоге, о красотах “Бедной Лизы”, о научном достоинстве “Истории государства Российского”... Чисто литературная сторона дела отступает на второй план: она разъяснена, или потеряла интерес; взамен еѐ критика старается определить общее содержание понятий Карамзина, в особенности его общественные понятия, в которых, конечно, всего яснее окажется его историческое значение как деятеля общественной жизни» (Пыпин А. Н. Очерки общественного движения при Александре I. IV. Карамзин // Вестник Европы. 1870. № 9. С. 171). Считая именно такой подход современным, Пыпин следующим образом определяет влияние Карамзина на русскую общественную мысль александровской эпохи: «Он... наносил свою долю зла начинавшемуся умственному и общественному движению; он рекомендовал программу застоя и реакции...» (Там же. С. 247).

Н. Н. Страхов ответил на очерк А. Н. Пыпина. В своем «Письме в редакцию» под заглавием «Вздых на гробе Карамзина» он останавливается главным образом на нравственном значении его творчества, которому «он обязан пробуждением своей души, первыми и высокими умственными наслаждениями» (Страхов Н. Н. Вздых на гробе Карамзина // Заря. 1870. Кн. 10. Отд. II. С. 207). Страхов отмечает огромное благотворное влияние, которое оказали произведения Карамзина и, в частности, «История государства Российского» на его умственное и духовное развитие. «...Карамзин действовал на меня так, как будто я был его современником» (Там же. С. 210).

Общая тенденция полемики Н. Н. Страхова с А. Н. Пыпиным — «защита Карамзина как деятеля, имевшего бесспорное значение в истории русской культуры» (Архипова А. В. Достоевский и Карамзин. С. 108—109).

В статье Пыпина, как говорит Страхов, «подробно и пространно осуждается деятельность Карамзина и доказывается, что она имела самое

зловредное влияние на судьбы России» (*Страхов Н. Н. Вздох на гробе Карамзина. С. 211*).

Негодую против тезиса А. Н. Пыпина о том, что «Карамзин вреден», Н. Н. Страхов сравнивает здравствующего Александра Николаевича с давно почившим Николаем Михайловичем, подтверждая идею «живого Карамзина»: «Что такое г. Пыпин? Кому и в чем он может служить примером? Я знать не хочу г-на Пыпина! Если человек столь высокой души, такого изумительного таланта, как Карамзин, не сумел найти надлежащего пути и всю жизнь с величайшим благодушием и чистою совестью наносил вред своему отечеству, то каких глупостей и мерзостей (разумеется, бессознательных), я не могу ждать от г. Пыпина, который может быть и почтенный человек, но во всяком случае далек от Карамзина как земля от неба?» (Там же).

В отзывах Пыпина и Страхова одни и те же факты из жизни Карамзина получают диаметрально противоположную оценку. Из писем Карамзина в его имение Макателем Пыпин делает вывод о «бессердечии» автора «Бедной Лизы»: «...парни и девки выходили замуж по барскому и бурмистрову приказаниям, — хотя бывали примеры, что против этих мероприятий крестьяне восставали “миром”, — вероятно, не без причины» (*Пыпин А. Н. Очерки общественного движения при Александре I. IV. Карамзин. С. 229*).

В ответ на это Страхов возражает: «Скажу не хвалясь — ни на одну минуту я не усумнился в Карамзине, не поверил поступку, столь противному всякой чувствительности и нежности... Я стал разыскивать и что же оказалось? Г. Пыпин по невероятной сухости своей натуры, по неистовому ослеплению, порожденному сею сухостью, принял за жестокость Карамзина то, что было действием нежнейшей попечительности этого доброго помещика...» (*Страхов Н. Н. Вздох на гробе Карамзина. С. 226*).

Статья Н. Н. Страхова воссоздает карамзинский стиль. Как можно судить уже по заглавию, критик в буквальном смысле воспроизводит поэтику карамзинской прозы. И жанр лирического воспоминания автора о годах учения в провинциальной семинарии, и впечатления детства и юности, круг чтения как нравственные основания личности, связь человека и эпохи, надежда на справедливый суд потомства, сам повышенно-эмоциональный строй речи, пронизанной ритмом и не чуждой риторических красот — все это свойственно карамзинской прозе. Да и рассказ о крестьянах Макателема стилизован под жанр сентиментальной повести. Кроме того, Страхов, критикуя слог Пыпина, подчеркивает мысль Карамзина о том, что дурной человек не может быть хорошим автором.

Карамзин как «русский помещик» охарактеризован в духе его «Письма к сельскому жителю»: «Главное право русского дворянина быть помещиком, главная должность его — быть добрым помещиком» (*Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 296*), и в этом заключается его верное служение отечеству и монарху.

Что же касается политических воззрений автора «Записки о древней и новой России», то она являет, по словам Страхова, пример такого «консерватизма», «который принадлежит к самой сущности всякой жизни» (*Страхов Н. Н. Вздох на гробе Карамзина. С. 221*).

«Я судил Карамзина, — пишет критик, — так, как следует его судить — по началам Карамзинским!» (Там же. С. 230).

Если непримиримая полемика с журнальным оппонентом встречается довольно часто, то «адресация к автору произведения — вещь редкая, почти исключительная» (*Таборисская Е. М.* Живое слово о русской классической критике // *Русская литература.* 2004. № 1. С. 237).

Между тем литературно-критические работы Н. В. Шелгунова, С. С. Шашкова, А. М. Скабичевского показали явное снижение оценки карамзинского наследия, нескрываемую иронию, порой сатирическое обличение. В. О. Ключевский и А. В. Никитенко упрекали Карамзина в воспитании далекого от жизни и вредного для новых поколений прекраснодушия.

Однако с начала 90-х годов, когда исполнилось сто лет с начала выхода в свет «Писем русского путешественника» и «Бедной Лизы», историко-литературная наука взялась за реабилитацию Карамзина, дискредитированного критикой 70—90-х гг. Полемика о Карамзине продолжалась, показывая, что дело не только в смене поколений и критериев оценки, но и в самой неоднозначности и весомости карамзинского наследия.

¹ Далее приводится фрагмент из статьи В. Г. Белинского «Литературные мечтания».

² Примерно с середины XIX столетия становится традицией празднование памятных дат в истории страны (*Афиани В. Ю.* Жизнь жанра (о юбилейных и мемориальных сборниках статей) // *Мир источниковедения.* Сб. в честь С. О. Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 216—221).

Печатные и рукописные материалы, посвященные 100-летию юбилею Н. М. Карамзина, в новом свете представили потомству личность и деятельность писателя и историка. Становилось очевидным, что значение Карамзина отнюдь не ограничено рамками его эпохи. Литераторы и ученые считали своим долгом указать на того Карамзина, «который не переставал жить и действовать по настоящее время среди нас и в нас самих» (*Вестник Европы.* 1866. Т. IV. Дек. С. LX—LXI).

Дата была отмечена не только в Петербурге и Москве, но и во многих других городах России: в Казани, Новгороде, Витебске, Воронеже, Полтаве, Гродно, Вильно, Херсоне, Новороссийске, Киеве, Владимире, Харькове, Нижнем Новгороде, Ярославле, Екатеринославе, Новочеркасске, Новороссийске, Одессе, Нарве, Митаве, Минске и др., где происходили также концерты, торжественные обеды и вечера с подобающими тостами и чтением приветственных телеграмм, писем, поздравлений и т. п. Русская общественность живо ощущала присутствие Карамзина в своих возвышенных стремлениях и идеалах, не случайно в абсолютном большинстве материалов Карамзин определяется как «незабвенный».

Были сделаны пожертвования в пользу малоимущих воспитанников и учреждены специальные стипендии (см.: *Журнал Министерства народного просвещения.* 1867. Ч. CXXXIII. С. 4) и премии гимназистам и студентам (см.: *Пономарев С. И.* Материалы для библиографии литературы о Н. М. Карамзине. К столетию его литературной деятельности 1783—1883. СПб., 1883. С. 129) за лучшее сочинение о Карамзине (РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 301); О праздновании столетнего юбилея Н. М. Карамзина (Там же). Юбилей Карамзина отмечался также и в семейном кругу (Моск. ведомости. 1866. № 266). См. об этом: *Сапченко Л. А.* Н. М. Карамзин:

судьба наследия (Век XIX). М.: МГПУ; Ульяновск: УлГУ, 2003. С. 59—86).

В многочисленных материалах Карамзин предстает как патриот и первооткрыватель («Колумб») российской истории.

Отвечая многими гранями просветительскому идеалу человека, образ Карамзина обладал способностью соотноситься с различными культурными парадигмами и отвечать на запросы времени. Востребованность в нем возникала в поворотные моменты общественно-культурного развития, в периоды изменений представления об истине, когда не бессмысленным оказывалось понятие человеческого достоинства, когда особенно было необходимо ощутить связь времен и не позволить ей оборваться.

³ Шаден Иоганн Матиас (1731—1796) — профессор Московского университета, директор пансиона, где учился Карамзин в 1777—1781 гг.

⁴ Дружеское Ученое общество было организовано Н. И. Новиковым в 1779 г.

⁵ Брат Рамзей.

⁶ Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781) — немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик. Вместе с К. Ф. Николаи и М. Мендельсоном издал «Литературные письма» (1759—1765).

⁷ В «Гамбургской драматургии» (1767—1769) Лессинг отстаивал эстетические принципы просветительского реализма.

⁸ Ленц Якоб Михаэль Рейнхольд (1751—1792) — немецкий писатель «Бури и натиска». С 1780 г. находился в России. Познакомился с Карамзиным в кружке Н. И. Новикова.

⁹ Николаи Кристоф Фридрих (1733—1841) — немецкий писатель, литературный критик, издатель и журналист; был известен как гонитель католицизма и иезуитизма.

¹⁰ Штарк Иоганн Август (1741—1816) — немецкий теолог.

¹¹ Мориц Карл Филипп (1757—1793) — немецкий писатель, профессор Берлинской академии художеств, создатель автобиографического произведения «Антон Райзер. Психологический роман» (1785—1790).

¹² Шрепфер Иоганн Георг (ок. 1730—1774) — один из руководителей масонства, имевший репутацию авантюриста.

¹³ Лафатер Иоганн Каспар (1741—1801) — швейцарский писатель, ученый-физиогномист. Еще в молодости Карамзин обратился с письмом к Лафатеру с вопросом о том, как сосуществуют и взаимно влияют душа и тело.

¹⁴ Шварц Иван Григорьевич (1751—1784) — профессор Московского университета, один из руководителей масонского кружка.

¹⁵ См. прим. 2 на с. 910.

¹⁶ С немецкими философами и писателями — Кантом, Виландом, Гердером — Карамзин встречался и беседовал во время своего европейского путешествия.

¹⁷ Мендельсон Мозес (1729—1786) — немецкий просветитель, философ, защитник веротерпимости.

¹⁸ См. прим. 25 на с. 870.

¹⁹ См. прим. 6 на с. 869. Руссо выступал против социального неравенства, деспотизма королевской власти, идеализировал «естественное состояние» всеобщего равенства и свободы людей, разрушенное введением частной собственности.

²⁰ Сен-Мартен Луи Клод (1743—1803) — французский философ-мистик. Полемизировал с просветителями. Во Французской революции конца XVIII в. видел провиденциальный «суд Божий». Оказал влияние на немецкий романтизм и русское масонство.

²¹ Лихтенберг Георг Кристоф (1742—1799) — немецкий писатель-сатирик, литературный и театральный критик эпохи Просвещения.

²² Ю. М. Лотман пишет: «Николай — просветитель, писатель и книгоиздатель, активный деятель из числа берлинских гонителей католицизма и иезуитизма — и его дармштадтский оппонент Штарк, которого обвиняли в тайном католицизме и даже иезуитизме, масон и основатель “тамплиерского клериката” (1767), были хорошо известны полярностью своих воззрений <...> Однако Карамзин увидал в этих антиподах общее — нетерпимость мнений, и это вызвало его осуждение. “Где искать терпимости, естьли самые Философы, самые просветители — а они так себя называют — оказывают столько ненависти к тем, которые думают не так, как они?”» (*Лотман Ю. М. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 565*).

²³ «Письма русского путешественника», запись «Июля 1» (1789).

²⁴ «Буря и натиск» — литературное движение в Германии 70—80 гг. XVIII в.

²⁵ «Письма русского путешественника» (запись «Париж, 2 апреля 1790).

²⁶ Имеется в виду трагедия Шиллера «Заговор Фиеско» (1783). Карамзин сообщает, что «читал ее с великим удовольствием от первой страницы до последней». «Едва ли не более всего, — пишет Карамзин, — тронул меня монолог Фиеска, когда он, уединясь в тихий час утра, размышляет, лучше ли ему остаться простым гражданином, и за услуги, оказанные им отечеству, не требовать никакой награды, кроме любви своих сограждан, или воспользоваться обстоятельствами и присвоить себе верховную власть в республике. Я готов был упасть перед ним на колени и воскликнуть: избери первое!» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 84*).

²⁷ *Галахов А. Д. История русской словесности, древней и новой. Т. II. Первая половина. СПб., 1868. С. 9, 10.*

²⁸ *Булич Н. Биографический очерк Н. М. Карамзина и развитие его литературной деятельности. Казань, 1866. С. 65—66.*

²⁹ В письмах «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору» (1793—1794) Карамзин с горечью рассказал о своем разочаровании, под влиянием якобинского этапа французской революции, в просветительских идеалах.

³⁰ Резиденция французских королей.

³¹ Дворец в Версале.

³² Платоном называл Карамзин Жан-Жака Бартеlemi (1716—1795) — французского писателя, археолога, автора ученых романов из жизни Древней Греции. В «Письмах русского путешественника» вся «сцена свидания автора и Бартеlemi написана с проекцией на сюжет романа Бартеlemi “Путешествие юного Анахарсиса”, в котором ищущий мудрости молодой скиф посещает Афины и беседует с греческими мудрецами» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 655).

³³ Мирабо Оноре Габриель Рикети (1749—1791) — граф, деятель Французской революции.

³⁴ А. Н. Пыпин цитирует статью В. Г. Белинского «Литературные мечтания».

³⁵ Лопухин Иван Владимирович (1756—1816) — масон, участник кружка Н. И. Новикова.

³⁶ «Письма русского путешественника» (запись «Париж, Мая ... 1790»).

³⁷ «Письма русского путешественника» (запись «Париж, Апреля ... 1790»).

³⁸ Галахов А. Д. Карамзин как оптимист // Отечественные записки. 1858. Т. 116. № 1. С. 107—146.

³⁹ А. Н. Пыпин цитирует из статьи Карамзина «Всеобщее обозрение» (Вестник Европы. 1802. № 1).

⁴⁰ Цитата из статьи Карамзина «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» (Вестник Европы. 1802. № 12).

⁴¹ Там же.

⁴² «Московский журнал» (1791—1792).

⁴³ «Аглая» (1794—1795); «Аониды» (1796—1799).

⁴⁴ Имеется в виду арест Н. И. Новикова, в защиту которого высказался единственно Карамзин и написал стихотворение «К милости». Как пишет Ю. М. Лотман, Карамзин этим стихотворением «очень дорожил ... и неизменно помещал его в начале своих сборников и собраний сочинений» (Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 110, 386). Видимо, отмечает исследователь, эта публикация явилась причиной прекращения издания «Московского журнала».

⁴⁵ Прозоровский Александр Александрович (1732—1809) — генерал-фельдмаршал, участник покорения Крыма при Екатерине II, усмиритель восстания крымцев против поставленного Россией хана Шагин-гирея. Как главнокомандующему Москвы Прозоровскому был адресован указ Екатерины II начать расследование по делу Н. И. Новикова (за издание масонских книг).

⁴⁶ См. наст. изд., с. 473—474.

⁴⁷ «Робеспьер внушал ему благоговение», — писал Н. И. Тургенев (см.: Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 502).

⁴⁸ Имеется в виду «Ода на случай присяги московских жителей его императорскому величеству Павлу Первому, самодержцу Всероссийскому» (1796). В стихотворении отразились надежды на Павла I как просвещенного монарха, существовавшие в прогрессивных кругах русского дворянского общества, отрицательно относившихся к политике Екатерины II.

⁴⁹ Имеются в виду стихотворения Карамзина «Его императорскому величеству Александру I, самодержцу Всероссийскому, на восшествие его на престол» (1801) и «На торжественное коронование его императорского величества Александра I, самодержца Всероссийского» (1801).

⁵⁰ О новом образовании народного просвещения в России // Вестник Европы. 1803. № 5. С. 49, 50, 53, 60—61.

⁵¹ О публичном преподавании наук в Московском университете // Там же. № 23 и 24. С. 267—268.

⁵² Сюзлий (Сюзли) Максимильтен де Бетюн, барон Рони (1560—1641) — приближенный Генриха Наваррского. В 1599—1611 гг. сюринтендант (министр) финансов; укрепил финансовое положение Франции.

⁵³ Кольберт (Кольбер) Жан-Батист (1619—1683) — генеральный контролер (министр) финансов Франции с 1665 г.

⁵⁴ Бернсторф Иоганн Гатвиг-Эрнст (1712—1772) — граф, выдающийся государственный деятель Дании. Обладал замечательными способностями и оставил по себе в Дании прекрасную память своими неунынными заботами о благе народа и о поднятии производительных сил страны.

⁵⁵ Известия и замечания // Вестник Европы. 1802. № 19. С. 234—236.

⁵⁶ О тайной канцелярии // Там же. № 6. С. 130.

⁵⁷ Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Там же. 1802. № 12.

⁵⁸ Эмфаза (гр. *emphasis*) — выразительность; подразумевается усиление эмоциональной выразительности речи с помощью интонационных приемов и риторических фигур.

⁵⁹ *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. II. С. 60.

⁶⁰ *Булич Н.* Биографический очерк Н. М. Карамзина и развитие его литературной деятельности. С. 101.

⁶¹ *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. II. С. 69.

⁶² Яворский Стефан (1658—1722) — российский церковный деятель, писатель.

⁶³ Феофан Прокопович (1681—1736) — украинский и русский государственный и церковный деятель и писатель, сподвижник Петра I.

⁶⁴ Абсентеизм — форма землевладения, при которой собственник земли, не участвуя в процессе производства, получает денежный доход в виде ренты или прибыли.

⁶⁵ Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772) — граф, фаворит императрицы Анны Иоанновны.

⁶⁶ Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693—1766) — граф, российский государственный деятель и дипломат, генерал-фельдмаршал (1762), кабинет-министр (1740—1741), канцлер (1744—1758). С 1762 г. первоприсутствующий в Сенате.

⁶⁷ Шувалов Петр Иванович (1710—1762) — граф, русский государственный деятель, генерал-фельдмаршал. Фактический руководитель правительства при Елизавете Петровне.

⁶⁸ Петр III Федорович (1728—1762) — российский император (с 1761), немецкий принц Карл Петр Ульрих, сын герцога Голштейн-Готторпского Карла Фридриха и Анны Петровны, внук Петра I. С 1742 г. в России. В 1761 г. заключил мир с Пруссией, что свело на нет результаты победы русских войск в Семилетней войне. Ввел в армии немецкие порядки. Свергнут в результате переворота, организованного его женой Екатериной, убит.

⁶⁹ См. прим. 13 на с. 879.

В альбоме, составленном для императрицы Елизаветы Алексеевны (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Т. 1. Индекс 567), Карамзин сделал на французском языке пространную выписку из Боссюэ, где, в частности, говорится: «Бог на высочайшем небеси держит правление всех царств; сердца всех в руке его: иногда воздерживает, а иногда попускает он страсти, и через то колеблет всем человеческим родом» (*Боссюэ Иаков Бенигн. Разговор о всеобщей истории* / Пер. Василия Наумова. М., 1761—1762. Ч. 1—3. С. 83).

⁷⁰ Цитата из стихотворения Карамзина «На торжественное коронавание его императорского величества Александра I, самодержца Всероссийского» (1801).

⁷¹ От фр. *octroyer* — даровать.

⁷² Маркóв (или Моркóв) Аркадий Иванович (1747—1827) — русский дипломат.

⁷³ См. прим. 62 на с. 920.

⁷⁴ Т. е. Наполеону.

⁷⁵ Карамзин имеет в виду, вероятно, Монтеня, писавшего: «Ничто не порождает в государстве такой неразберихи, как вводимые новшества; всякие перемены выгодны лишь бесправию и тирании» (*Монтень М. Опыты*: В 3 т. М., 2000. Т. 3. С. 223). Карамзин любил цитировать Монтеня.

⁷⁶ Архаров Николай Петрович (1742—1814) — известный администратор эпохи Екатерины II, московский обер-полицмейстер.

⁷⁷ Еропкин Петр Дмитриевич (1724—1805) — сенатор, генерал-аншеф, усмиритель народного бунта в Москве в 1771 г., вызванного эпидемией чумы.

⁷⁸ Эртель Федор Федорович (1767—1825) — генерал от инфантерии; московский, потом петербургский обер-полицмейстер, впоследствии военный генерал-полицмейстер действующей армии.

⁷⁹ См.: О верном способе иметь в России довольно учителей // *Вестник Европы*. 1803. № 8. С. 317—326.

⁸⁰ Цитата из статьи Карамзина «Нечто о науках, искусствах и просвещении» (Аглая. 1794. Ч. 1).

⁸¹ Меркель (Меркелис) Гарлиб (Готлиб) (1769—1850) — немецкий писатель, латышский просветитель, борец за освобождение латышей от крепостной зависимости.

⁸² Фореитор (нем. *Vorreiter*) — кучер, управляющий лошадьми в упряжке и сидящий на одной из них (при запряжке цугом — на передней).

⁸³ См. прим. 15 на с. 923.

⁸⁴ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. С. 161 (прим.).

⁸⁵ См. прим. 8 на с. 913.

⁸⁶ Булич Н. Биографический очерк Н. М. Карамзина и развитие его литературной деятельности. С. 100.

⁸⁷ Н. Н. Булич в книге «Биографический очерк Н. М. Карамзина и развитие его литературной деятельности» (С. 101).

⁸⁸ М. А. Корф пишет: «Карамзин до 1812 г. не был знаком с тогдашним государственным секретарем и впервые его увидел на минуту ... в Нижнем, у графа Толстого; настоящее же их сближение началось лишь с возвращения Сперанского в Петербург из Сибири. В это время они оба проводили летние месяцы в Царском Селе, где, часто встречаясь при дворе и в обществе, наконец стали и посещать друг друга.

В период величия и могущества Государева статс-секретаря Карамзин не любил его, не как изменника отечеству, — он не верил слухам о мнимой его измене, хотя также не вполне верил и тому, что говорил сам Сперанский и его друзья, — а как опасного нововводителя, в котором ревностный приверженец монархического начала и преданий старины подозревал тайный замысел извратить наше государственное устройство. Узнав его короче, он убедился в том, что у Сперанского не было закоренелых идей, не было ничего упорного, сектаторского, а напротив, была удивительно гибкая, всепонимающая, многосторонняя натура. Иного впечатления умный и наблюдательный Карамзин не мог вынести из знакомства, для них обоих почти совершенно нового. С тех пор, оценив всю пользу, которую можно было бы извлечь из дарований и опытности такого человека, он не только начал смотреть на него другими глазами, но и старался всячески поддерживать его у императора Александра, а Сперанский, со своей стороны, показал вид, что прощает или, по свойственному ему добродушию, в самом деле простил насмешки и укоризны сочинителя записки «О древней и новой России»» (Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 298—299).

⁸⁹ Макателем — имение Карамзиных Ардатовского и Арзамасского уездов Нижегородской губернии.

⁹⁰ На самом деле — письмо к П. А. Вяземскому от 31 декабря 1825 г. (Старина и новизна. 1897. Кн. 1. С. 169).

Н. В. Шелгунов

Люди сороковых и шестидесятых годов

Впервые: Дело. 1869. № 9. С. 1—29; № 10. С. 1—38; № 11. С. 1—51; № 12. С. 1—51. Подпись *Н. Ш.*, в № 12 *Н. Шелгунов*. Печатается по: *Шелгунов Н. В.* Литературная критика. Л., 1974. С. 66.

Попытки русского сознания. Сентиментализм и Карамзин

Впервые: Дело. 1874. № 2. С. 63—69. Печатается по первому изданию.

¹ Петрова звали Александр Андреевич.

² Этого нет в повести.

³ Самоубийство Лизы последовало после другого поступка Эраста.

⁴ Ср. с высказыванием Ап. Григорьева: «Карамзин по тогдашним своим идеям принадлежал к тому же самому направлению, как и благородный, но непрактичный энтузиаст Радищев. Радищев не мог подействовать на жизнь и на общество, потому что прямо приступил к ним с самым крайним и строгим идеалом цивилизации, с ее последними по тогдашнему времени требованиями. Карамзин как талант практический, начал действовать на нравственную сторону общества и в этой деятельности тоже в первую эпоху шел до крайностей» (см. наст. изд., с. 371).

⁵ Письмо сельского жителя // Вестник Европы. 1803. № 17. С. 52.

С. С. Шашков

Движение русской общественной мысли в начале XIX в.

Впервые: Дело. 1871. № 6. С. 150—156. Печатается по первой публикации.

Шашков Серафим Серафимович (1841—1882) — писатель. В течение своей тяжелой скитальческой жизни сотрудничал во многих изданиях, где публиковал статьи по разнообразным вопросам. Был постоянным сотрудником «Дела», разделяя вполне направление редакции. Крупнейшие статьи С. С. Шашкова относятся к области истории.

В данной статье Шашков вполне разделяет точку зрения А. Н. Пыпина на карамзинскую записку «О древней и новой России» («Очерки общественного движения при Александре I. IV. Карамзин. Записка “О древней и новой России”»), цитирует те же места, выражает те же чувства, цитирует и самого Пыпина.

См. полемический отклик Н. Н. Страхова («Вздых на гробе Карамзина») на публикацию А. Н. Пыпина (наст. изд., с. 377—400).

См. также: *Лотман Ю. М.* «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // *Лотман Ю. М.* Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957—1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997. С. 588—600.

¹ «Очерки общественного движения при Александре I» (см. наст. изд., с. 498—575).

² Письмо к И. И. Дмитриеву от 11 сентября 1818 г. (*Карамзин Н. М.* Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 249).

³ *Карамзин Н. М.* Для потомства // Карамзин Н. М. Неизданные соч. и переписка. СПб., 1862. Ч. 1.

⁴ С. С. Шашков цитирует неточно. Нужно: «Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все Авгуры, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка:

ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод» (*Карамзин Н. М. Из записной книжки <Мысли об истинной свободе (1826)>* // Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 161).

⁵ *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин. По его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. II. С. 69.

⁶ *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. I. С. 161 (прим.).

⁷ С. С. Пашков цитирует неточно. Нужно: «Имя русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его присвоивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а *Святая Русь* — первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оно! Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли всех иных европейцев *неверными*, теперь называем *братьями*; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россию — *неверным* или *братьям*? Т. е. кому бы она, по вероятности, долженствовала более противиться?» (*Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Николай Карамзин [Сб.]. М., 1998. С. 283—284).

⁸ П. А. Вяземский писал: «В замыслах Сперанского не было ничего преступного в юридическом смысле, государственно-изменнического; но было что-то предательское в личных отношениях Сперанского к Государю. Неограниченная доверенность Александра не встречала в любимце и сподвижнике его полной взаимности. Напротив, могла встретить она попользование употребить, если не во зло, то нередко через край, эту царскую доверенность. Кажется, не подлежит сомнению, что в окончательных целях не было единства между императором и министром: сей последний хотел идти далее и в особенности скорее. С другой стороны, в приятельских разговорах, чуть ли даже не в переписке, пускаемы были шутки, насмешливые прозвища, заимствования, между прочим, из сказок Вольтера. Все это, когда сделалось известным, не могло не иметь прискорбного отголоска в чувствах Государя. <...> Прибавьте к тому почти общее недоверие при оглашении государственных мер, вымышляемых Сперанским, неудовольствия, имевшего в Карамзине красноречивого обличителя, а в Великой Княгине Екатерине Павловне, в графах Ростопчине и Армфельде, в Балашове и может быть во многих других, деятельных и сильных и уже не просто теоретических поборников; примите потом в соображение, что на Россию надвигалась туча, разразившаяся грозой 1812 года, и известны были наполеоновские и вообще французские сочувствия Сперанского; сокупите все эти обстоятельства, подведите их под один итог, и тогда, если не вполне, по крайней мере несколько объяснится и оправдывается неожиданное и всех изумившее падение могучего счастливец» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878—1896. Т. VIII. С. 193).

⁹ *Булич Н.* Биографический очерк Н. М. Карамзина и развятие его литературной деятельности. Казань, 1866. С. 101.

¹⁰ См. наст. изд., с. 573—574.

VIII «КОГДА-НИБУДЬ ПОТОМСТВО ОЦЕНИТ...»

М. П. Погодин

Письмо из Симбирска об открытии памятника Карамзину
(К М. А. Дмитриеву)

Впервые: Москвитянин. 1845. Ч. V. № 9. Отделение первое. С. 1—18. Печатается по первой публикации.

Историческое похвальное слово Карамзину,
произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске,
августа 23, 1845 года, в собрании симбирского дворянства,
академиком М. Погодиным

Опубликовано отдельно: М., 1845; Москвитянин. 1846. № 1. Печатается по: Симбирский юбилей Карамзина. Симбирск, 1867. С. 180—220.

¹ Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866) — критик, поэт, переводчик, мемуарист, племянник И. И. Дмитриева, друга Н. М. Карамзина.

² Очень скоро после смерти историографа в обществе родилась идея увековечения памяти Н. М. Карамзина. Симбирские дворяне подали губернатору А. М. Загряжскому бумагу, где говорилось: «Желая ознаменовать и увековечить высокое уважение наше к памяти уроженца Симбирской губернии великого бытописателя Николая Михайловича Карамзина, творениями своими имевшего столь решительное, прочное и благотворное влияние на просвещение любезного отечества нашего: вознамерились мы воздвигнуть ему в городе Симбирске памятник...» (*Трофимов Ж. А.* Симбирский памятник Н. М. Карамзину. М., 1992. С. 7). Симбиряне просили губернатора исходатайствовать Высочайшее соизволение на открытие подписки для составления денежной суммы, необходимой для выполнения «сей священной цели».

Сбор средств продолжился в Петербурге на обеде, данном группой литераторов в честь И. И. Дмитриева. В списке жертвователей мы находим имена А. С. Пушкина, И. А. Крылова, П. А. Вяземского и др.

Памятник мыслился как дом для помещения библиотеки, в главной зале которой размещался бы мраморный бюст писателя на пьедестале, заключающем все его творения. Другая группа дворян настаивала на строительстве учебного заведения в память о Карамзине. Но высочайшее соизволение последовало лишь на сооружение памятника Н. М. Карамзину (император Николай побывал 22 августа 1836 г. в Симбирске). Среди ряда предложений выбор царя пал на проект С. И. Гальберга, представленный в двух вариантах. Совет Академии художеств остановился на том из них, где предполагалось «ставить как памятник на богатом пьедестале музу истории Клио, которая, имея в левой руке эмблематический при-

знак свой трубу, правую возлагает на жертвенник бессмертия скрижали Государства Российского, посвящая их таким образом бессмертию» (*Трофимов Ж. А.* Симбирский памятник Карамзину. С. 15). Утвержденная императором надпись на пьедестале памятника:

Н. М. Карамзину,
историку Российского государства
повелением императора Николая I
1844 года, —

не отразила заслуг Карамзина в области литературы, он был увековечен только как придворный историограф, но почитатели его творчества никогда не разделяли Карамзина на писателя и историка.

С. И. Гальберг начал создание памятника, но в 1839 г. скончался. Талантливые выпускники Академии А. А. Иванов, П. А. Ставассер, Н. А. Рамазанов и К. М. Климченко довели работу до конца. Отливка статуи Клио из бронзы была осуществлена в мастерских Академии художеств под руководством П. К. Клодта.

Статуя музы истории с большими трудностями была доставлена на Симбирскую пристань летом 1843 г. Здесь она пролежала около полутора лет, до тех пор, пока из столицы не прибыли четырехугольный пьедестал из красно-бурого финляндского гранита и бронзовый бюст Н. М. Карамзина.

Бюст был помещен в нише лицевой стороны пьедестала, на самом постаменте была установлена бронзовая статуя музы истории Клио. Из бронзы были отлиты также горельефы, на которых в соответствии с классическим стилем все фигуры изображены в античных одеждах. На левом (северном) Карамзин читает отрывки из своей «Истории» императору Александру во время пребывания того в Твери в 1811 г. На правом (южном) Николай Михайлович запечатлен на смертном одре в окружении своего семейства в тот момент, когда познакомился с рескриптом Николая о пожаловании ему щедрого пенсионера. Женская фигура с рогом изобилия на горельефе символизирует славу и богатство, но умирающий отвергает земные дары: он уже на пути к другим берегам...

³ Языков Петр Михайлович (1798—1851) — ученый, этнограф, естествоиспытатель, брат поэта Н. М. Языкова. Дом Языковых в Симбирске (сохранившийся по сей день) находится в нескольких шагах от места, где был сооружен памятник Н. М. Карамзину.

⁴ Аржевитинов Иван Семенович (1792—1847) — общественный деятель, участник войны 1812 г.

⁵ Булдаков Николай Михайлович (ум. в 1849) — симбирский губернатор (назначен в 1844).

⁶ Гейм Иван Андреевич (1758—1821) — лексикограф, историк, профессор Московского университета.

⁷ Мережа — ячеистая ткань, вязание; рыболовная сеть в полотнищах без отделки. Мрежа, мережа; мрежник, мережник — рыбаки (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. И—О. М., 1955. С. 319, 355).

⁸ Юрлов Петр Иванович (1793—1869) — симбирский дворянин, собиратель художественных и исторических памятников.

⁹ Киндяков Александр Львович (1805—1884) — подполковник, предводитель дворянства Симбирского уезда (1845—1847).

¹⁰ Титов Владимир Павлович (1807—1891) — литератор, участник кружка Любомудров.

¹¹ Ознобишин Дмитрий Петрович (1804—1877) — поэт, переводчик, уроженец Симбирской губернии.

¹² Существуют также версии о том, что Карамзин родился в с. Михайловка Бузулукского уезда Оренбургской губернии или в с. Знаменском Симбирского уезда Симбирской губернии.

¹³ Тургенев Иван Петрович (1752—1807) — симбирский помещик и известный масон, направил Карамзина в Москву к известному книгоиздателю и журналисту Николаю Ивановичу Новикову.

¹⁴ Обращенные к России заключительные слова Карамзина из его Предисловия к «Истории государства Российского».

¹⁵ Образ ломоносовской «Оды, выбранной из Иова», где Бог, обращаясь к Иову, указывает на величие земного творения:

Ты можешь ли Левиафана
На уде вытянуть на брег?
В самой середине Океана
Он быстрой простирает бег;
Светящимися чешуями
Покрыт, как медными щитами,
Копье, и меч, и молот твой
Считает за тростник гнилой. <...>

И т. д.

¹⁶ Карамзин Андрей Николаевич (1814—1854) — сын историографа, полковник.

¹⁷ См. выше прим. 14.

¹⁸ Валуев Дмитрий Александрович (1820—1845) — русский историк, славянофил. Положил начало изучению местничества. Издал «Синбирский сборник» и «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единовверных и единоплеменных» (2 т.). Оказал влияние на развитие русской славистики.

¹⁹ На Арарате (самом высоком вулканическом массиве Армянского нагорья) останавливался, согласно библейскому сказанию, Ноев ковчег во время всемирного потопа.

²⁰ Гутенберг Иоганн (между 1394—1399 или 1406—1468) — немецкий изобретатель книгопечатания.

²¹ Шафиров Петр Павлович (1669—1739) — русский государственный деятель и дипломат, вице-канцлер, сподвижник Петра I, автор исторического сочинения о Северной войне (1700—1721).

²² Детское чтение для сердца и разума. В этом журнале, издаваемом Н. И. Новиковым в 1785—1789 гг., Н. М. Карамзин вместе с А. А. Петровым принимал активное участие.

²³ См. прим. 8 на с. 869.

²⁴ См. прим. 2 на с. 888.

²⁵ Письмо сельского жителя // Вестник Европы. 1803. № 17. С. 52.

²⁶ Питт Уильям Младший (1759—1806) — премьер-министр Великобритании в 1783—1801 и 1804—1806 гг., лидер так называемых новых тори.

²⁷ Фокс Чарлз Джеймс (1749—1806) — лидер радикального крыла вигов в Великобритании.

²⁸ Письмо к М. Н. Муравьеву от 6 марта 1806 г. (*Погодин М. П. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 2. С. 30.*)

²⁹ Марк Эфесский (ум. в 1450) — митрополит Эфесский, известный защитник православия на Флорентийском соборе (1439) и после него.

³⁰ См. прим. 7 на с. 876.

³¹ См. прим. 6 на с. 878.

³² Мабли Габриель Бонно (1709—1785) — французский утопист. Предлагал уравниательные мероприятия: ограничение потребностей, пресечение роскоши и др.

³³ Атеней. 1858. № 28. С. 117.

³⁴ См. прим. 26 на с. 948—949.

³⁵ Письмо к И. И. Дмитриеву от 29 декабря 1819 г. (*Погодин М. П. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. 2. С. 402, 407.*)

³⁶ См. наст. издание, прил. к ст. Н. И. Греча «О жизни и сочинениях Карамзина» (с. 473).

³⁷ Письмо к А. И. Тургеневу от 17 ноября 1815 г. (*Карамзин Н. М. Избр. статьи и письма. М., 1982. С. 260.*)

³⁸ Письмо к И. И. Дмитриеву от 22 октября 1825 г. (*Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 408.*)

³⁹ Цитата из оды М. М. Хераскова на воцарение Александра I (1801).

⁴⁰ Письмо к И. И. Дмитриеву (процитировано с некоторыми сокращениями) от 18 февраля 1825 г. (*Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. С. 391.*)

⁴¹ Письмо к И. И. Дмитриеву от 21 ноября 1819 г. (Там же. С. 276).

⁴² Письмо к И. И. Дмитриеву от 17 июля 1817 г. (Там же. С. 218—219).

⁴³ Письмо к И. И. Дмитриеву от 27 января 1819 г. (Там же. С. 256).

⁴⁴ Письмо к И. И. Дмитриеву от 16 июня 1822 г. (Там же. С. 331).

⁴⁵ Письмо к И. И. Дмитриеву от 22 октября 1825 г. (Там же. С. 408).

⁴⁶ Письмо к А. И. Тургеневу от 6 сентября 1825 г. М. П. Погодин цитирует неточно. Нужно: «Для нас, русских с душой, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует; все иное есть только отношение к ней, мысль, привидение. Мыслить, мечтать можно в Германии, Франции, Италии, а дело делать единственно в России; или нет гражданина, нет человека...» и т. д. (*Карамзин Н. М. Избр. статьи и письма. С. 261.*)

⁴⁷ Письмо к И. И. Дмитриеву от 19 декабря 1825 г. (не последнее) (*Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. С. 411.*)

⁴⁸ Письмо к графу Каподистрия (Журнал Министерства народного просвещения. 1833. Янв. С. 10—11).

⁴⁹ Письмо к И. И. Дмитриеву от 22 марта 1826 г. (*Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. С. 417.*)

⁵⁰ Приложение В. А. Жуковского к его переводу (с французского) письма Н. М. Карамзина к графу Каподистрия (Журнал Министерства народного просвещения. 1833. Янв. С. 1—6).

⁵¹ Этими словами заканчивается Предисловие Карамзина к «Истории государства Российского».

К. С. Аксаков

О Карамзине

Речь, написанная для произнесения
пред симбирским дворянством (1848)

Впервые: Русская литература. 1977. № 3. С. 102—110. Печатается по изданию: *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текста, вступ. статья В. А. Кошелева. М., 1995. С. 172—185.

Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860) — публицист, критик, поэт, лингвист, историк. Сын С. Т. Аксакова. Патриархальный семейный уклад воспитал в нем «русское чувство». «В десятилетнем возрасте он прочел “Историю государства Российского” Карамзина, в котором особенно поразил его эпизод о героическом князе Вячке (погибшем при осаде немецкой крепости Куксгаген. Он тут же установил семейный праздник Вячки (30 ноября) и стал устраивать целые представления и героически театрализованными шествиями, хороводами, русскими песнями и угощениями» (*Кошелев В. А.* «Неправо о вещах те думают, Аксаков...» // Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 13).

С. А. Венгеров, автор единственной русской монографии о К. С. Аксакове, называл его «Передовой боец славянофильства». Преобразования Петра I, сблизившие Россию и Запад внешне и отделившие «верхи» русского общества от его «низов» («публику» от «народа»), воспринимаются К. С. Аксаковым как страшное духовное бедствие. Он мечтает о возвращении на тот путь, которым Россия шла прежде.

В исторической концепции Аксакова-славянофила центральное место занимает тезис об общинном строе в России, который определял строгое разграничение «Земли» (т. е. народа) и «Государства». Славянофильскую «идею народа» соотносил с народностью в искусстве.

Речь «О Карамзине», написанная «для произнесения пред Симбирским дворянством», предназначалась не для публикации, а для распространения в списках. Непосредственным поводом для создания этой речи явилась речь М. П. Погодина на открытии памятника Карамзину в Симбирске (23 августа 1845 г.), вышедшая в 1845 г. отдельным изданием и перепечатанная в «Москвитянине» (1846. Ч. 1. № 1. С. 1—66). Этой полемической установкой объясняется и жанр статьи: «речь», написанная «для произнесения» перед той же аудиторией, которая внимала речи Погодина. Аксаков выступает против ее основного тезиса — «народности» Карамзина, писателя и историка, о том, что в его произведениях появился «дух всей русской жизни», «дух русского человека». Тезисы Аксакова прямо противопоставлены погодинским, но при этом внешне его «речь» композиционно соответствует выступлению оппонента.

В 1849 г. К. С. Аксаков, планируя издание «Московского сборника на 1849 г.», предполагал поместить эту речь уже в первом выпуске, но этот сборник не увидел света (Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. С. 498).

¹ Имеется в виду труд И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (Т. 1—12. М., 1788—1789; Дополнения. Т. 1—18. М., 1790—1797).

² У Карамзина: «Расстался я с вами, милые, расстался».

³ В диссертации «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (1846) К. С. Аксаков рассматривал «замкнутый оборот речи» как признак освобождения языка от «сферы национальности».

⁴ В рассуждении о «русском барине» содержится скрытая полемика со статьей Ю. Ф. Самарина о «Тарантасе» В. А. Соллогуба (1845). Самарин, по мнению Аксакова, исказил образ «допетровского боярина», соотнеся его с обликом «степняка, вообще деревенского помещика» (см.: Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. С. 499).

⁵ Имеются в виду переводы Карамзиным «Contes morales» Мармонтеля (Переводы Карамзина. 3-е изд. СПб., 1820. Т. 2).

⁶ Имеются в виду последние публикации писем Карамзина: Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847. Ч. 1—2 и др. Они вошли в кн.: Карамзин Н. М. Неизданные соч. и переписка. СПб., 1862. Ч. 1; Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии. М., 1866. Ч. 1—2.

П. А. Плетнев

В редакцию «Вестника Европы»

Впервые: Вестник Европы. 1866. Т. 1. № 3. С. XI—XV. Печатается по: Плетнев П. А. Статьи. Стихотворения. Письма / Сост., вступ. статья и прим. А. А. Шелаевой. М., 1988. С. 356—359.

Плетнев Петр Александрович (1791—1866) — критик, поэт, журналист, издатель, педагог. Литературную деятельность Плетнев начинал как воспитанник карамзинской школы, встречался с Карамзиным на литературных вечерах. Плетнев воспринял карамзинскую веру в нравственное совершенствование человека, силу разума, в литературный прогресс и усвоил навсегда карамзинское правило критической оценки: «более хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно» (Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 230). Особое отношение к Карамзину Плетнев сохранял и в последующие годы.

В 1866 г. было предпринято издание журнала под карамзинским названием «Вестник Европы». На объявление об этом начинании откликнулся П. А. Плетнев. За 5 дней до смерти по просьбе М. М. Стасюлевича он написал письмо для первого номера журнала о высокой культурно-исторической миссии Карамзина, его плодотворных усилиях примирить

различные культурные и общественные русские течения, сохраняя при этом способность к обновлению и развитию. Приветствуя издателей за желание «почтить память нашего достойнейшего отечественного историка» в год его столетнего юбилея и отвергая лозунг «Прочь авторитеты!», П. А. Плетнев определяет место Карамзина в истории русской литературы. «Карамзин бесспорно замечательный литератор в лучшем и высшем значении этого слова. Чем ни занимался он в нашей литературе, на всем оставлялся след обновления и совершенствования». Далее автор письма в редакцию «Вестника Европы» высказывает вполне справедливую мысль о том, что все «эти улучшения, эти богатства, внесенные Карамзиным в общую сокровищницу литературы нашей, как и все пережившее свой век, не могут быть снова принимаемы для поддержания достоинства и блеска современных трудов. На этом поприще необходимо полное обновление». П. А. Плетнев солидарен с издателями журнала в том, что каждый его отдел должно обрабатывать не по старинке, а «по требованиям ныне господствующего направления», и именно этим издатели ставят себя «вне всякой зависимости от Карамзина».

Следующая мысль письма глубока и плодотворна: «Между тем в этом же авторитете еще столько остается сокровищ, которых благотворного влияния еще надо пожелать всякому». Но затем (и именно здесь проявляется парадокс тогдашнего отношения к Карамзину) П. А. Плетнев (продолжая уже сложившуюся традицию) начинает говорить не о литераторе, писателе, художнике слова, а о человеке и, пожалуй, об историке.

Отдавая дань искреннего уважения личности Карамзина, Плетнев называет его замечательнейшие качества: преданность своему поприщу, трудолюбие, отсутствие честолюбия, «неутомимость, настойчивость и добросовестность его в составлении “Истории Российского Государства”».

Высочайшая оценка карамзинского наследия отнесена именно к «Истории...». П. А. Плетнев развивает далее эту мысль. «Две новые школы» в русской литературе появились, утверждает он, в «сфере» Карамзина, хотя их представители выбрали себе «независимую дорогу»

Но заканчивается письмо снова обращением к личности Карамзина, упоминается его благодушие, его «сочувствие ко всякому честному труду ума и вкуса», его «тепло и участие» к близким и дальним, ко всем, кто пожелал бы слышать его «мнение о своих убеждениях».

Письмо стало литературным завещанием самого Плетнева.

¹ Речь, по-видимому, идет о Н. А. Полевом и его статье «История государства Российского Карамзина», опубликованной в «Московском телеграфе» (1829. Ч. 27. № 12. С. 487—500).

² Журнал был задуман как подобие английских трехмесячных «Review» (обзоров).

Ф. И. Буслаев

Письма русского путешественника

Впервые: Московские университетские известия. 1866. № 3. Отд. П. С. 185—199. Печатается по: Буслаев Ф. И. «Письма русского путе-

пешественника» // Буслаев Ф. И. О литературе. Исследования. Статьи. М., 1990. С. 448—460.

Буслаев Федор Иванович (1818—1897) — языковед, фольклорист, литературовед, историк искусства.

В Московском университете празднование столетней годовщины Карамзина открылось 30 ноября торжественной службой в университетской церкви (божественная литургия и панихида). 1 декабря в 12 часов пением церковного стиха «Днесь благодать Св. Духа нас собра» началось заседание в университетской актовой зале. Прозвучали речи С. М. Соловьева, Ф. И. Буслаева, подчеркнувшего «живительную силу» творений Карамзина (*Буслаев Ф. И. «Письма русского путешественника»* // Буслаев Ф. И. О литературе. Исследования. Статьи. М., 1990. С. 448. См. также наст. изд.), Н. С. Тихонравова, Н. В. Калачова. Были исполнены также концерт «Господи силою твоею возвеселится Царь» и стихотворение кн. Вяземского «Тому сто лет». «В начале 4 часа заседание окончилось пением народного гимна» (Московские университетские известия. 1866—1867. № 2. С. 161).

Праздник заключен был торжественным обедом по подписке и подобающими тостами. Были посланы приветственные телеграммы в Петербург и Симбирск.

В своей речи Ф. И. Буслаев развивает тему «живого Карамзина», сквозную в юбилейных материалах.

Буслаев останавливается на «Письмах русского путешественника», подчеркивая их современность, не утраченную актуальность, энциклопедизм. По своей многотемности и многопроблемности «Письма...» без преувеличения могут быть названы энциклопедией европейской жизни. Помимо энциклопедизма «Письма» обладают ясно выраженной концепцией прогресса, который заключался для Карамзина равно как в успехах промышленности и торговли, так и в утверждении гуманности, культурных взаимосвязей, близости к природе. Буслаев отмечает «необычайную цивилизующую силу этих писем» (*Буслаев Ф. И. «Письма русского путешественника»*. С. 449).

Буслаев излагает взгляды автора «Писем...» на проблему «Россия и Европа». Карамзин считает, что достоинство нации — в ее способности стать на путь цивилизации. Развитие промышленности, торговли, культурных взаимосвязей — вот, по Карамзину, средства прогресса, способы достижения всеобщего процветания. Цель же прогресса — нравственное сближение народов. Путешествие (в духе философии Просвещения) мыслится у Карамзина как идеальная, наиболее целесообразная и уникальная форма человеческой активности.

Созданный Карамзиным в «Письмах» образ путешественника, русского европейца, — это образ именно русского человека, но — в идеале, в развитии. Он энциклопедически образован, начитан. Восхищаясь достижениями европейской культуры, наслаждаясь благами цивилизации, он никогда не принижает Россию. Чувство собственного достоинства позволяет ему на равных говорить с великими европейскими современниками, зная их языки и понимая их убеждения.

Ф. И. Буслаев впервые говорит об изменении принципов художественного видения в структуре «Писем русского путешественника». В «Пись-

мах...» имеет место, с одной стороны, традиционно-устойчивое знание, внеличностная система истин, следование литературному обычаю, а с другой — индивидуальное восприятие реальности, субъективное видение мира. Структура художественного образа в произведении Карамзина претерпевает определенную эволюцию и являет при этом широкий спектр типов: от аллегорического, однозначного, до символического, бесконечного в своей многозначности.

Карамзин видел в прогрессе закон развития человечества, но его глубоко волновал вопрос, каким путем должны происходить перемены в жизни общества. Став свидетелем революционных событий в Париже весной и летом 1790 г., Карамзин недвусмысленно выразил свое отношение к насильственным потрясениям. Революция для Карамзина — форма политического безумия, буйство страстей, вырвавшихся из-под контроля рассудка, плачевное пренебрежение необходимым согласием сердца и разума, согласием, без которого невозможно существование общества. Писатель и историк убежден: катастрофическая смена деспотизма и анархий неизбежна, если не противопоставить им постепенный прогресс, основанный на успехах разума и нравственности.

Заканчивает Буслаев повторением мысли о том, что «Письма русского путешественника» не потеряли своего значения, заложили основу непрерывающейся традиции. Карамзинское наследие становится для русских писателей последующих поколений определенной смыслопорождающей моделью: вера в просветительские идеалы и понимание несбыточности мечты, драматизм жизни и доверие к Провидению, величие души «маленького» человека и его горестная участь, стремление к примирению с миром и думы о происхождении зла — станут сущностными для нашей литературы.

Речь, произнесенную на университетском заседании, приуроченном к столетию со дня рождения Н. М. Карамзина, Буслаев «публиковал неоднократно и в газете, и в виде отдельной брошюры, включив затем в двухтомный сборник “Мои досуги” (М., 1886), что, несомненно, свидетельствует о том, что он как-то по-особенному дорожил ею» (*Афанасьев Э. Л.* Примечания // Буслаев Ф. И. О литературе. Исследования. Статьи. М., 1990. С. 494—496).

¹ Сказано в Московском университете 1 декабря 1866 г. на столетнем юбилее дня рождения Карамзина.

² Платнер Эрнест (1744—1818) — немецкий антрополог и философ.

³ Имеется в виду Кристиан Готлоб Гейне (1729—1812) — ученый, профессор античной философии в Геттингене.

⁴ Виланд Кристоф Мартин (1733—1813) — немецкий писатель Просвещения.

⁵ См. прим. 13 на с. 918.

⁶ См. прим. 13 на с. 1008.

⁷ См. прим. 46 на с. 954.

⁸ См. прим. 25 на с. 870.

⁹ Ода Аддисона, «в которой Поэт благодарит Бога за все дары, принятые им от руки Его — за сердце, чувствительное и способное к наслажде-

нию — и за друга, верного, любезного друга! <...> Сия ода напечатана в Английском Зрителе. Некогда просидел я целую ночь за переводом ея, и в самую ту минуту, когда написал последние два стиха:

И в самой вечности не можно
Воспеть всей славы Твоея!

Восходящее солнце осветило меня первыми лучами своими. Это утро было одно из лучших в моей жизни!» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника*. Л., 1984. С. 148).

¹⁰ Вейсе Кристоф Феликс (1726—1804) — немецкий писатель, журналист.

¹¹ Тоблер Иоганнес (1732—1808) — швейцарский поэт и переводчик.

¹² См. прим. 26 на с. 870.

¹³ Геснер Соломон (1730—1788) — швейцарский писатель-идиллик и художник.

¹⁴ Мельпомена — в древнегреческой мифологии одна из девяти муз, покровительница трагедии; символ сценического искусства.

¹⁵ Маттисон Фридрих (1761—1831) — немецкий поэт.

¹⁶ См. прим. 19 на с. 933.

¹⁷ См. прим. 24 на с. 870.

¹⁸ Готический собор XIII—XV вв.

¹⁹ Дагобер (622—688) — франкский король.

²⁰ Чосер Джеффри (1340—1400) — английский поэт.

²¹ Рабле Франсуа (ок. 1494—1553) — французский писатель.

²² Эразм Роттердамский (1466—1536) — нидерландский гуманист, автор сатиры «Похвала глупости».

²³ Тюрени Анри де ла Тур д'Овернь (1611—1675) — французский маршал.

²⁴ Лебрюн (Лебрэн) Шарль (1619—1690) — французский художник.

²⁵ Артуа Шарль д' (1757—1836) — внук Людовика XV, глава монархической эмиграции, впоследствии французский король Карл X.

²⁶ Павзаний (Павсаний; II в. до н. э.) — греческий историк и географ.

²⁷ Пигаль Жан-Батист (1714—1785) — французский скульптор.

²⁸ Рафаэль Санти (1483—1520) — итальянский живописец и архитектор.

²⁹ Джулио Романо (1492 или 1499—1546) — итальянский архитектор и живописец.

³⁰ Рубенс Питер Пауль (1577—1640) — прославленный фламандский художник.

³¹ Клопшток Фридрих Готлиб (1724—1803) — немецкий поэт.

И. А. Гончаров

Заметки по поводу юбилея Н. М. Карамзина

Печатается по: *Гончаров И. А. Собр. соч.*: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 15—18.

¹ Во второй половине XIX столетия Карамзин продолжал оставаться *живым* явлением русской литературы и культуры.

В письме к А. Н. Пыпину от 10 мая 1874 г. (см. наст изд., с. 401) Гончаров признавался: «Про себя я могу сказать, что развитием моим и моего дарования я обязан прежде всего влиянию Карамзина, которого тогда только еще *начинали переставать* читать, но я и сверстники мои успели еще попасть под этот *конец*, но, конечно, с появлением Пушкина скоро отрезвлялись от манерности и сентиментальности французской школы..., которой Карамзин был представителем. Но тем не менее моральное влияние Карамзина было огромно и благотельно на все юношество».

В одной из своих записок (о помещении на «памятнике России» статуи Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина и Шевченко) Гончаров характеризует Карамзина как одного из тех авторов, которые дали «новое содержание и характер своей эпохе» (ОР РНБ. Ф. 209. Ед. хр. 27. *Гончаров И. А.* Записка к неустановленному лицу).

В набросках биографии Гончаров говорит о «живом непосредственном влиянии на общество Карамзина и Пушкина», неуклонно возвращается к мыслям о Карамзине, отмечая его благотворное нравственное воздействие: «Юношеское сердце искало между писателями симпатии и отдавалось тогда Карамзину... как гуманнейшему из писателей» [7, 218, 222]. О «живом сочувствии» писал и Ф. И. Тютчев в стихотворении «На юбилей Н. М. Карамзина». Гончаров и Тютчев говорят о благородстве и чистоте души Карамзина, о «целомудренно-свободном духе», о достоинстве и независимости и т. д., продолжая традицию, начатую еще Жуковским.

Я. К. Грот

Очерк деятельности и личности Карамзина
(читанный академиком Я. К. Гротом в торжественном собрании
Императорской Академии Наук 1 декабря 1866)

Впервые: СПб., 1866. Печатается по первой публикации.

Грот Яков Карлович (1812—1893) — языковед, историк литературы, переводчик, академик Петербургской АН. Издал вместе с П. П. Пекарским «Письма Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриеву» (СПб., 1866).

Имя Грота тесно связано с изучением целого ряда выдающихся русских писателей и исторических деятелей.

В середине 60-х гг. XIX в. широко отмечались 100-летие со дня смерти Ломоносова и 100-летие со дня рождения Карамзина.

Уже с сентября 1866 г. Президент Императорской Академии наук и попечители различных учебных округов Российского государства (Санкт-Петербургского, Казанского, Киевского, Одесского, Харьковского и др.) стали обращаться к министру народного просвещения графу Д. А. Толстому с просьбой разрешить празднование юбилея Карамзина. Д. А. Толстой ходатайствует об этом перед императором и получает высочайшее разрешение (РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 301. О праздновании столетнего юбилея Н. М. Карамзина).

Печать того времени не только помещала подобающие материалы, но и пыталась осмыслить историко-культурное и нравственно-философское значение формирующегося явления: «Воспоминание о славных деятелях прошедших веков имеет великое нравственное значение для общества, которое не порвало внутренней связи, соединяющей его с предшествовавшими, уже исчезнувшими поколениями. Погружаясь в воспоминание, оно отрывает свое внимание от мимопролетающих забот дня и освежается спокойным созерцанием исторического течения жизни, в котором яснее, чем в ее современном водовороте, открываются вечные идеи добра и правды. Потомство, чествуя своих славных предков, приносит им дань своего уважения и удивления; но заблуждалось бы оно, если бы думало, что, воздавая им должное, оно само не приобретает еще более, чем дает. Не Ломоносовым, не Карамзиным нужны наши юбилейные празднества: забывчивость потомства не умалила бы ни их величия, ни их славы; эти торжественные воспоминания необходимы нам, их потомкам, выносящим из обращения к прошедшему и спасительные уроки для настоящего, и новые, свежие силы для плодотворной деятельности...» (Северная почта. 1866. № 257).

Это было продолжение мыслей, высказанных самим Карамзиным в Предисловии к «Истории государства Российского»: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» (Карамзин Н. М. Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 232).

Столетний юбилей Н. М. Карамзина стал поводом для осмысления его значения в прошлом и настоящем. Этому способствовал ряд изданий, предшествовавших юбилею и приуроченных к нему: *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями. М., 1866. Ч. 1—2; *Неизданные сочинения и переписка Карамзина.* СПб., 1862. Ч. 1; *Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву.* СПб., 1866 и др. Современные определили это как «загробное обращение к ним Карамзина» (Из бумаг Н. М. Карамзина, хранящихся в Государственном архиве. С предисловием князя Н. П. Мещерского. СПб., 1898. С. 8).

Показательно, что в своей юбилейной речи доцент Императорского Новороссийского университета П. Полевой, признавшись вначале, что не чувствует себя «ни подготовленным, ни вообще способным сказать ... в настоящую минуту что-нибудь новое о Карамзине», все же останавливается на том, что из произведений «незабвенного писателя» и особенно из напечатанных писем собирает «те живые черты, которые будут в состоянии воссоздать ... высоконравственную личность Карамзина», знакомят «с его воззрениями на современников и современность, а подчас обнаружат и очень трудную, но твердо-переносимую и искусно-скрываемую борьбу с очень тяжелыми условиями жизни» (Речь, произнесенная доцентом Императорского Новороссийского университета П. Полевым в день празднования столетнего юбилея Н. М. Карамзина. Оттиск из «Одесского вестника». 1866. № 268. С. 1).

В новом свете предстали потомству личность и деятельность писателя и историка. Становилось очевидным, что значение Карамзина отнюдь не ограничено рамками его эпохи.

«Вестник Европы» рассказывает о юбилейном торжестве: «...подробное развитие деятельности Карамзина заставляло ораторов академического юбилея, и Я. К. Грота, и особенно М. П. Погодина, в их превосходных и оживленных речах говорить не столько о Карамзине, сколько предлагать Карамзину самому обращаться к публике с своими идеями и взглядами. Не все, завещанное Карамзиным, выполнено его потомством; вот почему Карамзин и после своей смерти сохранил для нас всю современность, вот почему для торжества памяти Карамзина был нужен не столько банкет, сколько торжество академическое, на котором сам Карамзин, так сказать, мог бы явиться сам посреди нас и обратиться к нам с своим советом, с своими душевными мыслями». Автор статьи подытоживает: «Одним словом, форма торжества карамзинского юбилея, если она не имела, как говорят, общенародного, более шумного характера, то, с другой стороны, мы можем сказать, что первое декабря 1766 года видело *рождение* Карамзина, а первого декабря 1866 года мы усиливались воспроизвести его *возрождение* (в обоих случаях курсив автора статьи. — *Сост.*), мы хотели заставить Карамзина снова жить посреди нас, сделать его нашим мудрым советником и воодушевиться теми благородными мыслями, которые занимали некогда его великую душу, его честное и незлобивое сердце» (Вестник Европы. 1866. Т. IV. Декабрь. С. LVIII—LIX).

В день столетней годовщины рождения Карамзина 1 декабря 1866 года состоялось торжественное собрание Императорской Академии наук.

К началу заседания обширная зала академии уже едва вмещала в себе многочисленных посетителей, среди которых находились «многие государственные сановники, духовные особы, ученые, литераторы, художники и проч.» (Санктпетербургские ведомости. 1866. № 322). «...Недостало стульев, и многие поместились за колоннами, в амбразурах окон и проч.» (Петербургский листок. 1866. № 176). Присутствовали сын историографа Владимир Николаевич Карамзин, дочери: княгиня Екатерина Николаевна Мещерская с семейством, Елизавета Николаевна Карамзина и вдова старшего сына Андрея Николаевича Аврора Карловна Карамзина. «Санктпетербургские ведомости» отмечают, что всех присутствовавших было свыше полутора тысяч и что собрание отличалось многочисленностью дам. Память Карамзина почтили также великие князья и другие высокопоставленные особы.

Открывая собрание кратким заявлением о значении этого дня, президент Академии граф Ф. П. Литке сообщил, что в память заслуг, оказанных Карамзиным отечественной науке и литературе, «Государь Император всемилостивейше соизволил пожаловать сына его, члена санктпетербургской судебной палаты действительного статского советника В. Н. Карамзина в кавалеры ордена св. Станислава 1 степени; кроме того, той же награды удостоен академик М. П. Погодин; академику П. М. Строеву, составителю указателя к «Истории государства Российского», высочайше пожалована прибавка в 1000 руб. к получаемой им пенсии» (Санктпетербургские ведомости. 1866. № 322).

Затем непременный секретарь академик К. С. Веселовский представил изданные к этому дню письма Карамзина к И. И. Дмитриеву, переданные в распоряжение Академии М. А. Дмитриевым, немного не дожившим до карамзинского юбилея, но успевшим издать также записки И. И. Дмит-

риева и отправить экземпляр этой книги П. А. Вяземскому для принесения ее, от имени издателя, в дар Академии, ко дню юбилея.

Непременный секретарь упомянул также о прочих трудах, изданных или приготовленных к изданию: двухтомник Погодина с подробным жизнеописанием историографа; «Письма русского путешественника», переведенные на французский язык В. С. Порошиным, изданные в Париже и доставленные к торжественному дню в Академию; рукопись воспоминаний Ф. Н. Глинки о Карамзине и др.

В программе чтений прозвучали выступления Я. К. Грота, извлечения из воспоминания кн. Вяземского, прочитанные Б. М. Маркевичем, М. П. Погодин прочел статью «Взгляд на нравственную сторону деятельности Карамзина».

В заключение прозвучало стихотворение П. А. Вяземского «Тому сто лет», написанное по случаю юбилея.

«Санктпетербургские ведомости» пишут, что во время чтений в зале царствовала глубокая тишина, прерываемая лишь взрывами рукоплесканий, и что подготовленная статья Н. Г. Устрялова «Взгляд на “Историю государства Российского”», по недостатку времени, осталась непрочитанной.

Были оглашены полученные в этот день приветственные телеграммы: от ректора Дерптского университета Г. К. фон Самсон-Гиммельстиерна, от ректора Московской духовной академии, протоиерея Александра Горского, от ректора Киевского университета А. П. Матвеева, из Полтавы, от находящихся там военной гимназии, губернской гимназии, семинарии, института благородных девиц, Мариинского училища и уездного училища, от губернаторов, глав учебных заведений, редакторов газет Минска, Каменца, Седльца, Вильно, Новочеркасска, а также из Москвы от П. И. Бартенева.

4 декабря 1866 г. в Санкт-Петербурге Обществом для пособия литераторам и ученым был устроен Карамзинский вечер. «Большая зала купеческого Общества была полна слушателями; билеты были распроданы все, и многим, желавшим попасть на вечер, пришлось отказывать» (Санктпетербургские ведомости. 1866. № 326). Несколько слов о значении Карамзина сказал М. М. Стасюлевич. Кроме того, он прочитал письмо немецкого историка Леопольда Ранке к одному из членов Общества, где было определено высокое место Карамзина в среде европейских историков. Затем прозвучало стихотворение Тютчева, посвященное юбилею, отрывки о Карамзине из книги Е. П. Ковалевского «Граф Блудов и его время» и из «Смутного времени» Н. И. Костомарова, прочитанные самими авторами, а также сцены из трагедии А. К. Толстого «Федор Иоаннович». «Слушатели провожали читавших громкими рукоплесканиями» (Там же).

На родине юбиляра и в некоторых других городах происходили также концерты, торжественные обеды и вечера с подобающими тостами и чтением приветственных телеграмм, писем, поздравлений и т. п.

¹ Начало стихотворения Г. Р. Державина «На восшествие на престол императора Александра I» (1801).

² См. разд. II, с. 79.

³ Письмо сельского жителя // Вестник Европы. 1803. № 17. С. 51.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств // Вестник Европы. 1802. № 24. С. 308.

⁶ О новом образовании народного просвещения в России // Там же. 1803. № 5. С. 56.

⁷ См.: Письмо сельского жителя // Там же. № 17.

⁸ О новых благородных училищах, заводимых в России // Там же. 1802. № 8. С. 363.

⁹ Странность // Там же. № 2. С. 53.

¹⁰ О новых благородных училищах, заводимых в России // Там же. № 8. С. 364.

¹¹ О любви к отечеству и народной гордости // Там же. № 4. С. 60—61.

¹² Там же. С. 68—69.

¹³ О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств // Там же. № 24. С. 308.

¹⁴ Письмо к М. Н. Муравьеву от 12 сентября 1804 г. (Москвитянин. 1845. № 1. С. 9).

¹⁵ См. прим. 11 на с. 905.

¹⁶ См. прим. 1 на с. 904.

¹⁷ «Le Moniteur Universel» — французская правительственная газета.

¹⁸ Le Moniteur Universel. 1820. № 306.

¹⁹ Письмо к И. И. Дмитриеву от 11 ноября 1820 г. (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 299).

²⁰ «Зрейте, укрепляйтесь чувством, которое выше разума, хотя и любезного в любезных: оно есть душа души — светит и греет в самую глубокую осень жизни» — письмо к К. Н. Батюшкову от 20 октября 1819 г. (Погодин М. П. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. СПб., 1866. Ч. 2. С. 243).

²¹ Письмо к И. И. Дмитриеву от 30 сентября 1821 г. (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 316).

²² О новых благородных училищах, заводимых в России // Вестник Европы. 1802. № 8. С. 359.

²³ О новом образовании народного просвещения в России // Там же. 1803. № 5. С. 59.

²⁴ Измайлов Владимир Васильевич (1773—1830) — писатель, переводчик, издатель. В 1824 г. за «литературные заслуги» получил пожизненную пенсию (см. Русские писатели: Биогр. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 409).

²⁵ Глинка Сергей Николаевич (1776—1837) — писатель, журналист, издатель «Русского вестника»; брат Ф. Н. Глинка. С. Н. Глинка был автором «Русской истории» в 14 частях, написанной для учебных заведений.

²⁶ См. разд. III.

²⁷ Ходаковский Зориан (Доленга-Ходаковский, наст. имя Адам Чарноцкий; 1784—1825) — польский историк и археолог.

²⁸ Письмо к А. И. Тургеневу от 12 декабря 1809 г. (Русская старина. 1899. Январь. С. 230).

²⁹ Письмо к И. И. Дмитриеву от 21 ноября 1819 г. (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 276).

³⁰ Письмо к И. И. Дмитриеву от 22 октября 1825 г. (Там же. С. 408).

³¹ В письме к И. И. Дмитриеву от 30 сентября 1821 г. Карамзин пишет о Елизавете Алексеевне: «К ней написал я, может быть, последние стихи в моей жизни, в которых сказал:

Здесь все мечта и сон; но будет пробужденье!
Тебя узнал я здесь в прелестном сновиденье:
Узнаю наяву!

В самом деле, чем больше приближаюсь я к концу жизни, тем более она кажется мне сновидением. Я готов проснуться, когда угодно Богу: желаю только уже не иметь мучительных снов до гроба; а мысль о смерти, кажется, не пугает меня» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 316).

Тема «жизнь есть сон» продолжает звучать в письмах Карамзина. 21 января 1824 г. он сообщает Дмитриеву, что еще пребывает «...в надежде читать твои Записки, от Альфы до Омеги, еще смотря на Автора в твоём или в моем кабинете, в Петербурге или в Москве, если сновидение моей жизни продлится той минуты, как ты поставишь пункт для настоящего и будущего» (Там же. С. 368).

³² Религиозная философия Карамзина, его мысли о просветляющем и очищающем душу страдании находят отчетливое выражение к его письме к Елизавете Алексеевне после кончины ее супруга императора Александра I. «Пишу не надеясь и даже не смея желать, чтобы Вы это читали. Кто дерзнет быть В а ш и м утешителем? Или говорить В а м о своей печали? Мы любили Г о с у д а р я; но что наша скорбь перед Вашею? Не имею сил вообразить, что делается в В а ш е м сердце, и что свыше человечества. Есть Бог! Это уже последнее для В а с испытание и начало бытия неземного. Так думаю в утешение самому себе. Сердце, столь ужасно сокрушенное, в глубокой тьме здешнего мира уже не освещено ли каким-нибудь таинственным лучом Неба? Не питается ли чем-нибудь сокровенным, для нас непонятным? Достигаю до В а с только молитвою безмолвною: нет слов, нет и мыслей. Чего просить от Бога для В а с? Но молюся: одним чувством любви, ясным для Того, Кто посылает нам страдания, чтобы очистить нас без сомнения для блаженства, которое, может быть, уже известнее В а м нежели мне. Никогда В ы не были так велики и лучезарны, как ныне. Повергаюсь к В а ш и м ногам со слезами, смирением и все еще с прежнею любовью. Где-нибудь В а с увижу, и везде ближе к Богу, Которого судьбы не всегда будут для нас неупредимы. Навек В а ш Н. Карамзин. С.-Петербург, 4 декабря 1825 г.» (Карамзин Н. М. Неизданные соч. и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 78)

³³ Названы участники «Арзамаса», литературного кружка в Петербурге (1815—1818). «Арзамасцы» выступали против сторонников классицизма, входивших в литературное общество «Беседа любителей русского слова», в защиту сентиментализма и романтизма.

³⁴ В письме к графу Каподистрия 1825 г. (оригинал по-французски. Перевод В. А. Жуковского) Карамзин излагает свою нравственную философию: «Соединение душ не прекращается с жизнью материальной: переживший сохраняет воспоминание; отошедший, быть может, более выигрывает, нежели теряет. Земные путешественники слишком рассеяны: им нет досуга заботиться о дружбе; не прежде, как бросив свой посох, мы

можем предаться вполне привязанностям своего сердца: тогда растерянное во времени будет отыскано в вечности». Комментируя собственные раздумья, он продолжает: «Такие разговоры с самим собою занимают меня теперь гораздо более всех разговоров в обществе: они сохраняют теплоту моей души, которая мне еще нужна для моего милого семейства, для моих друзей, для моей истории, подвигающейся к окончанию (дар от меня потомству, если оно его примет, если же нет, то нет). Так! Я стараюсь не угасая (быть может придет и то). О как я люблю еще моих товарищей путешествия! Как трогает меня их бедная участь! Как вся душа моя полна жалости для стольких ближних, для стольких народов!» (Журнал Министерства народного просвещения. 1833. Янв. С. 10—11).

Н. В. Путья

Карамзин, первый русский литератор

Впервые: Беседы в Обществе Любителей Российской Словесности при Императорском Московском университете. М., 1867. Вып. 1. С. 53—55. Печатается по первой публикации.

Путья Николай Васильевич (1802—1877) — русский литератор. 30 декабря 1866 г. в связи со 100-летним юбилеем Н. М. Карамзина прочел данный доклад в публичном годовом заседании Общества любителей российской словесности.

Мысль о Карамзине как первооткрывателе проходит через ряд юбилейных материалов.

«Как Петр Великий был первым просветителем России, вдвинувшим ее своею мощною рукою в среду европейских держав; как Ломоносов был первым борцом за просвещение русского народа, за “насаждение” науки на родной почве, так Карамзин был первым представителем европейского просвещения, первым проповедником общечеловеческих нравственных начал, взращенных им в русском обществе» (Северная почта. 1866. № 257).

Доктор православного богословия архиепископ Харьковский Макарий, подчеркнувший в начале своего слова о Карамзине, что «теплые молитвы об упокоении души его, ...без сомнения, теперь для него дороже и сладостнее всяких земных похвал», говорит о Карамзине как первооткрывателе не только русской истории, но и русского самосознания: «Были у нас и прежде Карамзина весьма многие деписатели, пытавшиеся изобразить минувшую судьбу отечества. Но их сказания оказывались то слишком краткими и отрывочными, то мало достоверными и смешанными с заблуждениями, то односторонними и далеко не полными, то лишенными единства, жизни и силы. Карамзин первый изучил отечественные летописи во всей их полноте, перечел тысячи актов и сочинений, касающихся истории России, извлек из них все нужное, и все это проверил здравою критикой, перетворил, объединил, оживил в своем гениальном уме и начертал художественную картину, в которой Русь впервые увидела себя, как в зеркале, ясно и отчетливо; увидела так, как никогда еще она не видела себя» (Московские ведомости. 1866. № 266).

В Нижнем Новгороде преосвященный Макарий, епископ балахонский, викарий нижегородский подчеркнул: «Он первый очистил язык наш,

первый начал писать слогом чисто русским, ясным, понятным, близким к разговору в нашем благородном обществе, и вместе с языком возвысил честь и славу русского народа» (Там же).

Не случайно Н. Путья назвал свою юбилейную статью «Карамзин, первый русский литератор». Отмечая, что все разнообразные стороны таланта Карамзина, творений его, заслуг, личных достоинств были указаны, рассмотрены и оценены целым строем известных литературных деятелей, Н. Путья писал также, что «Карамзин был первый у нас литератор, в полном, строгом и точном значении этого слова, в том смысле, как французы говорят, *un homme de lettres*. <...> Карамзина можно, кажется, назвать родоначальником наших литераторов, повторяю — в точном, строгом смысле этого слова».

В юбилейных материалах Карамзин предстает как преобразователь словесного хаоса и учредитель нового, стройного порядка и гармонии, языкового космоса: «Кто же из нас не знает, что сделал Карамзин для нашего родного слова? Кто не знает, как говорила Русь в древний период своего существования, судя по уцелевшим письменным источникам, как говорила она и в новый период, даже в лучших своих представителях науки и искусства, и как потом заговорил Карамзин. Как умел он овладеть этим могучим, гибким, чрезвычайно богатым, но еще мало обработанным языком, и как очистил, возвысил, преобразовал его силою своего творческого таланта и вкуса?» (*Макарий*, преосвящ. Слово в день столетнего юбилея Н. М. Карамзина // Духовный вестник. 1866. № 12. С. 401).

¹ Тихонравов Николай Саввич (1832—1893) — литературовед, археограф, академик Петербургской АН.

² Калачов Николай Васильевич (1818—1895) — историк, правовед, археограф, архивист, академик Петербургской АН (1883).

³ См. прим. 32 на с. 969.

⁴ См. прим. 4 на с. 888.

⁵ Хемницер Иван Иванович (1745—1784) — русский баснописец.

⁶ См. прим. 46 на с. 951—952.

⁷ См. прим. 63 на с. 920.

П. Я. Гречкин

<Ответ П. Я. Гречкина,
директора Естественно-исторического музея>

Впервые (фрагменты) в кн.: *Савич М. М.* П. Я. Гречкин. Ульяновск, 2001. С. 15. Полностью печатается впервые (ГАУО. Ф. Р. 968. Оп. 7. Ед. хр. 10. С. 4).

Письмо Ульяновскому райисполкому гр. Тимонова печатается впервые (ГАУО. Ф. Р. 968. Оп. 7. Ед. хр. 10. С. 1—1 об.).

Гречкин Павел Яковлевич (1879—1938) — первый директор Ульяновского краеведческого музея, краевед.

Тимонов — пенсионер села Крестовое Городище Ульяновской области. Внес в Ульяновский райисполком предложение переплавить статую музы

истории Клио на нужды индустриализации. 12 января 1931 г. Ульяновский горсовет запросил Естественно-исторический музей о культурной и исторической ценности памятника Карамзину. На запрос горсовета в тот же день ответил Павел Яковлевич Гречкин. Он категорически выступил против попытки сноса памятника Н. М. Карамзину (См.: *Савич М. М. П. Я. Гречкин. Ульяновск, 2001. С. 15*).

¹ Письмо Ульяновскому райисполкому гр. Тимонова

Ульяновскому районному исполкому
Крестовое Городище под Ульяновском пенсионера Тимонова

Во всех газетах, а в экономической жизни в особенности пишется о недостатке у нас цветных металлов, из номера в номер население призывается к накоплению такого металла и сдаче его на нужды нашей промышленности. Имею указать на крупный кусок такого металла в «бросовом состоянии» в Ульяновске. Это статуя из меди в Карамзинском саду. Только в императорских мозгах Николая I могла родиться мысль создания памятника «греческой богине» с маленьким бюстом историка под ее ногами. В наше время, время ленинской логики вещей и «грубого материализма», такой памятник — анахронизм. Статуя должна быть снята и употреблена на подглинники. Вопрос — решению пленарного заседания исполкома.

Г. Тимонов.

Н. Д. Кочеткова

Карамзин

Впервые: В мире книг. 1966. № 10. С. 25—27. Печатается по этой публикации.

Н. М. Карамзин и древнее благочестие

Впервые: ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 238—244. Печатается по этой публикации.

Кочеткова Наталия Дмитриевна в 1961 г. закончила Ленинградский государственный университет, в 1964 г. — аспирантуру Пушкинского Дома. В 1965 г. защитила кандидатскую диссертацию «Карамзин и русская поэзия конца 80-х — первой половины 90-х годов XVIII века». С 1965 г. работает в Пушкинском Доме. Возглавляет сектор по изучению русской литературы XVIII в. (с 1966 г.) В 1991 г. защитила докторскую диссертацию «Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания)» (в качестве монографии опубликована в 1994 г.). Автор многочисленных работ о Карамзине. Президент Российского общества по изучению XVIII века (с 1988 г.).

¹ Кутузов Алексей Михайлович (1746 или 1747—1797) — переводчик, известный масон.

² Тургенев Иван Петрович (1752—1807) — общественный деятель, поэт, отец четырех братьев Тургеневых, масон, при Павле I — директор Московского университета.

³ Петров Александр Андреевич (1763—1793) — член Дружеского учебного общества, переводчик, близкий друг Карамзина, оказавший на него большое влияние.

⁴ Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 622.

⁵ В письме к П. А. Вяземскому от 21 августа 1818 г.: «...я в душе республиканец, и таким умру» (Карамзин Н. М. Избр. статьи и письма. М., 1982. С. 204).

⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 459.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1935—1959. Т. 12. С. 306.

⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 3. С. 513.

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 72.

¹⁰ Milner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906—1999) // Slavonica. 1999/2000. Vol. 6. N 1. P. 145.

¹¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 276.

¹² Невзоров М. И. Путешествие в Казань, Вятку и Оренбургскую губернию в 1800 году. М., 1803. С. 165.

¹³ См.: Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792 гг. Пг., 1915. С. 73.

¹⁴ Там же. С. 2.

¹⁵ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 483.

¹⁶ Там же. С. 300.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Словоупотребление в «Письмах русского путешественника» можно проследить по конкордации, составленной японским исследователем Ясуо Ураи: Urai Yasuo. A Lemmatized Concordance to Letters of a Russian Traveler of N. M. Karamzin. Sapporo, 2000. Vol. 1—2.

¹⁹ Ibid. Vol. 1. P. 216.

²⁰ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 239.

²¹ Там же. С. 650—651.

²² См.: Словарь русского языка XVIII века. Л., 1985. Вып. 2. (Безпристрастный—Вейэр). С. 56.

²³ Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 622.

²⁴ Там же. С. 628.

²⁵ Дмитриев И. И. Соч. СПб., 1893. Т. 2. С. 29—30.

²⁶ <Кеппен К. Ф.> Крата Репоа, или Посвящение в древнее тайное общество египетских жрецов. М., 1779.

²⁷ Крестова Л. В. Древнерусская повесть как один из источников повестей Карамзина // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 205—208.

²⁸ Карамзин Н. М. Избр. соч. Т. 2. С. 193.

²⁹ Там же. С. 195.

³⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1988. Кн. 1. Т. 1. Стб. 48. (Репр. воспроизведение изд. 1842—1844 гг.).

³¹ Там же. Стб. 123.

³² Там же. Стб. 128.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Т. 2. Стб. 20.

³⁵ Там же. Кн. 3. Т. 11. Стб. 54.

³⁶ Там же. Стб. 57.

³⁷ Там же. Кн. 3. Т. 9. Стб. 5.

³⁸ Там же. Стб. 86.

И. З. Серман

Литературное дело Карамзина
(К двухсотлетию со дня рождения)

Впервые: Нева. 1966. № 12. С. 183—184. Печатается по первой публикации.

Культура и свобода в «Письмах русского путешественника»
Н. М. Карамзина

Впервые: La Revue Russe (Paris). 1997. № 12. Р. 19—28. Печатается по первой публикации.

Серман Илья Захарович (род. 1913) — крупнейший ученый, один из наиболее авторитетных исследователей русской литературы XVIII века, И. З. Серман в год двухсотлетнего юбилея Карамзина (отмечавшегося весьма скромно) опубликовал небольшую статью, где была дана принципиальная оценка литературного наследия великого русского писателя и историка.

В других своих работах И. З. Серман отразил творческие связи Пушкина и Карамзина (Серман И. З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х г. // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1969. Т. VI. С. 118—150), дал характеристику Карамзина-переводчика (Русская литература XVIII века и перевод // Мастерство перевода: Сб., 1962. М., 1963. С. 337—372), внес много нового в изучение творчества Карамзина: Где и когда создавались «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004. С. 194—210; «Дела церковные» в исторической концепции Н. М. Карамзина // Вестник Ульяновского технического университета. 2002. № 2. С. 39—47 (То же: Russika Romana. 2002. Vol. IX. Р. 73—98); Два свидетеля своего времени — Шатобриан и Карамзин // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы Междун. научн. colloquiuma. Саратов. 2—6 сентября 2001. Саратов, 2001. С. 206—218; Карамзин и французские литературные новинки 1802 г. // Res Philologica. Филологические исследования. СПб., 2000. С. 267—271 и др.).

¹ Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1.

- ² Там же. С. 249.
- ³ Там же. С. 222.
- ⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1935—1959. Т. 12. С. 306.
- ⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Издание пятое в трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов. СПб., 1845. Кн. III. Т. IX. Гл. VII. Стб. 259.
- ⁶ Там же. Стб. 260.
- ⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 306.
- ⁸ См. особенно: Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987.
- ⁹ Там же. С. 168.
- ¹⁰ Там же. С. 174.
- ¹¹ Там же. С. 129.
- ¹² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 393. Далее ссылки на это издание «Писем...» в тексте. (При ссылках на это издание сохраняется орфография и пунктуация Н. М. Карамзина. — *Ред.*)
- ¹³ У Карамзина — Дегарсень (*Ред.*).
- ¹⁴ Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915. С. 86.
- ¹⁵ Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1—2. С. 137.

Н. Я. Эйдельман

«...чему, чему свидетели...»

Впервые: Знание — сила. 1981. № 11. С. 21—23. Печатается по первой публикации (с. 22—23).

Эйдельман Натан Яковлевич (1930—1989) — известный историк, писатель, автор книги «Последний летописец» (1983) — о деятельности и личности Н. М. Карамзина и целого ряда трудов по истории культуры и литературы XVIII—XIX вв. «Книги и публичные выступления Натана Эйдельмана были предметом не моды, а общественного интереса, граничащего с энтузиазмом» (Вацуро В. Э. Несколько слов об Эйдельмане-пушкинисте // Новое литературное обозрение. 2000. № 42. С. 197). «Личность Эйдельмана <...> достояние культуры, по которому потомки будут судить о нашем веке» (Тартаковский А. Г. История продолжается... // Эйдельман Н. Из политической истории России XVIII—XIX веков. М., 1993. С. 43).

В. Э. Вацуро

Карамзин возвращается

Впервые: Литературное обозрение. 1989. № 11. С. 33—39. Печатается по первой публикации.

Вацуро Вадим Эразмович (1935—2000) — один из крупнейших и наиболее проникательных исследователей русской литературы XVIII—XIX вв.,

в особенности пушкинского периода русской культуры. «Гедонист — и великий труженик, моцартианец — и строгий академический ученый...» — так определяет его Т. Селезнева (Новое литературное обозрение. 2000. № 42. С. 51). «Манера Вацуро-исследователя делается особенна рельефна, — пишет А. Зорин, — если сравнить ее с интеллектуальным почерком Лотмана, едва ли не единственного соперника по глубине понимания и непосредственному ощущению пушкинской эпохи. У Вацуро нет и следа лотмановской могучей топорности, духа веселой провокации, вызывающей к додумыванию и полемике. Наблюдения Вацуро как-то не тянут развивать, они завершены и обладают той мерой внутренней самодостаточности, которая превращает науку в искусство» (Там же. С. 49). В каждой области своих исследований «он являл собой живой образец эстетической чуткости и нравственной ответственности для современников и останется таковым для потомков», — отмечает Уильям М. Тодд (Там же. С. 60).

Из работ В. Э. Вацуро о Карамзине следует назвать также: Проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» // XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 190—210; «Сиерра-Морена» Н. М. Карамзина и литературная традиция // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999. С. 327—337; а также *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины». М., 1986. 2-е изд. и многие другие.

¹ Масонское имя А. М. Кутузова.

² Ромм Шарль Жильбер (1750—1795) — деятель Французской революции, якобинец.

³ Ныне — РГАЛИ (Москва).

⁴ Новосильцов Петр Петрович (1797?) — адъютант московского градоначальника князя Д. В. Голицына, впоследствии рязанский губернатор (с 1852), камергер.

⁵ Безбородко Александр Андреевич (1747—1799) — государственный деятель и дипломат, канцлер и светлейший князь (с 1797).

⁶ Попов Василий Степанович (1746/5—1822) — с 1786 г. один из статс-секретарей Екатерины II.

⁷ Ныне — ЦГАИПД (Москва).

⁸ Киплинг Джозеф Редьярд (1865—1936) — английский писатель.

⁹ Пуран Дас, Пуран Бхагат — герой рассказа Р. Киплинга «Чудо Пуран Бхагата» (1894).

Д. С. Лихачев

Вступительное слово на торжественном вечере,
посвященном 225-летию юбилею со дня рождения Н. М. Карамзина

Впервые: Венок Карамзину. М., 1992. С. 9—10. Печатается по этому изданию.

Лихачев Дмитрий Сергеевич (1907—1999) — крупнейший российский ученый, доктор филологических наук, академик РАН, исследователь

древнерусской литературы. Наряду со специальными научными проблемами Д. С. Лихачева горячо интересовали социальное и экономическое состояние русского общества, университетского образования, направление культурного развития, потеря обществом нравственных ориентиров. В исследовательской работе Д. С. Лихачев отстаивал идеалы честности и человеческой добропорядочности.

Будучи председателем Российского фонда культуры, выступил с речью на карамзинском юбилейном вечере.

Ю. М. Лотман

Эволюция мировоззрения Карамзина (1789—1803)

Впервые: Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 51. Труды историко-филологического факультета. Тарту, 1957. С. 122—163. Печатается по изданию: *Лотман Ю. М.* Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957—1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997. С. 312—349.

Словесность плюс коммерция Размышления в юбилей Карамзина

Впервые: Литературная газета. 1991. 11 нояб. Печатается по изданию: Венок Карамзину. М., 1992. С. 35—42.

Лотман Юрий Михайлович (1922—1993) — крупнейший ученый-филолог, специалист в области теории и истории литературы, культурологии, семиотики.

Ю. М. Лотман занимался Карамзиным всю свою творческую жизнь. «Демобилизовавшись после шести лет армейской службы (из которых четыре приходится на передний край фронтов Великой Отечественной войны), Ю. М. Лотман вернулся в 1946 г. в родной Ленинградский университет, где начинал учиться еще в 1939 г., и поступил в спецсеминар профессора Н. И. Мордовченко, замечательного ученого и замечательного человека, отличавшегося кристальной честностью, отзывчивостью и внимательно-терпимым отношением к индивидуальным склонностям учеников. В семинаре Мордовченко Юрий Михайлович в 1947 г. написал курсовую работу о журнале Карамзина “Вестник Европы”, а в 1948 г. — большое исследование “Карамзин и масоны”.

Вульгарно-социологическое отношение к Карамзину как к “монархисту” и “реакционеру” протянулось, к сожалению, в нашей науке и до первых послевоенных лет. Нужна была научная принципиальность Н. И. Мордовченко и заведующего кафедрой русской литературы проф. Г. А. Гуковского (вскоре его сменил на этом посту Н. И. Мордовченко), чтобы положительно оценить интерес молодого ученого к сложному и немодному писателю, одобрить первые труды Ю. М. Лотмана. Г. А. Гуковский, тогда — ответственный редактор сборников “XVIII век”, принял работу о Карамзине и масонах к печати в 3-й том этого издания, но в последующие трудные годы рукописи обеих статей Ю. М. Лотмана были утрачены. Частично ма-

териалы были в дальнейшем использованы автором в работах о друге Радищева А. М. Кутузове и новиковском кружке.

В 1957 г. вышла статья Ю. М. Лотмана “Эволюция мировоззрения Карамзина” (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 51), где впервые, если не считать краткой, но ценной статьи Б. М. Эйхенбаума 1916 г., Карамзин как мыслитель и писатель был рассмотрен в процессе становления и изменения. В 1961 г. в статье “Пути развития русской прозы 1800-х — 1810-х гг.” (Там же. Вып. 104) впервые был поставлен вопрос об “Истории государства Российского” как о своеобразном художественном произведении. Затем Ю. М. Лотман подготовил для Большой серии “Библиотеки поэта” том стихотворений Карамзина (1966) и опубликовал еще целый ряд прямо или косвенно посвященных Карамзину работ. Так что “карамзинский” путь ученого — отнюдь не периферийный. Ю. М. Лотман стоит у истоков современного карамзиноведения, он первооткрыватель “настоящего” Карамзина, точнее, он реабилитировал выдающегося русского писателя» (Егоров Б. Ф. Биография души // Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 8).

Венцом изысканий Ю. М. Лотмана стала обобщающая книга «Сотворение Карамзина».

«Характерно, что сугубо историко-литературные исследования <...> не отстоят от биографии души, раскрытой в “Сотворении Карамзина”. Достоинство и честь как духовный вектор личности, ее внутренний пафос и энергия самостроительства — эти дорогие для Ю. М. Лотмана идеи присутствуют в каждой его статье о Карамзине, сколь бы узкого аспекта она ни касалась. Это тем более удивительно, что <...> работы писались в разные периоды — некоторые еще в “сталинское” время и в первые годы хрущевской “оттепели”. Тогда над многими честными гуманитариями тяготел груз марксистской методологии (представлений о решающей роли классовой борьбы и т. п.). <...> Такие ученые, как Ю. М. Лотман, и в рамках неизбежной нормативности оставались настоящими исследователями, не оскорблявшими истину и превозмогавшими своим талантом установленные догмы» (Егоров Б. Ф. Биография души // Лотман Ю. М. Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования. 1957—1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997. С. 6, 8).

¹ Настоящая работа, имея целью характеристику общих вопросов идейной эволюции, не ставит задачи монографического рассмотрения отдельных произведений писателя, как бы значительны они сами по себе ни были. Автор оставляет также в стороне вопрос о связях Карамзина с западноевропейской общественной мыслью его эпохи, надеясь посвятить этому специальный очерк.

² *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 139.

³ Там же. Т. 6. С. 321.

⁴ Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1—2. С. 134 (курсив Ю. М. Лотмана).

⁵ *Юнг Э.* Ноци / Ношь пятая / Пер. А. М. Кутузова // Утренний свет. 1799. Ч. VI. Июль. С. 232.

⁶ Следует отметить, что если Кутузову и удалось создать теорию предромантического искусства, влияние которой чувствуется в поэзии некото-

рых поэтов, то художественная практика писателей, связанных с масонством, оставалась традиционной.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 160.

⁸ Галлер А. О происхождении зла / Пер. с нем. М., 1786. С. 16 (курсив Ю. М. Лотмана).

⁹ Там же. С. 17.

¹⁰ Там же. С. 89.

¹¹ Русский исторический журнал. 1917. № 1—2. С. 134 (курсив Ю. М. Лотмана).

¹² Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915. С. 100 (Курсив Ю. М. Лотмана).

¹³ Утренний свет. 1799. Ч. VII. С. 21. Ср. в письме А. М. Кутузова И. П. Тургеневу: «Натура же повинна следовать действиям своего владыки (то есть человека. — Ю. Л.): бывать во всякое время сообразно ему». Истолкование этой цитаты и характеристику философских воззрений А. М. Кутузова см.: Лотман Ю. Из истории литературно-общественной борьбы 1780-х годов // Радищев: Сб. статей. Л., 1950. С. 83.

¹⁴ Московский журнал. 1792. Ч. VII. Кн. 2. С. 167 (курсив Ю. М. Лотмана).

¹⁵ Ср., например: «Ежели при всем изобилии восхищений ваших конец страшить вас будет, тогда мерзкая сия мысль поглотит все ваши радости и обиталище света ужасным мраком исполнит» (Юнг Э. Нощи / Нощь первая. Размышление о жизни, смерти и бессмертии // Утренний свет. Ч. IV. С. 237).

¹⁶ Московский журнал. 1791. Ч. IV. Кн. 2. С. 169. В дальнейшем в отдельном издании Карамзин смягчил полемическое звучание этого отрывка и выпустил «развращение».

¹⁷ Утренний свет. 1778. Ч. III. Июнь. С. 162.

¹⁸ Там же. Июль. С. 201.

¹⁹ Московский журнал. 1792. Ч. VIII. Кн. 12. С. 318.

²⁰ Ср., например, в «Письмах...»: «Давай всякому то, в чем он на сей раз имеет нужду: не читай нравоучений тому человеку, который умирает с голоду, а дай ему кусок хлеба» (Московский журнал. Ч. IV. Кн. 2. С. 196); «Цветущее состояние швейцарских поселян происходит наиболее от того, что они не платят почти никаких податей» (Там же. Ч. V. Кн. 1. С. 22).

²¹ Он воплощен в образе обуянного страстями Каина, который сам признается: «Я вижу ясно сие, что несчастье мое не от вне происходит», причина «в собственном моем сердце» (Утренний свет. 1778. Ч. III. Май. С. 17).

²² Московский журнал. 1791. Ч. IV. Кн. 2. С. 187.

²³ Там же. Ч. I. Кн. 1. С. 114—115.

²⁴ Державин Г. Р. Соч. / Примеч. Я. Грота. Пб., 1880. Т. 8. С. 606—607.

²⁵ См.: Французская революция 1789 г. в донесениях Симолина // Лит. наследство. М., 1937. Вып. 29/30; Алифференко П. Правительство Екатерины II и французская буржуазная революция // Исторические записки. 1947. Т. 22.

²⁶ См.: *Барсков Я. Л.* Переписка московских масонов. С. 136. Следует учитывать, что друзья Кутузова были напуганы делом Радищева и, зная, что письма подвергаются перлюстрации, явно рассчитывали на постороннего читателя. Это отразилось на тоне, однако, ясно, что события во Франции и сами по себе были для них неприемлемы.

²⁷ *Каганова А.* Французская буржуазная революция конца XVIII в. и современная ей русская пресса // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 88.

²⁸ Московский журнал. Ч. II. Кн. 1. С. 66.

²⁹ Там же. Ч. IV. Кн. 3. С. 342. Интересно, что, когда в 1798 г. в цензуре оказался текст драмы «Монастырские жертвы» (подан Н. Сандуновым, перевод С. Глинки), цензура нашла пьесу «сомнительной», и она, видимо, была запрещена. См.: ЦГИА (ныне — РГИА. — *Ред.*). Ф. 1147. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 229.

³⁰ Смысл пьесы — в осмеянии старого аристократа, который, не зная о происшедших во Франции за последние два года событиях, настаивает на своих правах, не желая выдать свою дочь за богатого и добродетельного мещанина. «Знатный господин хочет приказать слугам своим выбросить мещанина в окошко, пишет письмо к “lieutenant de Police” (начальнику полиции) и требует от него “Lettre de cachet” (Королевский указ о заточении без суда и следствия), чтобы и сына, и отца посадить в Бастилию» (Московский журнал. Ч. III. Кн. 3. С. 331—332). Комизм состоит в том, что и Бастилия, и «Закрытые письма», к которым апеллирует аристократ, сметены революцией.

³¹ О значении пьесы см.: *Державин К. Н.* Театр французской революции. 1789—1799. Л.; М., 1937. С. 66—70.

³² «Одна только сцена тронула меня — та, где сонм фанатиков упадает на колени и благословляется злым прелатом; при звуке мечей клянутся они истребить еретиков» (Московский журнал. Ч. VIII. Кн. 1. С. 84). Ср.: «Самая сильная сцена в его [Шенье] трагедии — это благословение кинжалов заговорщиков кардиналом Лотарингским» (*Державин К. Н.* Театр французской революции. С. 70).

³³ Московский журнал. 1792. Ч. V. Кн. 1. С. 150—151.

³⁴ В «Московском журнале» была также подробно прорецензирована пьеса «J. J. Rousseau et ses derniers moments» («Ж.-Ж. Руссо и последние мгновения его жизни») — также типичное произведение революционного театра.

³⁵ Осмнадцатый век. М., 1868. Кн. III. С. 392. «Закон» в данном случае, как и вообще иногда в XVIII в., означает церковное учение. Ср. у Ломоносова: «Чтоб древний наш закон вредить».

³⁶ Прозоровский, прося Екатерину ввести на границе книжную цензуру, писал 20 мая 1792 г., что «все, какие только во Франции печатают книги, здесь скрытно купить можно» (Летописи русской литературы и древности. М., 1863. Т. 5. С. 41).

³⁷ *Барсков Я. Л.* Переписка московских масонов. С. 100.

³⁸ Там же. С. 70—73. См. также письмо Багрянского Кутузову (Там же. С. 86). Известно, что Кутузов резко порицал участие Хераскова в «Московском журнале».

³⁹ Московский журнал. 1791. Ч. I. Кн. 1. С. 98—99.

⁴⁰ Статья, как и вся первая часть альманаха, была подготовлена весной 1793 г. (вышла из печати в апреле 1794 г.; датировка первого тома «Аглая» в монографии Погодина и статье Бестужева-Рюмина в «Русском биографическом словаре» ошибочна). На весну 1793 г. косвенно указывает сам автор в предисловии, об этом свидетельствует также датировка отдельных произведений. Так, «Цветок на гроб моего Агатона» датирован «Марта 28 [1793 г.]» (А. Петров скончался 21 марта этого года); «Весеннее чувство» — «Мая 1 1793 г.». Статья «Нечто о науках» не датирована, но в тексте ее находим указание, что она писана еще «при жизни Боннета». Шарль Бонне скончался 20 мая 1793 г.

⁴¹ «Правда, что осьмойнадесятый век просвещеннее всех своих предшественников, правда и то, что многие пишут на него сатиры, многие кстати и не кстати восклицают: “O, tempora, o, mores!” («О, времена, о, нравы!» (лат.). — *Сост.*)... Когда нравы были лучше нынешних? Ужели в течение так называемых средних веков, тогда, когда грабеж, разбой и убийство почитались самым обыкновенным явлением» (Аглая. Т. 1. С. 48—49).

⁴² Аглая. Т. 1. С. 80.

⁴³ Ср. примечание Н. И. Новикова к переводу И. П. Тургенева: «О Зеноне надобно судить не по физиологии его, а по морали — что в том пользы знать, что существо Божие из эфира не состоит <...> Старые сии заблуждения не делают человека ни счастливым, ни несчастным. Но о началах нравов человеческих так судить не должно» (Утренний свет. 1778. Ч. IV. Ноябрь. С. 199).

⁴⁴ Аглая. Т. 1. С. 71—72.

⁴⁵ Там же. С. 67.

⁴⁶ Этому предшествует: «Помнишь, друг мой, как мы некогда рассуждали о моральном мире. Ловили в истории все благородные черты души человеческой, восклицали: человек велик духом своим, божество обитает в его сердце». И далее: «Кто более нас славил преимущества осьмагонадцать века: свет философии, смягчение нравов <...> конец нашего века почитали мы концом славнейших бедствий человечества и думали, что в нем последует важное общее соединение теории с практикой, что люди, уверясь моральным образом в изыщности законов чистого разума, начнут исполнять их во всей точности и под сению мира, в крове тишины и спокойствия наслаждаться истинными благами мира» (Аглая. Т. 2. С. 66—67).

⁴⁷ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 10, 12.,

⁴⁸ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 42. М. М. Штрэнге ошибочно относит письмо к июлю 1793 г. Нельзя согласиться с методом исследователя, который, недифференцированно приводя высказывания разных деятелей от осени 1792 г., лета 1793 г. и 1795 г., создает мнимое впечатление единодушия лиц, занимавших весьма отличную позицию (см.: Штрэнге М. М. Отклики русских современников на французскую буржуазную революцию // Из истории социально-политических идей. К 75-летию академика В. П. Волгина. М., 1955. С. 346).

⁴⁹ Русский архив. 1872. № 7/8. Стб. 1324.

⁵⁰ Первые мероприятия правительства Павла I (возвращение из ссылки масонов, отказ от вмешательства во французские дела) были восприняты Карамзиным как свидетельство смягчения курса официальной ре-

акции. См. письмо брату от 17 декабря 1796 г. (*Карамзин Н. М.* Соч. СПб., 1848. Т. 3. С. 711).

⁵¹ Карамзин настолько был уверен в 1797 г. в смягчении цензуры, что во французской статье обозначил «Письма русского путешественника» как издание «en cinq vol. Moscou, 1797» («в пяти ч. Москва, 1797»). На самом деле смогли появиться лишь четыре тома. Для настроений этих лет характерно признание Карамзина в письме Вяземскому: «Вы заблаговременно жалуете мне патент на право гражданства в будущей Утопии. Я без шутки занимаюсь иногда такими планами и, разгорячив свое воображение, заранее наслаждаюсь совершенством человеческого блаженства» (Русский архив. 1872. № 7/8. Стб. 1324).

⁵² Утренний свет. Ч. VIII. Кн. 1. С. 34. Идеей субъективности человеческих представлений проникнуты повести А. А. Петрова в «Московском журнале».

⁵³ *Ленин В. И.* Соч.: В 45 т. М., 1941—1967. Т. 14. С. 95.

⁵⁴ *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 195.

⁵⁵ Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. II. С. 104.

⁵⁶ Там же. С. 225.

⁵⁷ Там же. С. 158. В том же духе выдержаны и заметки Карамзина в «Записной книжке» 1796 г.: «Время — лишь последовательность наших мыслей» (*Карамзин Н. М.* Неизданные соч. и переписка. Ч. 1. С. 109) (курсив Ю. М. Лотмана).

⁵⁸ Там же. С. 54.

⁵⁹ Пантеон... Кн. 1. С. 136. Любопытно отметить, что в том же 1798 г. другой перевод этого отрывка появился в «Санкт-Петербургском журнале» И. П. Пнина. Трудно поэтому согласиться с преувеличенной оценкой этого очерка в книге В. Н. Орлова «Русские просветители 1790—1800-х гг.» (М., 1953. С. 98—99), прошедшего мимо факта почти одновременного опубликования его в журнале Карамзина, «писателя, враждебного по самому духу его деятельности» (Там же. С. 330) единомышленникам Пнина.

⁶⁰ Пантеон... Кн. 1. С. 226.

⁶¹ Там же. Ср. написанное позже, в 1802 г., стихотворение «Гимн глупцам».

⁶² Там же. С. 106 (курсив Ю. М. Лотмана).

⁶³ Цит. по: *Кутанов Н.* Декабрист без декабря // Декабристы и их время. М., 1932. Т. 2. С. 270. Вяземский сравнивал этот стих со словами Пуцина: «Нас по справедливости назвали бы подлецами, если бы мы пропустили нынешний единственный случай». Любопытно, что кратковременные вспышки тираноборческих настроений по времени совпали у Карамзина с колебанием от агностицизма к солипсизму. Ср.: «Мне кажется, что все предметы во мне и составляют часть моего существования» (Пантеон... Кн. III. С. 59). Переводной характер отрывка в данном случае не меняет дела.

⁶⁴ Ср. также: «Если прекрасное, как легкая тень, всегда от нас ускользает, уловим его, по крайней мере, в нашем воображении; устремимся в область сладостных призраков, набросаем прекрасный идеал, обманем сами себя и тех, кто достоин быть обманутыми» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 483. Пер. с фр. Ю. М. Лотмана).

⁶⁵ «Перечитываю теперь некоторые из своих писем: вот *зеркало души моей* в течение осьмнадцати месяцев! <...> а что человеку (между нами будь сказано) занимательнее самого себя...» Как видим, подход принципиально иной, чем тот, который лег в основу центральной части текста «Писем». В автоцитате конца «Писем», которую находим в статье «Un mot sur la littérature russe» («Несколько слов о русской литературе»), текст существенно отличается.

⁶⁶ Аглая. Т. 1. С. 28.

⁶⁷ Московский журнал. Ч. V. Кн. 2. С. 273. Ср. в воспоминаниях Н. И. Греча: «Он (Д. М. Кудлай, учитель словесности. — Ю. Л.) ...любил везде ставить тире, в подражание модному тогда Карамзину» (Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., [1930]. С. 168).

⁶⁸ Традиционно мыслящий А. Т. Болотов наивно полагал, что Карамзин в дальнейшем опубликует продолжение, в котором удовлетворит любопытство читателей.

⁶⁹ См.: *Эйхенбаум Б. М.* Карамзин // Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу. М.; Л., 1924 (см. также наст. изд., с. 402—410).

⁷⁰ Аглая. Т. 2. С. 16.

⁷¹ Там же. С. 16—17.

⁷² Там же. С. 64.

⁷³ *Карамзин Н. М.* Хитрости лондонских журналистов // Вестник Европы. 1803. № 9.

⁷⁴ *Карамзин Н. М.* Письмо из Парижа // Вестник Европы. 1802. № 10. Карамзин, хотя и охотно ссылаясь на Бога, но, оставаясь на позициях философского скептицизма, мало доверял возможности использовать религию и идею бессмертия души как основные средства «обуздания»: «Солнце течет и ныне по тем же законам, по которым оно текло до явления Христа-спасителя, так и гражданские общества не переменили своих коренных уставов...» «Мы сблизились с небом в чувствах, но действуем на земле, как и прежде действовали. Несмь от мира сего, сказал Христос: а граждане и государства в сем мире... Евангелие молчит о Политике» (Мнение русского гражданина // Карамзин Н. М. Неизданные соч. и переписка. Ч. I. С. 3—4).

⁷⁵ *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 25 (курсив Ю. М. Лотмана).

⁷⁶ Вестник Европы. 1802. № 12. С. 175.

⁷⁷ *Карамзин Н. М.* Неизданные соч. и переписка. С. 195.

⁷⁸ Слова Л. Фейербаха, снабженные пометкой В. И. Ленина: «Зачатки исторического материализма!» (см.: Ленин В. И. Философские тетради. М., 1947. С. 54).

⁷⁹ *Карамзин Н. М.* Неизданные соч. и переписка. С. 195.

⁸⁰ *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. С. 122.

⁸¹ *Гиппиус В. В.* «Вестник Европы» 1802—1830 годов // Учен. зап. ЛГУ. Серия философских наук. 1939. Вып. 3.

⁸² *Погодин М. Н. М.* Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. I. С. 340.

⁸³ *Поспелов Г. Н.* Литературная борьба 1800—1810 гг. // История русской литературы XIX в. М., 1951. С. 18.

⁸⁴ *Гиппиус В. В.* «Вестник Европы»... С. 203 (См. также: Очерки по истории журналистики и критики. Л., 1950. С. 146—148, 177—179).

⁸⁵ См.: Московские ведомости. 1802. 5 февраля.

⁸⁶ *Николай Михайлович*, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов. СПб., 1903. Т. 2. С. 193.

⁸⁷ Мы уже отмечали коренную противоположность понимания характера «общего блага» А. Н. Радищевым. Можно вспомнить, что еще Я. П. Козельский в «Философических предложениях» писал о «слабости законодателей», которые «всегда полагают особенную пользу в противность общей пользе» (§ 392). Козельскому был ясен общественный смысл идеалистической трактовки этого вопроса: «...под видом искания общей пользы искусно утесняют своих ближних» (§ 427).

⁸⁸ О Московском мятеже в царствование Алексея Михайловича // Вестник Европы. 1803. № 8. С. 197. Ср.: «Государи... будучи, так сказать, вне обыкновенной гражданской сферы, вознесенные выше всех низких побуждений эгоизма, которые делают людей несправедливыми и даже злыми, наконец, имея все (курсив Ю. М. Лотмана. — *Сост.*), они должны и могут чувствовать только одну потребность благотворить» («Записка о древней и новой России»).

⁸⁹ Вестник Европы. 1803. № 18. С. 144 (курсив Ю. М. Лотмана).

⁹⁰ Там же. 1802. № 4. С. 82 (курсив Ю. М. Лотмана).

⁹¹ «Voyage dans l'empire Othoman, l'Egypte et la Perse fait par l'ordre du gouvernement pendant les six premieres annemes de la Republique par G. A. Olivier» (Paris, an IX). Книга эта была переведена на немецкий язык и издана в 1802 г. в Веймаре под заглавием «Reise durch das Turkische Reich, Aegypten und Persien».

⁹² См.: «Всякая новость в государственном порядке есть зло, к которому надобно прибегать только по необходимости» (*Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. С. 58).

⁹³ В «Вестнике Европы» (1802. № 7) помещен еще один, довольно точный, перевод из книги Оливье «О провинциальном начальстве в Турции».

⁹⁴ В октябре 1801 г. эта «новость» (Карамзин опубликовал ее в феврале 1802 г.) была перепечатана московским «Политическим журналом».

⁹⁵ Вестник Европы. 1802. № 4. С. 80. Ср.: «При всяком удобном случае государь выставял принцип законности, которому охотно подчинял неограниченность своей собственной самодержавной власти» (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 3).

⁹⁶ Любопытно в этом отношении известное сообщение А. С. Пушкина: «Я сказал: Итак, вы рабство предпочитаете свободе. Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души».

⁹⁷ Эпименид — древнегреческий жрец, прорицатель и поэт, по преданию, необычайно долго проспавший в зачарованной пещере. (*Сост.*)

⁹⁸ Вестник Европы. 1803. № 17. С. 52 (курсив Ю. М. Лотмана).

⁹⁹ Философические предложения, сочиненные надворным советником правительствующего сената секретарем Яковом Козельским. СПб., 1768. § 420. С. 198—199.

¹⁰⁰ «Как смеют говорить, что они [первые люди] были испорчены во времена, когда источники испорченности не были еще изобретены» (*Dernière réponse à M. Bordes // Oeuvres complètes de J-J. Rousseau. Paris, 1825. Vol. 1. P. 140*). «Я, как всегда, чудовище, которое считает, что человек по природе добр, мои же противники, как всегда, честные люди, которые к всеобщему назиданию тщатся доказать, что природа его может сотворить только извергом» (*Lettre à M. Philopolis // Ibid. P. 388*).

¹⁰¹ *Réponse au roi de Pologne // Oeuvres complètes de J-J. Rousseau. Vol. 1. P. 123*.

¹⁰² *Réponse à M. Bordes // Ibid. P. 145*.

¹⁰³ Об учтивости и хорошем тоне // *Вестник Европы. 1803. № 9. С. 57*.

¹⁰⁴ Сторонниками подобного понимания были не только французские материалисты, но и А. Н. Радищев, которого Карамзин, вероятно, также имел в виду.

¹⁰⁵ Об эстетических последствиях подобного взгляда см.: *Лотман Ю. О некоторых вопросах эстетики А. Н. Радищева // Научные труды, посвященные 150-летию Тартуского гос. ун-та. Таллин, 1952. С. 173—175*.

¹⁰⁶ *Вестник Европы. 1802. № 15. С. 173*.

¹⁰⁷ «Я родился в республике и ненавижу тиранство», — говорит жене-вец-губернер герою повести.

¹⁰⁸ *Карамзин Н. М. Соч. СПб., 1848. Т. 3. С. 172*.

¹⁰⁹ *Вестник Европы. 1802. № 20. «Известия и замечания»*. Ср.: «Без высокой добродетели Республика стоять не может», — пишет он в № 20 «Вестника Европы» за 1802 г. В «Историческом похвальном слове Екатерине II» Карамзин утверждал: «Или людям надлежит быть ангелами, или всякое многосложное правление, основанное на действии различных воль, будет вечным раздором, а народ несчастным орудием некоторых властолюбцев, жертвующих отечеством личной пользе своей».

¹¹⁰ *Карамзин Н. М. Соч. Т. 3. С. 183—184*.

¹¹¹ Там же. С. 189.

¹¹² Там же. С. 233.

¹¹³ Там же. С. 169.

¹¹⁴ *Московский журнал. 1791. Ч. III. Кн. 2. С. 211*.

¹¹⁵ Там же. С. 213.

¹¹⁶ См.: *Старина и новизна. Вып. I. С. 60*; *Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 248—249*; и в парижском издании книги Н. И. Тургенева «*La Russie et les Russes*» (1847. P. 462).

¹¹⁷ У П. Сумарокова Марфа вступает в предательский сговор с Литвой (так же утверждала и Екатерина II в пометках на полях книги Радищева, доказывая на этом основании, что Иоанн «казнил отступников и изменников»). «Лучше погибнуть от руки Иоанновой, нежели спастись от вашей», — говорит Марфа у Карамзина послу Казимира.

¹¹⁸ *Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. С. 25*.

¹¹⁹ *Карамзин Н. М.* Мнение русского гражданина // Карамзин Н. М. Неизданные соч. и переписка. Ч. 1. С. 5.

¹²⁰ Книга предсказаний: «Древний и новый всегдашний оракул, найденный после смерти одного столетнего старца Мартина Задека». М., 1800. (Сост.)

¹²¹ Неоконченный набросок 1835 г. (Сост.)

[А. Л. Зорин, А. С. Немзер, О. А. Проскурин]

Человек, который пережил конец света
Беседа за «круглым столом» «Независимой газеты»
карамзинистов Андрея Зорина, Андрея Немзера и Олега Проскурина.
Записала М. Хемлиш

Впервые: Независимая газета. 1991. 11 ноября. Печатается по изданию: Венок Карамзину. М., 1992. С. 43—52.

Особый интерес в беседе современных исследователей представляет проблема «Карамзин и Пушкин».

П. А. Вяземский считал, что «Пушкин едва ли не более всех других писателей родственно примыкает к Карамзину и является прямым и законным наследником его» (*Вяземский П. А.* Эстетика и критика. С. 320).

Как бы вступая в диалог с кн. Вяземским и размышляя о жизнестроительстве Карамзина и Пушкина, А. Л. Зорин полагает, что жизнестроительный опыт Карамзина уникален для русской истории, но, по мнению А. Немзера, духовная победа Пушкина носила иной характер. Действительно, Пушкину удалось в совершенной художественной форме, в величайших творениях воплотить то, что лишь было намечено и «недовозмощено» у Карамзина. Однако именно в творчестве Карамзина осуществилась органическая включенность человека «своего времени» во время историческое и вселенское. В способности улавливать связь времен и отвечать им своей жизнью видел Карамзин высшую жизненную мудрость. Через все творчество Пушкина проходит слово-образ «пора» как выражение этой идеи, заключающейся в гармоническом соответствии внутреннего самоощущения человека его возрасту, его эпохе, космическим ритмам. Преимущество в сфере духа обнаруживается не только в представлениях о времени, но и о пространстве. Известные пушкинские слова о том, что «деревня наш кабинет», восходят, по-видимому, к фразе из статьи Карамзина «Отчего в России мало авторских талантов?». «Надобно заглядывать в общество, — говорится там, — непременно, по крайней мере в некоторые лета, — но жить в кабинете» (*Карамзин Н. М.* Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 125). С этой точки зрения Пушкин снова выступает прямым карамзинским наследником. Лирико-философское рассуждение Карамзина «О счастливейшем времени жизни» во многом предваряет пушкинскую жизненную философию.

См. также: Зорин А. Л. 1) Новые аспекты старых проблем // Вопросы литературы. 1985. № 7. С. 208—219; 2) «Слезы нежной скорби» // Детская литература. 1985. № 10. С. 25—29; 3) Заметки о повести Н. М. Карамзина «Сиерра-Морена» // Культурологические аспекты теории и истории

русской литературы: Сб. М., 1978. С. 70—73; Зорин А. Л., Немзер А. С. Парадоксы чувствительности: Н. М. Карамзин. «Бедная Лиза» // «Столетия не сотрут...»: Русские классики и их читатели. М., 1989. С. 7—54; Немзер А. С. Карамзин—Пушкин: Заметки о романе Ю. Н. Тынянова // Лотмановский сборник. М., 1995. Вып. 1. С. 581—595; Декабристы: Избр. соч.: В 2 т. / Сост., прим. А. С. Немзера, О. А. Проскурина; вступ. ст. А. С. Немзера. М., 1987. Т. 1. С. 3—20, 118—120; Проскурин О. А. Об одной особенности полемики о «старом» и «новом» слогe // Литературные произведения XVIII—XX веков в историческом и культурном контексте: Сб. ст. М., 1985. С. 22—30.

¹ Уже в юбилейных материалах 1866 г. Карамзин предстал как своего рода «культурный герой», что позволяет взглянуть на проблему с точки зрения мифологизации личности писателя и историографа.

«Антропоцентризм нового времени поставил на центральное место не просто человека как такового, но человека как индивидуальность. Она-то и стала источником порождения новых мифов» (Виролайнен М. Н. Культурный герой нового времени // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994. С. 325). При этом «...мифологический аспект не может игнорироваться историком культуры уже потому, что сами возникающие в ту или иную эпоху “мифы” представляют собой определенную историко-культурную реальность и историко-психологическую реальность» (Лотман Ю. М. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 525).

Поскольку «мифическая эпоха — это эпоха первопредметов и перводействий: первый огонь, первое копьe, первый дом и т. п.» (Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 173), то мифогенные процессы Нового времени актуализируют эти существенные признаки.

Исходя из указанных посылок, нельзя не заметить, что в многочисленных материалах Карамзин предстает именно как первооткрыватель («Колумб») российской истории, невзирая на всех тех, кто выступал до него на этом поприще, — В. Н. Татищев (1686—1750), М. М. Щербатов (1733—1790), И. И. Голиков (ок. 1734—1801) и др.

«Когда появились первые 8 томов “Истории государства Российского”, Федор Толстой прочел их одним духом и после часто говорил, что только от чтения Карамзина узнал он, какое значение имеет слово Отечество, и получил сознание, что у него Отечество есть. Впрочем, недостаток этого сознания не помешал ему в 12 году оставить калужскую деревню, в которую сослан был на житье, и явиться на Бородинское поле: тут надел он солдатскую шинель, ходил с рядовыми на бой с неприятелем, отличился и получил Георгиевский крест 4-ой степени» (Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 388).

Архаические мифы творения, «во-первых, повествуют о возникновении того, чего раньше не было <...> или что было недоступно для человека, и, во-вторых, особое внимание уделяется внесению упорядоченности и в природную <...> и социальную <...> сферу, а также введению обрядов, долженствующих перманентно поддерживать установленный порядок» (Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. С. 199, 227).

Этому уже должны были служить иронические заповеди карамзинистов:

«Карамзин есть автор твой, да не будет для тебя иных авторов кроме его.

Не признавай ни одного писателя ему равным...

Не произноси имени Карамзина без благоговения.

Помни сочинения Карамзина наизусть...

Чти русского путешественника и Бедную Лизу, да грустно тебе будет и слезлив будешь на земле...

Не критикуй!

Не сравнивай!

Не суди!

Не говори об истории правды.

Не прикасайся до переводов его, не трогай сочинений его, ни “Похвального слова” его, ни “Пантеона” его, ни Марфы-Посадницы его, ни Натальи, боярской дочери его, ни всего Путешествия его, ни всего елико Николая Михайловича» (Русская старина. 1895. Май. Т. 83. С. 52).

«Но совершение того, “чего раньше не было”, — не единственное требование к культурному герою. Другое, не менее настоятельное, заключается в том, что принесенная им новость должна остаться в мире как норма» (Виролайнен М. Н. Культурный герой нового времени. С. 326). «...Постепенно его функции добытчика культурных, а заодно и некоторых природных объектов ... отчетливо выделяются как сугубо сознательные, целенаправленные, требующие особого умения или отваги и получающие в силу этого статус подвига» (Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994. С. 17).

В свете этого принципиальный, а не просто оценочный смысл приобретают широко известные высказывания Пушкина: «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. История Государства Российского есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека» [11, 47].

К этой мысли Пушкин возвращался неоднократно: «Светские люди бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. ... Повторяю, что “История государства Российского” есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека» [11, 57].

Не случайно в пушкинских заметках на полях статьи П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» появляется скрытое сопоставление Карамзина с Геркулесом. Оспаривая Вяземского, уравнившего двух авторов в сравнении их преобразований с геркулесовскими подвигами, Пушкин пишет: «Озеров сделал шаг вперед в слоге, но искусство чуть ли не отступило. Геркулесовского в нем нет ничего» [12, 275]. Согласно смыслу этого утверждения, в Карамзине как великом писателе, в отличие от Озерова, было нечто геркулесовское.

«Наряду с культурным героем-добытчиком, находящим где-то нужные людям культурные и природные объекты и переносящим их к людям, постепенно выкристаллизовывается более “высокий” и, можно сказать, более “героический” тип культурного героя, эксплицитно представляю-

щего силы космоса и защищающего космос от демонических чудовищ, олицетворяющих хаос» (*Мелетинский Е. М.* О литературных архетипах. С. 18).

Эта грань осмысления Карамзина вышла на первый план в юбилейных материалах 1866 г. в связи с социально-политической ситуацией и злободневностью польской темы. Особенное сочувствие публики возбудила речь М. П. Погодина, говорившего о Карамзине как о гражданине. Доказывая императору в «Записке о древней и новой России», что было бы несправедливо и противно интересам России присоединить западные губернии к Польше и потом таким образом соединенную Польшу восстановить, как государство независимое, Карамзин шел вразрез с намерениями самого Александра и хорошо знал это.

«После осуществления этого плана, — писал Карамзин государю, — русский человек, потерявши часть отечества, потеряет вместе с тем некоторую долю любви к нему, и слуги вашего величества не будут более одушевлены любовью к родине. Вы будете по-прежнему иметь генералов, министров, но эти люди не будут слугами отечества, а только слугами своего личного интереса, подобно рабам, а вы желаете дать нам свободу». Когда М. П. Погодин произнес эти слова, то академическая зала была потрясена взрывом рукоплесканий. Подобным же образом было встречено то место из записки Карамзина, где он говорит о своем протесте против современной ему неурядицы в России. «Я не безмолвствовал, — писал Карамзин, — о налогах в мирное время, о нелепой ... системе финансов, о грозных военных поселениях, о странном выборе некоторых важнейших сановников, о министерстве просвещения или затмения, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россию, ... наконец о необходимости иметь твердые законы гражданские и государственные». «Очевидно, на этом чувстве, которым вызвано, в разных местах, празднование юбилея Карамзина, господствующею чертою был патриотизм и уважение к гражданскому мужеству нашего историка, не боявшегося говорить неприятную правду» (Отечественные записки. 1866. Т. 169. № 12. С. 243—244).

Взрыв рукоплесканий — «Да какой взрыв!» (Домашняя беседа. 1866. № 51) — в защиту тишины и мира России (при чтении Погодиным того места из «Мнения русского гражданина», где говорится о Польше) отметила и «Домашняя беседа».

Другая отчетливая грань мифа о Карамзине — патриот, не «русский европеец».

Правда, газета «Московские ведомости» отмечала в юбиларе и то, и другое: «Он был Русский не только по рождению, но и по чувству; всею жизнью своею и деятельностью, столь плодотворною, принадлежит он России. Но в своем качестве Русского он был человек и ничто человеческое не считал себе чуждым, он был сын всемирной цивилизации. Качество Русского и качество Европейца не были в нем двумя чуждыми, друг друга не знавшими силами, или двумя противными тяготениями; они не только не ссорились в нем, не только не отнимали друг у друга места, но были, как и следует, одною и тою же силой, и он был весь Русский в своем европейском качестве, он был весь Европейец в своем русском чувстве» (Московские ведомости. 1866. № 254).

Именно способность совмещать в себе противоположные тенденции и смыслы соотносима с явлением мифогенности. В то же время периодика

той поры представляет Карамзина воплощением истины в ее абсолютном, а не относительном понимании (Народный голос. 1867. № 2).

² Строки из стихотворения Н. М. Карамзина «Послание к Дмитрию» (1794).

³ См., напр.: *Пыпин А. Н.* Очерки общественного движения при Александре I (наст. изд., с. 498—575); *Пашков С.* Движение русской общественной мысли в начале XIX века (наст. изд., с. 582—587).

⁴ *Греч Н.* О жизни и сочинениях Карамзина (см. наст. изд., с. 468—473).

⁵ Письма к Вяземскому из Михайловского от 10 июля и 9 ноября 1826 г. (см. наст. изд., с. 453; включено только первое письмо. — *Ред.*).

⁶ *Катенин П. А.* Письмо к Н. И. Бахтину от 9 января 1828 г. (см. наст. изд., с. 127).

⁷ М. Ф. Орлов — П. А. Вяземскому 4 мая и 4 июля 1818 г.; *Муравьев Н. М.* Мысли об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (см. наст. изд., с. 104—112).

⁸ *Полевой Н.* О новейших критических замечаниях на Историю государства Российского, сочиненную Карамзиным (см. наст. изд., с. 128—133).

⁹ *Розен А. Е.* Записки декабриста. СПб., 1907. С. 112.

¹⁰ *Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1989.

¹¹ «Среди тех, кто оставил свое имя в мировой истории, встречаются и “люди образа” и “люди пути”» (*Виролайнен М. Н.* Культурный герой нового времени. С. 328).

Статус Карамзина менялся. Будучи ближе, по своей сути, к «человеку пути», он не раз был воспринимаем как «человек образа», причем эти образы порой как бы исключают друг друга. Исследования последних лет, в первую очередь, Ю. М. Лотмана, представляют Карамзина как «человека пути».

Было ли строительство образа «историографа» со стороны самого Карамзина? Скорее, образа «историка», без придворного мундира.

Карамзин определяется в большинстве случаев как «историограф государства Российского», однако «стремление к исчерпывающей предьявленности тоже противоречит сущностной природе мифа» (Там же). Карамзин остается мифом, так как определение «историограф» все не исчерпывается. «...“Историограф” еще менее Карамзина» (письмо к И. И. Дмитрию от 22 августа 1818 г. // Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. С. 185).

Сами собой вырисовываются очевидные параллели между Карамзиным и Пушкиным. «Путь, пройденный Пушкиным, не воспроизводит никакой универсалии, он сам создает ее. И в этом смысле Пушкин является для русской истории классическим культурным героем» (*Виролайнен М. Н.* Культурный герой нового времени. С. 332). Но автор этих строк сам оказывается во власти мифа. В определенном смысле Пушкин повторяет путь Карамзина, хотя здесь необходим ряд оговорок.

С одной стороны, действительно, Ломоносов — «Пиндар, Цицерон, Вергилий», Сумароков — «северный Расин», Фонвизин — «российский

Молиер», Карамзин — «новый Стерн». Пушкин не может быть уподоблен никому. Но с другой стороны, Карамзин в некоторых своих чертах был для Пушкина образцом и на определенных отрезках своего пути Пушкин шел вслед за Карамзиным. М. Н. Виролайнен ссылается на прочитанный во время празднования Лицейской годовщины в доме Г. Р. Державина доклад (автор — Н. В. Беляк), где были обозначены основные этапы пушкинского пути, которые «не есть этапы его творчества самого по себе или самой по себе его жизни. В них явлено то нераздельное единство жизни и творчества, к которому всегда стремились русские писатели...

Дитя — поэт — драматург — прозаик — историк — общественный деятель — культурный герой» (Там же).

Основные вехи этого пушкинского пути прежде обозначились именно в судьбе Карамзина.

¹² Вяземский П. А. Фрагменты // Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 388.

С. О. Шмидт

Три юбилея Карамзина

Впервые: Вечерняя средняя школа. 1991. № 6. С. 22—27. Печатается по этой публикации.

¹ См. прим. 25 на с. 978.

² См. прим. 37 на с. 954.

³ Л. Н. Толстой читал «Историю государства Российского» с 18 ноября по 16 декабря 1853 года. По воспоминаниям Д. П. Маковицкого, Толстой «не любил» «Историю государства Российского» «за придворный тон» (Карлова Т. С. Толстой и Карамзин // Л. Н. Толстой. Статьи и материалы. Ученые записки Горьковского ун-та. Вып. 77. С. 104—114). Однако при чтении, в дневнике, Толстой отметил: «Слог очень хорош», а предисловие с изложением взгляда Карамзина на предмет истории и ее задачи вызвало у него «пропасть хороших мыслей» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Репр. воспр. изд. 1928—1958 гг. М., 1992. Т. 46. С. 200). Дневниковые записи содержат ряд исторических справок, почерпнутых у Карамзина: о происхождении рода Романовых, о строительстве крепостей на Кавказе при Борисе Годунове и т. п. (Там же. С. 209—211)

Рядом Толстой излагает свои мысли о «сочинении истории». «Каждый исторический факт необходимо объяснять человечески и избегать рутинных исторических выражений» — такова запись от 17 декабря 1853 года, и тут же прибавлено: «Эпиграф к истории я бы написал: “Ничего не утаю”. Мало то, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно — умалчивая» (Там же. С. 212).

Такая установка была близка и Карамзину, писавшему: «История не роман, а мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир» (Карамзин Н. М. Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 234).

В условиях высочайшей цензуры он продолжал отстаивать необходимость полной правды: «Надеюсь, что в моей книге нет ничего против веры, государя и нравственности, но, быть может, что цензоры не позволят мне, например, говорить о жестокости царя Ивана Васильевича.

В таком случае, что будет история?» (Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями М. Погодина. М., 1866. Ч. 2. С. 171—172).

В период изучения карамзинской «Истории...» у Толстого появился замысел «составить истинную правдивую историю Европы нынешнего века». К этому замыслу он вернулся десять лет спустя и обратился к эпохе Карамзина, бывшей также временем перемен и государственных реформ, как и шестидесятые годы.

В год столетнего юбилея Карамзина Толстой работал над «Войной и миром». В списке необходимых ему книг значатся собрание сочинений Н. М. Карамзина 1848 года, книга М. П. Погодина «Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии», а также «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 576), «Вестник Европы» за 1803—1804 гг.

Вероятно, Толстой знал о планах Карамзина написать «Историю отечественной войны», считает Н. Д. Блудилина, так как в письмах к И. И. Дмитриеву от 20 апреля и от 11 мая 1814 года Карамзин говорит об этом: «...если буду жив, то непременно предложу усердное перо мое на описание французского нашествия; но мне нужны, любезный, сведения, без которых могу только врать: почему и буду просить их etc...» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 181).

В предисловии Карамзина к стихотворению «Освобождение Европы и слава Александра I» выражено намерение написать о последних «великих происшествиях нашего времени» (май 1814) (см.: Блудилина Н. Д. Литературные источники романа Л. Н. Толстого «Война и мир» (Художественно-документальная проза). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. С. 19).

Среди бумаг Карамзина сохранились «Мысли для истории отечественной войны», раскрывающие замысел несостоявшегося сочинения. Оно должно было начаться с главных перемен «всего политического состояния Европы», вызвавших войну, — с Французской революции, «ее причин, изменений»; далее — история случайного возвышения Наполеона; «Политика России: Аустерлиц; Тильзит, Эрфурт»; война Наполеона «с нами» и т. д.

К. В. Пигарев приводит фрагмент письма Д. В. Дашкова к Д. Н. Блудову и К. Н. Батюшкову (датированного 28 октября 1814 г.) об этом замысле Карамзина: «Ему хочется написать историю войны 1812 г., и план уже готов в голове его: план превосходный. ... Главная цель автора есть вторжение французов в Россию и бегство их. Но что же привело их к нам? И с какими целями, с какими надеждами? Для объяснения сего необходимо нужно начать с Французской революции и вкратце показать ее последствия. Походы Суворова, Аустерлицкой, Фридландской, мир при Тильзите представлены глазам читателя в отдалении, как бы картины в волшебном фонаре. Но чем ближе к нашему времени, тем изображения становятся яснее, обширнее, подробнее. Сильно и красноречиво будет описание сей достопамятной кампании, если судить по жару, с каким Карамзин говорит об ней» (Пигарев К. В. Неосуществленный замысел Карамзина // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. XVIII век. Сб. 7. М.; Л., 1966. С. 292—293) и т. д. «Мысли для истории

отечественной войны» в 1862 г. были опубликованы в томе «Неизданных сочинений и переписки» Карамзина.

«По своим задачам, целям, обширности задуманного повествования замысел Карамзина был внутренне близок к эпосе Толстого», — пишет Н. Д. Блудилина (*Блудилина Н. Д. Толстой и Карамзин // Н. М. Карамзин. Юбилей 1991 г. М., 1992. С. 129*), показывая также, что «духовный опыт Карамзина, отраженный в его эпистолярном наследии, является уникальным художественно-документальным материалом для Толстого, благодаря которому писатель глубже почувствовал характер и “дух” ушедшей эпохи и историческое самосознание прошлого поколения» (*Блудилина Н. Д. Литературные источники романа Л. Н. Толстого «Война и мир». С. 20*). Если Карамзину не довелось создать образ своей эпохи, то его статьи и письма, его черновые наброски помогли сделать это последующим поколениям писателей, в частности, Толстому, сам же Карамзин был осмыслен как один из «героев своего времени».

Исследователи проблемы «Толстой и Карамзин» указывают, что в черновых вариантах «Войны и мира» Карамзин выступает в ряду исторических персонажей романа наряду со Сперанским и др. Есть несколько упоминаний о знакомстве с ними литературных героев: «Он (князь Василий) виделся с умными и учеными, Карамзин был его друг» (*Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 166*). Жюли Ахросимова пишет к дочери князя Волконского: «В тот же вечер у нас ужинал Карамзин. Что за человек! Милый друг, я никогда не думала, что столько совершенства может быть в мужчине» (Там же. С. 249). Н. Д. Блудилина отмечает, что Карамзин был представлен как политик, консерватор, составитель знаменитой «Записки о древней и новой России» (в беловом варианте это было исключено, так как карамзинское обращение к Александру I «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» не было тогда опубликовано), участник споров на страницах романа «о духе нового времени, о правах человека, о справедливости вообще, о необходимости разумности в устройстве государства», как защитник «старого порядка», «известного, привычного», «освященного временем» (Там же. С. 672). В образе Карамзина на страницах черновых вариантов «Войны и мира» отражены в большей степени взгляд и понимание его личности современниками (*Блудилина Н. Д. Толстой и Карамзин. С. 130*). Причины исключения из окончательного варианта текста имени Карамзина в общем-то не исследованы. Дело, видимо, в том, что в «довоенную» эпоху и в 1812 году Карамзин еще не был известен как историк, а его повести никогда не получали у Толстого высокой оценки. Но Толстой не мог разделить и резко отрицательных отзывов будущих декабристов об «Истории государства Российского», последовавших после того, как начали выходить ее тома. Толстовское отношение к «Истории...» было более сложным, имели место и притяжение и отталкивание.

Так, Ю. М. Лотман указывает на принципиальное значение материалов карамзинского «Вестника Европы» для отражения в романе Толстого бонапартистских настроений начала XIX века. Именно в журнале Карамзина Толстой уловил «оттенки духа времени, порой ускользающие от внимания историков» и «не случайно сделал в первых главах “Войны и мира” и князя Андрея Болконского, и Пьера Безухова бонапартистами» (*Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 282*). «Критическое

изображение Толстым деятельности Александра I и Сперанского порой обнаруживает точки соприкосновения с карамзинской запиской «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (см.: Лотман Ю. М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Лотман Ю. М. Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957—1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997. С. 588—600).

Главное же, что в эволюции замысла «Войны и мира» зримо реализовалось карамзинское представление о настоящем как следствии прошедшего: от своей современности и замысла «Декабристов» (1856) Толстой перешел к 1825 году, эпохе «заблуждений и несчастий» своего героя, потом обратился к молодости декабриста, совпавшей с Отечественной войной 1812 года, а затем к 1805—1807 годам — началу событий.

Еще в письмах Мелодора и Филалета Карамзин высказал мысль, эхом прозвучавшую в «Войне и мире»: «Может быть, то, что кажется смертному великим неустройством, есть чудесное согласие для ангелов; может быть, то, что кажется нам разрушением, есть для их небесных очей новое, совершеннейшее бытие». И у Толстого: «Мы думаем, как нас выкинет из привычной дорожки, что все пропало; а тут только начинается новое, хорошее» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 222).

Исследователями отмечено, что близки по духу были и раздумья двух писателей о движущих силах истории, о роли личности в историческом процессе. «Мы все как муха на возу: важничаем и в своей невинности считаем себя виновниками великих происшествий! — Велик тот, кто чувствует свое ничтожество — пред Богом!» — писал Карамзин (*Карамзин Н. М. Неизданные соч. и переписка. Ч. 1. С. 197*).

Толстой осознал место Карамзина в общественной жизни всего XIX столетия и отнюдь не ограничивал собственное творчество от карамзинского наследия, обращаясь прежде всего к «Истории государства Российского», а также к публицистике, «Мыслям» и эпистолярному наследию Карамзина.

⁴ См. с. 910.

⁵ См. наст. изд., с. 401.

⁶ Исследователями давно отмечена особая роль героини в структуре произведений И. С. Тургенева.

Тургеневская Лиза, вызывающая, подобно карамзинской, особое отношение автора и читателей, их сострадание, искреннее сопереживание, может зваться и иначе (Акулина, Маланья), может стать органической частью иной художественной структуры (не только повести, но социально-психологического, философского романа), но при этом сохраняет свое родство с героиней Карамзина.

Тургенев создает различные сюжетные ситуации: возлюбленный Акулины в рассказе «Свидание» не барин, а всего лишь его камердинер, автор привлекает не социальная коллизия, а душа Акулины; в «Дворянском гнезде» отец Федора Лаврецкого, воспитанный на просветительских идеалах, бросает вызов сословным предрассудкам и женится на его матери-крестьянке, не делая ее, однако, счастливее; в образе же Лизы Калитиной на первый план выходят философские, религиозно-нравственные грани проблемы, без сомнения, присутствующие и повести Карамзина.

Рассказ «Свидание» близок сентиментальным повестям и по сюжету, и по поэтике. В сопоставлении с барским камердинером бедная крестьянская девушка Акулина предстает чистой, любящей душой, способной на тонкие и глубокие переживания, верной своему чувству. И Маланья, хоть и обвенчанная с отцом Федора Лаврецкого (Тургенев как бы дает понять, что и женитьба барина по сути дела мало что меняет), несомненно, принадлежит все к тому же типу «бедной Лизы». Религиозность Лизы Калитиной отличает ее от карамзинской Лизы, но проблемы вины и долга, воли судьбы и Божественного Провидения, связанные с развитием любовного сюжета, характерны для обоих авторов.

В «Вешних водах», как и в «Бедной Лизе», тоже может быть выявлена драма отвергнутого, не принятого дара — дара чистой любви и позднего осознания вины и невозполнимой потери. Однако у Тургенева эта коллизия возведена на более обобщенный уровень: между Саниным и Джеммой нет, казалось бы, никаких обстоятельств (прежде всего, социальных), препятствующих их браку, но счастье невозможно, в художественном мире Тургенева — это всего лишь несбыточная мечта.

У Тургенева, пишет В. М. Маркович, «в истории героя или героини за рассказом о пережитой страсти непременно следует рассказ о безвременной смерти пережившего ее человека. Пусть и не от любви, но человек этот безременно погибает...» (Маркович В. М. О «трагическом значении любви» в повестях И. С. Тургенева 1850-х гг. // Поэтика русской литературы. М., 2001. С. 277—278). Но так же строится и история карамзинских героев: Евгения («Евгений и Юлия»), бедной Лизы, Эльвиры («Сиерра-Морена»); рядом с этим стоят аналоги — изгнание, заключение («Остров Борнгольм»), бегство и призывание смерти («Сиерра-Морена»).

И у Карамзина, и у Тургенева возможна была «посткатастрофическая» стадия развития сюжета. Так, в «Асе» «повествование превращалось в лирический монолог, происходило эмоциональное возвышение героя-рассказчика (а вместе с ним и читателя) над только что пережитым конфликтом. Оно и оказывалось его неожиданным разрешением» (Там же. С. 285). В «Бедной Лизе» это возвышенно-лирический тон повествователя в финале, это раскаяние Эраста и возможность их примирения с Лизой *«там, в новой жизни»*.

Автор «Бедной Лизы» не только повествователь, но и поэт-лирик. В повести может быть выявлен лирический сюжет. Чувство радостно-открытой любви к миру сменяется печалью и горечью, достигает трагического безмолвия («язык мой не движется») и завершается надеждой на примирение, на восстановление разрушенной гармонии, на торжество любви — хотя бы за пределами земного бытия. Эта черта карамзинского повествования становится конструктивным принципом в творчестве ряда русских писателей последующих поколений, в особенности у Тургенева.

Лиризм сопутствует теме любви. «Истинная любовь для Карамзина не только высоко нравственна в своей основе, но и является критерием подлинной человечности» (Канунова Ф. З. Из истории русской повести (Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина). Томск, 1967. С. 48). Подобная трактовка любви характерна и для Тургенева. Вслед за сентименталистами Тургенев усиливает тему «автономности чувствительного сердца», не знающего над собой никакой власти. Княжна Зинаида из повести «Первая любовь», прослушав любимое ею «На холмах Грузии...»,

повторяет последнюю строку: «Что не любить оно не может», прибавляя при этом — «и хотело бы, да не может!» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Соч.: В 12 т. М., 1986. Т. 9. С. 7). И как бы снова продолжая карамзинскую линию, Тургенев изображает сильное чувство как неизбежно трагическое, несовместимое со счастьем. Писатель развивал заложенные Карамзиным традиции и в социальном, и в нравственно-философском, и в эстетическом аспектах. Как будет впоследствии в тургеневских романах (см.: *Маркович В. М.* Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Л., 1982), в «Бедной Лизе» наряду с конкретно-событийным развивается определенный метафизический сюжет: вначале словами матери Лизы выражено представление о мире как о гармоничном и совершенном, затем поступком Эраста и самою судьбою Лизы опровергается этот тезис (горестно-вопросительный взгляд на небо становится сквозным мотивом карамзинских произведений и выражает авторскую позицию) и, наконец, утверждается возможность прощения и примирения за пределами земного бытия (ср. у Тургенева в «Накануне»: «...смерть все прикрывает и примиряет, — не правда ли?» — VIII, 165).

Как и у Карамзина, у него проявляется «необычайно интенсивная нагруженность сентиментальной поэтики философским и психологическим содержанием» (*Жулякова Э. М.* Традиции сентиментализма в творчестве Тургенева 1850-х годов («Дворянское гнездо»). Учебное пособие. Томск, 1993. С. 15). Решая проблему соотношения чувств и долга, страстей и счастья, Карамзин стремился к гармонии, примирению, согласию. Далеко не всегда достижимые в земной жизни, они осуществляются в вечности, в безграничности времени и пространства. «Теперь, может быть, они уже примирились!» (*Карамзин Н. М.* Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 9), — так заканчивается «Бедная Лиза», и в это хотелось бы верить автору, погруженному в горестные раздумья о судьбе Лизы и Эраста. О победе гармонии над бунтом, покоя над страстями говорит и финал «Отцов и детей»: «...Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии “равнодушной” природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» (VII, 188).

Таким образом, в финале двух произведений формируется некая «область идеального и вневременного» (см.: *Аюпов С. М.* Эволюция тургеневского романа 1856—1862 гг.: соотношение метафизического и конкретно-исторического. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Казань, 2001. С. 11—12), и именно на этом оба автора останавливают свое повествование.

Идея примирения царит и в окончании повести «Вешние воды»: «...Он глянул на подпись: Джемма! Слезы так и брызнули из его глаз: одно то, что она подписалась своим именем, без фамилии — служило ему залогом примирения, прощения!» (XI, 155).

⁷ У Карамзина любовь матери становится «основанием характера» его героя. Это первое впечатление и первое воспитание навсегда должно было решить судьбу Леона, чья душа «образовалась любовью и для любви» (*Карамзин Н. М.* Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 588). Кажется, впервые именно у Карамзина возникает образ любящей матери, со слезами обращающейся к Богу («сколько раз в день, в минуту нежная родительница целовала его, плакала и благодарила небо...» (Там же. С. 589)). Эта зримая картина воз-

родится потом у Гончарова, Аксакова, Толстого, в трагическом освещении предстанет у Достоевского в рассказе о матери Алеши Карамазова. Смерть матери в произведениях Карамзина, Толстого, Достоевского ведет к возрастанию глубины и напряженности психологизма.

⁸ Слова Карамзина о Шекспире («Письма русского путешественника»).

В. Н. Топоров

О «Бедной Лизе» Карамзина
(К двухсотлетию со дня выхода в свет)

Впервые: Славяноведение. 1992. № 5. С. 3—36. Печатается по этому изданию.

Топоров Владимир Николаевич (1928—2005) — российский филолог, академик АН СССР (с 1990), академик РАН. «Владимир Николаевич Топоров — ученый, за более чем полвека научной деятельности обнявший в своей работе все основные области знания, относящиеся к достижениям человеческого духа. Его больше всего занимает русская культура в самом широком смысле и во всем многообразии ее проявлений, простирающихся на целое тысячелетие и взаимодействующих с другими — евразийскими и европейскими» (*Иванов Вяч. Вс.* Академик В. Н. Топоров (к 75-летию со дня рождения) // *Известия РАН. Сер. литературы и языка.* 2003. Т. 62. № 4. С. 71).

Что касается истории литературы, то наряду с Пушкиным, Жуковским, Батюшковым, академик Топоров уделил значительное внимание Карамзину, и прежде всего повести «Бедная Лиза». В итоговом труде, посвященном этому произведению, отмечается, что в течение почти сорока лет, «до появления рассказов и повестей Пушкина и Гоголя, “Бедная Лиза” оставалась наиболее совершенным и представительным образцом русской художественной прозы» (*Топоров В. Н.* «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. К двухсотлетию со дня выхода в свет. М., 1995. С. 23).

В статье «О “Бедной Лизе” Карамзина (К двухсотлетию со дня выхода в свет)» повесть рассмотрена в широчайшем историко-культурном контексте, что позволяет увидеть многие новые грани Карамзина как писателя.